А.Л.Заерко

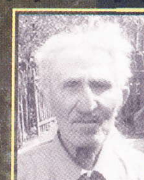
ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Кровавая граница

книга первая

1918-1939

А.Л.Заерко ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ КРОВАВАЯ ГРАНИЦА КНИГА ПЕРВАЯ 1918-1939

А.Л.Заерко

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ

Кровавая граница

книга первая
1918-1939

Минск
2002

УДК 343.81 (476) (091) (093.3)
ББК 67.409 (4Бси)
З 16

З 16 Кровавая граница.
Заерко А. Л. – М.; 2002. – 272 с.

Книга «Кровавая граница. 1918–1939 гг.» из серии «История белорусскогои приграничья» написана для широкого круга читателей и является одной из немногих попыток полного исследования приграничного режима в тоталитарной стране.

УДК 343.81 (476) (091) (093.3)
ББК 67.409 (4Бси)

ISBN 985-6571-06-5

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

С конца 80-х годов я занимаюсь тем, что пытаюсь по крупицам собрать и объединить белорусскую историю в большой монолитный правдивый пласт. Для этого мне приходится почти еженедельно отправляться в дорогу. Везде, куда мне удавалось добраться пешком или на машине, я разыскивал героев своих будущих книг – находил их в покинутых деревнях и в уютных городских квартирах, в окружении любящих семей или совершенно одиноких, жизнерадостных или убитых горем.

Многие из тех более пятисот стариков и старушек, с которыми мне удалось встретиться, ушли в иной мир, но их горе, обида и слезы остались на магнитофонной ленте. Не рассказать о них я просто не имею права. Эти люди заслужили нашего уважения и памяти своими сломанными, неудавшимися жизнями, подорванным здоровьем.

Мною собран достаточный материал, чтобы выпустить несколько книжных серий, таких, как «История белорусских советских тюрем», «История репрессивных органов БССР», «Белорусы на стройках ГУЛАГА», «История истребления белорусского крестьянства». Отдельными книгами выйдут: «Золото Беларуси», «Растоптанная вера», «Подрывная деятельность советских спецслужб в Западной Беларуси» и ряд других. Всего – более трех десятков книг.

В этих книгах я систематизировал и обобщил огромный фактический материал, охватывающий несколько десятилетий (1929–1956 гг.). Ознакомившись с ним, читатель, возможно, по-новому взглянет на историю нашей Беларуси.

Первая книга «Тюрьмы Беларуси 1924–1935 гг.» из серии «История белорусских советских тюрем» уже увидела свет в 2001 г. Вторая книга «Кровавая граница», как и предыдущая, написана для широкого круга читателей. Здесь я попытался воссоздать объемную картину действий пограничных войск на Беларуси в 1918–1939 годах. Читатель впервые ознакомится с интересными историческими фактами и свидетельскими откровениями жителей приграничья.

Моему сынишке,
Заерко Кириллу Андреевичу,
посвящается

ГЛАВА 1

Становление пограничных войск

С созданием Союза Советских Социалистических Республик высшее руководство компартии страны особое внимание стало уделять охране государственной границы, укреплению пограничных войск. Теперь погранполоса отделяла не одно государство от другого, а две общественно-политические системы – социализм и капитализм. Если ранее приоритет отдавался защите экономических интересов государства, то после октябрьского переворота на пограничные войска легла обязанность защищать страну в политическом и военном отношении. Теперь погранчасти производили задержание на границе враждебных элементов, участвовали в ликвидации антисоветских выступлений в приграничных районах, пресекали попытки сопредельных государств перебрасывать на советскую территорию вооруженные формирования националистического толка, не допускали контрабандного ввоза оружия и антикоммунистической литературы.

Самой надежной опорой нового строя были войска, подчиненные непосредственно ВЧК. Поэтому 24 ноября 1920 г. Совет Труда и Обороны под председательством В. Ленина возложил всю ответственность за охрану границы на особые отделы ВЧК и переподчинил Комиссии все несущие пограничную службу войска. Через два месяца – 19 января 1921 г. – таможенные органы также были переданы в ведение ВЧК. Это позволяло совмещать войсковую охрану границы с оперативной работой, применяя в приграничных районах все методы террора против противников строя.

Части Особого отдела приступили к охране границы посредством выставления вдоль пограничной полосы заградительных постов. Посты объединялись в пограничные участки, при которых имелись подразделения, выполнявшие оперативные задачи. Вся граница разбивалась на

районы. Руководство охраной границы осуществлялось через особые отделы участков и районов, которые, в свою очередь, подчинялись штабу и непосредственно начальнику войск Западной границы Петру Боревичу[1]. Последний выполнял все установки начальника Особого отдела ВЧК. Управление войск ВЧК Западной границы размещалось в Смоленске.

В марте 1921 г. началось формирование первых пограничных частей и соединений. Для этого были выделены лучшие подразделения войск Западного фронта. Личный состав ВЧК рос как на дрожжах. Только в Беларуси были сформированы 6-я, 20-я и 21-я отдельные пограничные бригады, состоявшие из батальонов, части которых непосредственно несли охранную службу. При этом особое место отводилось идеологически подготовленным кадрам. Решением Политбюро ЦК РКП(б) от 14 мая и 18 ноября 1921 г. была дана установка на возвращение в войска старых специалистов, имевших опыт пограничной службы, и пополнение личного состава пограничной охраны членами партии.

Нехватка надежных частей заставила Совет Труда и Обороны 19 октября 1921 г. принять решение о расформировании пограничных частей с дальнейшей передачей личного состава на пополнение других соединений ВЧК, а войсковую охрану границы возложить на полевое командование Красной Армии. В ноябре 1921 г. на границу стали прибывать первые строевые армейские части. В Белоруссии охрана государственной границы была возложена на войска Западного фронта (с 8 апреля 1924 г. – Западного военного округа). Здесь несли службу подразделения двух специально сформированных пограничных дивизий, штабы которых размещались в Витебске и Минске.

Армейские части были мало подготовлены для несения столь непривычной для них службы и нуждались в постоянном контроле и опеке. На заседании ЦК КП(б)Б от 3 июля 1922 г. специально рассматривался вопрос об усилении охраны границы. Были выработаны меры по дальнейшему повышению боеготовности погранохраны и усилению воспитательной работы среди личного состава. Предусматривалась значительная помощь погранчастям со стороны руководства республики и местных организаций. Наркомзему Беларуси, например, предлагалось отпус-

[1] Петр Боревич – в годы Гражданской войны командир кавалерийского дивизиона 24-й Симбирской железной стрелковой дивизии.

тить пограничникам лес для постройки казарм, а снабженческим организациям – обеспечить их всеми видами довольствия.

Однако охрана границы оставалась ненадежной. Само армейское подчинение войск не устраивало руководство страны. Части должны были беспрекословно выполнять любой приказ, исходящий от партийных органов, и одновременно не зависеть от генералитета РККА. Поэтому, согласно постановлению Совета Труда и Обороны от 27 сентября 1922 г., охрана сухопутной и водной границ передавалась в ведение Государственного политического управления (ГПУ). 22 октября 1922 г. Советом подписывается «Положение об отдельном пограничном корпусе войск ГПУ». В нем учреждалось это воинское соединение, которое вошло в войска ГПУ, подчинялось во всех отношениях председателю ГПУ или зампреду ГПУ. Войска корпуса во время службы руководствовались уставами Красной Армии. Теперь, согласно этому документу, на ГПУ возлагались задачи по охране границ, установлению надлежащего погранназора, руководству службой и инструктажу. Таким образом, погранохрана становилась одной из составных частей репрессивной машины.

Части Отдельного погранкорпуса войск ГПУ, расположенные в пограничных военных округах, подчинялись во всех отношениях полномочному представителю ГПУ соответствующего округа. Пограничные округа делились на отдельные батальоны трехротного состава. Число батальонов в округе определялось в зависимости от местных условий, важности и сосредоточения контрабандных потоков. Части формировались на общем с Красной Армией основании. Войскам присваивалась особая форма одежды и головного убора.

В конце августа 1923 г. на Западном фронте приступили к формированию двух бригад погранвойск. Штаты полков разворачивались из существующих трех погранбатальонов. В качестве войск усиления при полках формировались команды связи, пулеметная, саперная, комендантская, пеших и конных разведчиков, хозяйственная, полковой перевозочный пункт, полковой клуб, полковой обоз. В бригадные войска усиления входили: кавалерийский эскадрон и рота связи. При каждой бригаде действовал отряд особого назначения войск ГПУ.

Издаются ряд документов, регламентирующих погранслужбу. 7 сентября 1923 г. ЦИК СССР были приняты «Временный устав службы пограничной охраны ОГПУ» и «Положение об охране границы СССР».

Переподчинение было обосновано в «Положении...», откуда была изъята формулировка об обязанности погранвойск защищать границу в военном отношении – теперь предписывалось продолжать службу в качестве политической охраны. При этом предусматривалось, что реорганизация будет способствовать становлению и развитию оперативного мастерства с одновременным привлечением погранохраны к выполнению несвойственных ей функций внутренних войск.

Переподчинение пограничной охраны органам ГПУ позволило последним провести ряд удачных операций против эмигрантских организаций. Одна из них была успешно завершена в Беларуси. Все начиналось с того, что осенью 1922 г. в Заславле был внедрен на должность начальника заставы сотрудник ГПУ Батов (настоящая фамилия – Крикман), который в течение нескольких лет обеспечивал переходы через свое «окно» представителей организации Б. Савинкова. Минское направление для этих целей было выбрано не случайно. На его лобовых Заславском и Койдановском (Дзержинском) участках было удобно осуществлять переходы. До города было несколько десятков километров, а до его оживленных пригородов – Заславля и Койданова – еще в два раза меньше. Много лесных массивов. Если кто-либо пересекал границу, то найти нарушителя было уже тяжело. 10 августа 1924 г. через «окно» перешел сам Савинков, а также его единомышленник А. Деренталь со своей женой Любовью. Для предотвращения любой оплошности на этом участке пограничья наряды были сняты. Арест группы был проведен на следующий день в Минске.

К середине 20-х окончательно оформляются структуры ОГПУ. Председатель ОГПУ проходил через назначение Президиумом ЦИК СССР и утверждался Совнаркомом. Коллегию этого ведомства составляли председатель, два его заместителя и все начальники отделов. В ОГПУ насчитывалось десять отделов, одним из которых был пограничный. При этом новые погранчасти ГПУ находились в зачаточном состоянии. «Кордоны» (так назывались заставы до мая 1924 г.) представляли собой небольшие домики в одну, в лучшем случае – две комнаты. Вдоль стены располагались нары, самодельный столик у одного окна. Возле двери – плита для приготовления пищи. Она же обогревала и комнату. Но в большинстве случаев пограничники располагались в крестьянских хатах. При станции Негорелое им даже приходилось ночевать в вагоне-теплушке и

воровать дрова с железнодорожных складов. Личный состав получал паек на руки, и приготовление пищи ложилось непосредственно на пограничников. При штабах рот и батальонов было налажено котловое довольствие. Наблюдались перебои в выдаче сахара, жиров и табака. Выпечка хлеба производилась частью при батальонах, частью – непосредственно на заставах или местными жителями. При частях отсутствовали бани, что, в частности, способствовало распространению вшей. Стирка белья проводилась на местах.

Карпович Анатолий Владимирович, 1910 г. рожд.
Солигорский (Старобинский) район, г. п. Старобин.
Член КПСС с 1939 г.

«Дядева хата – дядя уехал в Самару, бросил эту хату. Папа взял да перешел в эту хату. Так у нас было солдат, может, 10 человек, красноармейцев. Вши по ним ползали. Мне было болей за 10 лет. Еще границы не было, только часовые в Старобине стояли. Я уже пас коров. Так мама эти рубашки брала да в печку сунула. А там вошей сыпалось! А у нас организовали во второй хате тюрьму. Ловили этих перебежчиков – и туда. Это во второй хате».

Ощущался недостаток и в вооружении.

Клепацкий Иван Миронович, 1903 г. рожд.
Лепельский район, дер. Малые Дольцы.

«А сперва граница не особенно охранялась, было пройти ночью можно. То наши перейдут, то эти перейдут. Стрелять – не стреляли. А так, значит: здравствуйте – до свидания. Не было, каб убивали. Пограничников не шибко много. Вот было, допустим, на границе, в Рудно, пост стоял. Он пройдет, винтовку на плечи – и пошел. Раньше патронами не раскидывались. Потому что не было оружия. Большей частью берданки носили. Это оружие тяжелое и паршивое. Оружия не было другого».

Части пограничных бригад, уходя, забрали все ценное, даже необходимые средства связи: телефоны, кабеля и т. д. Сигнальных приспособлений и контрольных полос на границе не имелось. Вся земля, кроме узкой четырех-пятиметровой полосы, находилась в частном пользовании крестьян. Пограничникам приходилось изучать и запоминать каждый метр полосы, а в лесных массивах даже связывать между собой стебельки травинок. И так на протяжении многих сотен метров, местами – по два-три ряда. Зимней одежды пограничники не имели, несли службу в морозы в летнем обмундировании. Испытывался недостаток в кожаной обуви, нательном белье, перчатках и постельных принадлежностях. Отсутствие регламентирующих документов позволяло списать на начальника заставы любую оплошность на границе.

Как упоминалось выше, на протяжении пяти лет – с 1920 по 1924 гг. – издавались специальные документы, на базе которых проводилось становление погранохраны. В документах определялось понятие пограничной полосы, которая непосредственно прилегала к линии государственной границы и являлась частью территории государства. На ней вводились режимные ограничения, предусмотренные для пограничной зоны. Устанавливались особые правила, регламенты передвижения и производства сельскохозяйственных работ. Въезд в пограничные полосы и временное проживание в них допускались по согласованию с пограничными войсками. Ширина сухопутной пограничной полосы составляла 4 м, 500 м, 7,5 км и 22 км от линии государственной границы. Вводилась новая система организации погранвойск: округ – отряд – комендатура – застава. Высшим военно-административным и оперативным объединением, предназначенным для охраны определенного участка государственной границы, стал округ, в который входило несколько погранотрядов и других отдельных частей.

Западный (позднее – Белорусский округ), как и все остальные, был создан в феврале 1924 г., располагался в Смоленске и состоял из семи отрядов, которые несли охранную службу в 16 пограничных районах республики. В частности, 12-й Бигосовский – в Освейском и Верхнедвинском (Дрысенском) районах; 13-й Полоцкий – в Полоцком и Ушачском; 14-й Плещеницкий – в Плещеницком и Логойском; 15-й Заславский – в Заславском; 16-й Койдановский – в Дзержинском и Узденском; 17-й Тимковичский – в Копыльском, Краснослободском и Старобинском; 18-й Житковичский – в Житковичском, Туровском и Лельчицком. Все отряды, за исключением 12-го, который охранял смешанный участок латвийско-польской границы, были задействованы против Польского государства. Эти воинские части являлись основной служебно-боевой и

административно-хозяйственной единицей в погранвойсках. Боевой состав и численность вышеуказанных отрядов, протяженность охраняемого ими участка зависели от характера, важности поставленной частью задачи и других условий. Обычно отряды состояли из нескольких комендатур, подразделений боевого обеспечения и обслуживания. В последующем в части стали входить контрольно-пропускные пункты, маневренные группы.

Основным подразделением войсковой охраны границы становилась пограничная застава. В штаты погранохраны вводилась должность помощника начальников отрядов, комендатур и пограничных застав по политической части. На командный и административный состав распределялись льготы и привилегии, предоставляемые сотрудникам ОГПУ. Новая организационная структура позволяла сосредоточить в едином аппарате управления пограничного отряда оперативное, политическое, строевое и административное руководство пограничной службой. Этим объединением организационно совершенствовались пограничные войска. В единой пограничной охране ОГПУ вводилось беспрекословное единоначалие. На должности начальников пограничных отрядов и комендатур назначались командиры-чекисты. В управлении погранотрядов и комендатур создавались секретно-оперативные части, в штат которых входили работники бывших особых отделений и постов.

Пограничная охрана была всецело подчинена органам ГПУ. Важнейшие решения, касающиеся формирования и деятельности пограничной охраны, принимались монопольно руководством Главного политического управления и лишь затем оформлялись в виде законодательных актов высших государственных органов. В июне 1924 г. ЦК КП(б)Б заслушивается доклад политической инспекции войск ГПУ Западного округа о подготовке младшего политсостава для погранчастей. В принятом решении предусматривались конкретные меры, направленные на усиление партийного контроля над войсками, на укрепление их кадрами. Одновременно ЦК ВКП(б) 21 июля 1924 г. принял постановление о передаче руководства партийной работой в погранохране местным партийным органам. Специальное «Положение о партийном строительстве в погранохране ОГПУ», опубликованное в декабре 1924 г., определило структуру парторганизации и порядок взаимодействия с местными парткомитетами. В ноябре 1924 г. ЦК РКП(б) издал циркулярное письмо «О работе

среди членов РЛКСМ в частях пограничной охраны и войск ОГПУ», согласно которому «Положение о работе среди членов РЛКСМ Красной Армии, Красного Флота и ОГПУ» распространялось и на части пограничной охраны. В соответствии с этим документом вводилось в действие «Положение о комсомольских организациях застав».

Все эти документы, при строгом их выполнении, полностью и беспрекословно подчиняли партийно-комсомольский актив не только воинской, но и партийной дисциплине. Теперь на каждого пограничника возлагалась обязанность не только следить за границей, за поведением местного населения, но и являться проводником всех идей компартии и советской власти, соблюдать законы самому и следить за их выполнением окружающими. Пограничные войска становились твердым щитом ОГПУ.

В апреле 1925 г. по решению ЦК РКП(б) прошло Всесоюзное совещание начальников частей пограничной охраны ОГПУ, где были подведены итоги деятельности пограничных войск и ход их реорганизации. На совещании было принято решение об обязательном привлечении населения приграничных районов к активной помощи в охране границы, проведении мероприятий по поддержанию пограничного режима. В августе 1925 г. на комиссии ЦК РКП(б) эти вопросы были специально рассмотрены с последующей разработкой плана обследования пограничных округов западной границы. В республике создавались комиссии, которые занимались данным вопросом. Согласно их докладным запискам, которые заслушивались прямо на бюро ЦК КП(б)Б, утверждались постановления об усилении борьбы с «профессиональными контрабандистами, бандитами и шпионами».

ОГПУ брало на себя обязательство усилиями пограничной охраны пресечь все виды антисоветской деятельности на границе, с одновременным привлечением всего населения приграничья почти в принудительном порядке в сферу «добровольных помощников». Для выполнения столь щекотливого задания необходимо было иметь в достаточном количестве надежные кадры. Поэтому ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г. принял «Закон об обязательной военной службе», который отменял добровольческий порядок комплектования погранвойск, установленный в 1923 г. Теперь войска пополнялись не по остаточному принципу. Туда стало направляться необходимое количество личного состава согласно штатному расписанию. Наиболее подготовленные пограничники

и младшие командиры после прохождения срочной службы могли оставаться на добровольную (сверхсрочную) службу. Для усиления борьбы с контрабандой, терроризмом и действиями разведорганов сопредельных государств ГПУ БССР улучшило снабжение погранохраны. Обмундирование и обувь были выданы по установленным нормам. В течение года произошло перевооружение частей. Были заменены старые трехлинейные винтовки на новые кавалерийские. Патронов и гранат было предоставлено в избытке. Хуже обстояло дело с пулеметами. Станковый пулемет «Максим», являвшийся основной огневой мощью застав, был тяжелым, ограничивал их мобильность. Легких пулеметов в частях крайне недоставало. С 1925 г. в отношении обучения кадров округ перешел на индивидуальную систему подготовки.

Руководство ОГПУ брало на себя основные вопросы руководства погранохраной, определяло главные задачи, осуществляло подбор и размещение командных кадров. В полномочном представительстве ОГПУ по Беларуси был создан из чекистского актива мощный партийно-политический аппарат. Основными функциями данной структуры все последующие годы являлся постоянный контроль за служебно-боевой деятельностью погранохраны, идеологическое и воинское воспитание личного состава. Каждая чистка, касавшаяся ОГПУ, затрагивала и пограничную охрану. В мае 1926 г. Пилсудский совершил в Польше вооруженный переворот, на что руководство ОГПУ отреагировало мгновенно. Были поставлены задачи: все имеющиеся силы и средства направить на подготовку к обороне. Для этого перед ПП ОГПУ по Беларуси ставились определенные практические цели, из которых основные ложились на погранвойска округа. Была усилена пограничная охрана и контрразведка в приграничных местностях. На границу выходили одновременно всей заставой, на пять-семь суток. Днем граница охранялась парными нарядами. При этом один пограничник находился в дозоре и наблюдал за определенным участком местности, а другой отдыхал и доставлял товарищу еду. Потом пограничники менялись местами и обязанностями. Ночную службу несли одиночными нарядами, что позволяло обеспечивать более широкий фронт охраны.

Вся эта нагнетаемая обстановка толкала к быстрейшему проведению официальной реорганизации погранвойск, которая была закончена к концу 1926 г. Отдел пограничной охраны и Управление войск ОГПУ в

ноябре этого года были преобразованы в Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ (ГУПО и ВОГПУ). Округа возглавили Управления пограничной охраны и войск ОГПУ при окружных полномочных представительствах ОГПУ (УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ). Главное управление входило в союзное ОГПУ. Теперь пограничная охрана по своей значимости сравнялась с войсками ГПУ, а по численности не уступала последним.

ГУПО и ВОГПУ было теперь военизированной организацией. Для подготовки кадров в Москве была открыта специально Высшая пограничная школа ОГПУ с 8-месячным сроком обучения. В этом же году в сентябре месяце был издан приказ ОГПУ о мандатной комиссии по подбору кандидатов. В школе курсанты проходили обучение как по общевойсковой подготовке, так и по специальной – чекистской. В 1926 г. при школе были открыты центральные курсы по подготовке инструкторов служебных собак. Но нехватка командного состава остро ощущалась на границе. С конца 1923 по начало 1924 г. при округах стали создаваться окружные пограничные школы для подготовки младшего командного состава.

Все передислокации пограничных застав, строительство новых, создание оперативного резерва (маневренных групп) при погранотрядах, использование служебных собак и другие изменения в охране границы были закреплены в новом «Положении об охране государственных границ СССР», утвержденном ЦИК и СНК 15 июня 1927 г., и во «Временном уставе службы пограничной охраны ОГПУ» 1927 г. Указанные документы дополнялись новыми тактическими положениями о формах и методах пограничной службы (взаимодействие, наблюдение, следопытство, контролирующие средства и т. п.), более четко и конкретно определялись назначение, права и обязанности сторожевых пограничных нарядов, командного и политического состава. В устав впервые были введены разделы об охране водной границы, вспомогательной службе сторожевых и розыскных собак, о положении контрольно-пропускных пунктов, созданных для борьбы с контрабандой.

Основная часть постановлений, положений и уставов, касающихся жизнеустройства в приграничье, шла вразрез с принятой советской властью новой экономической политикой. Так, многим бывшим крупным землевладельцам (помещикам) было разрешено вернуться в свои усадь-

бы. Местная власть выделила этим семьям наделы по рабочей норме. Они возделывали землю и жили. Значительная часть бывших крупных землевладельцев проживала в пограничных зонах. УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ выказывало недовольство таким соседством. Эти лица были отнесены к нежелательным элементам, за которыми должно было вестись отдельное наблюдение. К тому же они жили в добротных усадьбах, а пограничники испытывали острую нехватку жилого и казарменного фонда для размещения войск. ОГПУ нужно было обустраивать границу, поэтому Управление засыпало руководство республики фактами, свидетельствующими о затруднениях в проведении охранных мероприятий на границе. Местные власти также были недовольны тем, что бывшие крупные землевладельцы использовали в хозяйствах наемный труд, а крестьяне при проведении землеустройства неохотно брали землю в тех местах, где оставались семьи бывших землевладельцев. Были случаи, когда крестьяне просто выживали своих бывших хозяев.

Клепацкий Иван Миронович, 1903 г. рожд.

Лепельский район, дер. Малые Дольцы.

«Никого не трогали. Еще помещик жил даже. Сушинский вот этот был, может, еще помещик был. Он был полковником в польской армии. Он еще сам приезжал частенько во двор свой. А тады уже, после этого, не ездил, но говорили, за границей рядом жил. Километров 60 он жил в Польше. Коров своих забрал, коней своих забрал, а постройку спалили. Сегодня сарай спалят, завтра – еще что. Палили люди, каб не вернулся. Дома эти только паробки извели. А покой и сегодня стоит, дом этот, в Малых Дольцах. Отремонтировали, там контора колхозная».

ОГПУ также не осталось в стороне. Особисты погранотрядов и сотрудники ОГПУ приступили к выполнению постановления ЦИК СССР от 1925 г. «О выселении помещиков, которые живут в хозяйствах, что принадлежали им до издания закона об земле 26 октября 1917 года». Согласно этому документу под выселение подпадали и лица, которые занимали ответственные посты в царский период и оставили за собой землю в районе своей дореволюционной службы. Исключение делалось для тех, кто сам (или ближайшие родственники) служил в Красной Армии или имел заслуги, отмеченные советской властью. Остальные подлежали постепенному выселению на специально созданный колонизационный земельный фонд.

В течение 1925 – 1926 гг. в Беларуси было выявлено 1096 бывших помещиков, проживавших в основном в бывших своих усадьбах. Основная масса их жила в приграничной полосе. Как только о документе и сборе информации органами ГПУ обо всех без исключения подобных семьях стало известно, начался настоящий переполох. Культурные, образованные люди, они прекрасно сознавали, что новая власть с ними шутить не будет, а на «колонизационных» землях их ждет истребление. Учитывая, что процесс отселения был растянут, живущим в приграничной полосе бывшим крупным землевладельцам удалось подготовиться и без особого противодействия властей уйти за границу. При этом вывозился домашний скарб и уводился скот. В результате под выселение с восточных окраин Беларуси попало всего 229 помещичьих семей.

Васьковская (Ляховская) Розалия Адамовна, 1914 г. рожд.

Узденский район, дер. Присынок.

«Когда паны поуезжали – все пошли, и я пошла. Все брали что хотели из утвари, скотины, а я мешок книг набрала. С меня смеялись... Они поуезжали. И там уже пили, гуляли на столе. Те селяне разбирали кто что. Так я взяла книг мешок. Это добро помню».

Жидович (Березовская) Нина Иосифовна, 1913 г. рожд.

Копыльский район, Велешенский с/с, дер. Вошкаты.

«Эта наставница, которая ушла, – Околовянка Яня, дочь помещика – дак они как-то полюбилися. Брат стал ухаживать за ней. Потом она говорит: «Будет высылка». Брат кажа: «Ой, не будет высылки». – «А которые, – яна кажа, – хлопцы молодые, да будут уши обрезать, да тое, да это...» А ён уже взрослый, ухаживал. Она вроде как-то подговорила его. Батька не пускал: «Да куды ж ты, сынок, это уже уезжать». И матка. Потом люди говорят, что это она, Околовянка, подговорила вашего Янку. Он взял и утёк за границу. Потом она уехала. Они же вообще, все эти помещики, поуезжали за границу. Все поуезжали. Они побросали все и поуезжали все. Его не видели, а тут сестра замуж выходила. Дак он прислал письмо, что я видел во сне, что Мария (ее Марией звали) замуж

идет. Так я говорю: «Как же так ён соснил все? Сон приснился такой». Дак плакали тоже».

Караневская (Коронец) Ольга Антоновна, 1908 г. рожд.
Дзержинский (Койдановский) район, дер. Гритчино.

«Сразу помещиков высылали. Это было в Новый год. Помещики уехали за границу с таким фуром. Кидали все свои имения и уезжали. Они сами утекали. У них граница подкуплена была. Скот пасли разом с ними. У них там по сорок, по сто коров было. Пасут пастухи. По нашему тракту ехали. От Фаниполя деревня наша три километра. Это они уехали в Рождество».

Пигорева (Згурская) Мария Ивановна, 1911 г. рожд.
Минский район, Самохваловичский с/с, дер. Пятевщина.

«Там его (бывшего помещика. – **Авт.**) выслали. Ему объявили, он выехал наперед. Он вообще-то жил при советской власти. Уже здесь панский дом был, где больница зараз. Земля у него была, у него были парабки, обрабатывали землю. Потом ему объявили высылку. Говорили, что он в Польшу уехал. Скот весь увез. Забрал коров, лошадей. Все погнали. Все это он забрал свое. Я-то не видела. Но после бегала, как его выслали. Все идут, идут, панское там берут. Разбирали его имущество. Я говорю: «И я схожу». Мама кажет: «Чего ты пойдешь?» Я говорю: «Ну, схожу, гляну». Пошла в этот покой, зашла. Стоит вазонина такая. Вазоны ставили с такими вот формочками. Я эту вазонину только взяла. Принесла домой, смеются наши: «Зачем она?» Я говорю: «Вот будем вазоны ставить». Мне лет 12 было. Это помню я. А люди свиней брали, что осталось там, хлеб який там оставался еще. Всего он еще не забрал – солому, сено – это все возили. Говорили, что он выехал в Польшу. Один Шпилевский, и был второй – пан Прылецковский. Все уехали. Шпилевскому даже памятник поставили, на больнице стоит памятник. Говорили, что он был грамотный, был доктором. Вот наши врачи постаралися, так поставили памятник».

Тяжелее спастись было тем, кто жил далеко от границы. Именно они в основном подпали под выселение. Всего к 1927 г. из Белоруссии было выселено 266 бывших помещичьих семей. Было конфисковано 2467 десятин земли (всего – менее десяти десятин на семью) и сельскохозяйственного инвентаря на сумму, равную 98,2 тыс. рублей.

Все помещичьи имения, находившиеся вблизи границы, были переоборудованы под заставы и комендатуры.

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.
Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы.

«Километра четыре застава… В Новом Поле, там была погранзастава. Каменец какого-то помещика. У него вот там – не только один дом, даже в одном конце и церковка была. Купол был двухэтажный».

Тем временем пограничники продолжали испытывать трудности во всем. Бытовые условия не были налажены, охрана велась не на должном уровне, определенная часть населения прямо или косвенно жила на доходы от контрабанды. Средств катастрофически не хватало. Заставы УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа к 1927 г. размещались в наспех приспособленных под жилье помещениях. Высылка 1926 г. бывших помещичьих семей способствовала в некоторых случаях разрешению жилищной проблемы. Но усадеб было не так много, поэтому под казармы перестраивались любые более-менее подходящие строения, начиная с брошенных сараев. В основной своей массе заставы располагались в деревянных строениях с печным отоплением. Вся нехитрая мебель состояла из самодельных стульев, скамеек и топчанов. Из постельного белья пограничнику выделялось байковое одеяло, матрас и подушка, набитая соломой. На кухнях частенько недоставало посуды. Из теплого обмундирования имелась пара полушубков и несколько пар валенок, чего хватало только стоящим в наряде. Все были обмундированы в старые шинели, на ногах – ботинки с обмотками, на головах – шлемы с зелеными суконными звездами. На вооружении каждый пограничник имел винтовку, одну гранату и 60 патронов. Кроме этого на заставу полагалось два-три пулемета старого образца, в том числе иностранных.

Начальник отряда имел выездную пару и фаэтон. На отрядной конюшне, кроме этого, имелось несколько обозных лошадей для обслуживания хозяйства. У коменданта участка была верховая лошадь и одна обозная для развоза продуктов по заставам. На заставах наличия лошадей вообще не предусматривалось.

Медицинская служба погранохраны состояла всего из одного фельдшера при комендатуре. Отсутствие транспорта, достаточного количества медикаментов и перевязочных материалов было постоянной проблемой на местах. Пункт медицинской помощи погранотряда состоял из двух врачей, фельдшера, который одновременно выполнял роль аптекаря, и двух санитаров. Под транспорт выделялась одна медицинская двуколка, при этом лошадь предоставлялась из выбракованных, непригодных к строевой службе. Медики отряда выезжали по тревогам, проводили эвакуацию больных и раненых.

Своего подсобного хозяйства заставы также не имели, поэтому специально назначенные для этой цели повозочные через день ездили в комендатуры за продуктами. В пайке, даже для командного состава, полностью отсутствовали мясные продукты. Пограничники жили впроголодь, и отношение к служебным обязанностям было соответственное.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Притом эти заставы появились уже в году, наверное, 27 – 28-ом. А так эти пограничники жили у каждого на квартире. Не было ничего здесь. И сам начальник заставы, и политрук жили. Граница охранялась – этот район был без проволоки. Столбы были – и все. Связан был от Кременца и до Мамыл туда. Это расстояние километров 20, может, даже 25 границы, и нигде не было проволоки. Одни столбы. И разрыв между польским и нашим столбом, наверно, метров 50 был».

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Моей матки сестра, уже она умерла там, в Варшаве. Моей матки сестры дочка жила у нас по возрасту. А потом, кажется, в году каком-то – в общем, я был пацан невеликий – она конфеты приносила с Польши. Через границу шла. «Солдаты мене, – говорит, – с винтовками, штыками проводили. Вот тут же, через заставу эту». Говорила им так: «Я пришла по дочку». Она ее забрала, опять под дрот подвели. Поляки забрали и повели. А русские пришли назад, опять под заставу. Тады разрешено было так».

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, дер. Пузово (Веселое).

«Переход границы. Если тебе словили – ты перешел. Самое большое, если ты не политический, – это неделя, а то и две недели сидели. А три недели – это уже самое большое. Сидели за переход границы. Тогда ж не было родины. Тогда родина была только у врагов – белогвардейцев. Белогвардейцы сражались за родину, а Ленин сказал, что для пролетария родина там, где хлеб. Поэтому судили только за переход границы. Если ты контрабандист, значит, там отбирали все. У тетки моей кобыла перешла туда, перешла за границу и пошла. Она пошла, через месяц пришла с кобылой. Никто не спрашивал. Вот такая была граница. Никого не садили, все так улаживали».

В УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси продолжала ощущаться острая нехватка кадров. Еще в июне 1924 г. на бюро ЦК КП(б)Б был заслушан доклад политинспекции войск ОГПУ тогда еще Западного округа о подготовке младшего политсостава для погранчастей. Предусматривались конкретные меры, направленные на усиление партийного руководства войсками, на укрепление их кадрами. С середины по конец 20-х годов в УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ республики направлялись на командные должности выпускники армейских пехотных школ. Осенью 1927 г. только в одном 17-м Тимковичском отряде имелось на заставах четыре вакантных должности. Всего в округе – почти двадцать свободных командных мест. В начале сентября каждого года Минск рассылал по нескольку заявок в каждую из таких школ. Курсанты по желанию писали рапорта о направлении их в погранотряды. Никакой специальной подготовки в школах будущие командиры-пограничники не проходили.

Начальникам отрядов приходилось рассказывать молодым командирам о пограничной службе, о возможности применения в охране границы знаний, полученных в пехотных школах. После инструктажа новички направлялись на заставы на должности помощников по строевой или по политической части.

Не имея понятия о принципиальной схеме организации пограничной охраны, опытные командиры на местах помогали новичкам войти в курс дела: вместе проверяли ночные наряды, все лично показывали и разъяс-

няли, учили ориентироваться в темноте, различать и запоминать ориентиры. Днем помогали готовиться к занятиям, объясняли, как назначать наряды на сутки. Знакомили со всеми представителями местной власти, с секретарями партийных и комсомольских ячеек близлежащих деревень. Помогали овладевать техникой расстановки и учета службы пограничников, проводить тактические и строевые занятия. Только после одного-двух месяцев подготовки заместители могли проводить самостоятельно боевые стрельбы и занятия по политической подготовке. Непосредственно на границу новички-командиры еще долго не допускались. Они не имели навыков несения службы в лесных массивах, у населенных пунктов, во время преследования нарушителя. Поэтому несколько месяцев кряду новички вместе с рядовыми пограничниками ходили в наряд. На этом этапе им доверялось руководство комсомольскими ячейками, редактирование стенгазет, организация ликбезов на заставах, организация агитационных мероприятий с комсомольцами приграничных деревень.

Рядовой состав пограничной охраны также не был специально подготовлен. На границе проходила службу молодежь, призванная преимущественно из сельской местности. Пограничников из числа рабочих и комсомольцев на заставах были единицы. Всего несколько бойцов имели четырехклассное образование. Сюда надо добавить командиров отделений, которые, помимо четырех классов, заканчивали краткосрочные школы отделенных командиров. До трети пограничников застав были совсем неграмотными и до половины – малограмотными. На местах организовывались ликбезы. Тут же проводили подготовку будущих бойцов. Знакомили с ориентирами на местности, их условными названиями, с местами, где целесообразнее располагать наряды. Показывали на местности населенные пункты сопредельной стороны, наблюдательные вышки польских стражниц, участки, где ранее фиксировались нарушения границы. На специальных занятиях проходило изучение только что изданного первого пограничного устава. Обучением новобранцев занимался либо непосредственно начальник заставы, либо кто-то из двух его помощников.

Граница доживала свои последние тихие деньки. Крестьяне баловались контрабандой, ходили к родственникам в соседнюю Польшу, плутали по пограничью...

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«Застава была близко около границы. Мы, когда в ягоды ходили, так плутали. Иногда и заходили на ту сторону, к красноармейцам. Мы им сманим: «Заблудились». – «Нельзя ходить сюда, здесь граница». А мы любопытные. Ничего – отпускали».

Жидович (Березовская) Нина Иосифовна, 1913 г. рожд.

Копыльский район, Велешенский с/с, дер. Вошкаты.

«Некие Борисевичи были, дак ходили в Польшу. Но они не торговали, у них свои там были, так они ходили. Ходили в гости. Только что ползали на коленках вроде бы. Дак на юбку, кажа, пограничники становилися, но не поймали. Они боялися. Говорит: «Больш не пойдем, ни за что. Очень опасно». Некий «кордон» был. Они ж ночью ползали, и чуть не поймали».

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.

Копыльский район, дер. Бучатино.

«Граница за Смоличами. Семь километров до Рыбуток, дак Рыбуцкая Рата была граница. Там у нас был сенокос, рыбуцкий сенокос. Мы ж за ягодами ходили за Смоляны. Нас один раз на «волчок» загнали красноармейцы. Пришли: «Пошли на «волчок», тут не можно ходить». А мы ж не ведали, ти можно, ти не можно. Через границу мы ж не перешли, бо там еще сколько до нее. Сенокос долгий был – рыбуцкий, да река, кладки проволоки не было, столбы. А там посмеялись, на «волчке», да красноармейцы на другую дорогу вывели, мы и пошли додому. Остапова там Александра была, и Лизка, там с той Лизки посмеялись».

До конца 20-х годов делались попытки превратить пограничную охрану и войска ОГПУ в твердый оплот нового режима. Но если последние в Главном управлении более-менее могли считаться стойкими борцами за советский строй, то пограничники были еще далеки от социалистического совершенства. Войска отличались слабой специальной подготовкой командного состава, отсутствием должного материального обеспечения подразделений и низким уровнем знаний пограничников и младших командиров. Все это влияло на дисциплину и идейную подкованность погранохраны.

ГЛАВА 2

Контрабандный поток

Подписанное в октябре 1920 г. перемирие в Риге между РСФСР и Польшей, а затем Рижский мирный договор позволили постепенно стабилизировать политическую обстановку в Беларуси. Однако экономическое положение в республике продолжало быть тяжелым. На начальном этапе специфической особенностью экономического развития Беларуси являлось повсеместное использование нелегальных (контрабандных) торговых отношений с соседними Польшей и Латвией. Уничтожение в годы Гражданской войны предприятий легкой и пищевой промышленности, большие потребности местного населения вызывали прохождение огромных потоков контрабандных товаров из-за границы, сырья и частично оборудования в обмен на лес, пеньку и подобные продукты традиционного для республики экспорта. До мая 1921 г. процесс осуществлялся бесконтрольно. Только со второй половины 1921 г., после определения государственной границы, стали создаваться таможенные пункты и «летучие отряды» по борьбе с контрабандой из таможенных служащих и сотрудников ВЧК.

Русецкий Александр Леонтьевич, 1916 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Негорельский с/с, хутор Павловщина.

«Дорога возле нашего дома. Вот я на печке лежу или уроки делаю, сижу, а тут рядом только вот так дорога была. Сюда уже шла, в Негорелое, оттуда, с границы. И в эту сторону тоже за сараем дорога была. Так пограничник у этого окна слезет, лошадей поставит, им бросит сена или клевера. Верховые ж. А другой в это окно смотрит. Кто-то появится – раз, выходит, сюда его. Вот такая штука».

Однако их действия в тот период являлись малоэффективными. Бесперспективной была борьба с широко распространенной в то время бытовой контрабандой, когда крестьяне покупали или обменивали на той

стороне для удовлетворения своих нужд товары первой необходимости: мыло, керосин, папиросы, спички, галантерею и т. п.

Новая экономическая политика дала толчок к хозяйственному подъему на Беларуси. Постепенно возник кризис сбыта, вызванный нарушением соотношения цен на изделия промышленности, товары народного потребления с одной стороны и продукты сельского хозяйства – с другой. Уже к 1923 г. расхождение между ними увеличилось более чем в пять раз. Любой самый несущественный товар в государственных магазинах стал стоить приличных денег, да и выбор был невелик. В это время расцветала коммерческая торговля. Прилавки частных магазинов и лавочек были завалены всем необходимым по сходным ценам. Немаловажную роль в формировании товарооборота в этой сфере играла контрабанда.

Для пресечения такой деятельности в мае 1922 г. был создан Западный таможенный округ, который обслуживал границу в пределах Западного пограничного округа. На начальном этапе для обеспечения надежной охраны границы БССР с Польшей протяженностью около 600 км в помощь немногочисленной пограничной охране и войскам ОГПУ привлекались все органы ГПУ, таможенные структуры и милиция. Для координации действий этих органов и гражданских организаций создавались специальные комиссии. Так, в марте 1923 г. приступила к работе Белорусская районная комиссия по борьбе с контрабандой. Не оставались в стороне и высшие партийные инстанции. Комиссия ЦК ВКП(б) по обследованию границ 28 сентября 1923 г. вынесла решение о передаче всех сумм, вырученных от реализации контрабанды, задержанной непосредственно погранохраной, за исключением оплаты прямых и косвенных расходов, на дополнительное содержание пограничной охраны. В каждом пограничном отряде официально создавался фонд, из которого выдавалось вознаграждение всем тем, кто сообщал об известных ему фактах контрабанды. Таким образом начинает проводиться официальная вербовка агентуры, которая в дальнейшем сыграла не последнюю роль в развязывании репрессий на границе.

Но это будет потом, а пока все мероприятия не могли практически ничего изменить на границе. Возникший во всем Советском Союзе огромный дефицит мог удовлетвориться через контрабандные потоки из Финляндии, Прибалтики, Польши и Румынии. Самым удобным и выгод-

ным направлением являлась Беларусь. Поэтому все, кто имел возможность заниматься этим бизнесом, не упускали такой статьи дохода. В приграничье контрабандой мог промышлять чуть ли не каждый второй.

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Контрабандой даже моя старшая сестра трошки занималась этим. Знаете, на что там спрос, купят, а там, значит, продадут. Точно не знаю – переходила границу ти нет, но какая-то связь у них точно была, и деньги у нее были».

Клепацкий Иван Миронович, 1903 г. рожд.

Лепельский район, дер. Малые Дольцы.

«Такая граница была, что можно было зайти запросто. Носили, занимались люди умные. Конечно, дурак не ходил, а умные занимались. Сахарин носили. Тогда чай пили, сахару не было. Организовали охрану границы, уже прижимать и судить начали. Уже трохи не так стало».

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«У нас от границы было несколько километров. Там лес, кустарник. С нашей деревни была дорога в сторону границы, на деревню Небышино. Переходить границу было легко. Кто смелей был – делал большие деньги. Наши польские граждане бегали в Советы спекулировать. Там ничего не было. Покупали все, что было в Докшицах, и тащили через границу. Меняли на золото. В нашей деревне этим тоже промышляли, ведь тяжело было жить».

Действия, проводимые государством, тоже давали определенные плоды. Общими усилиями пограничной охраны, всех служб ГПУ, таможенных структур и милиции за период с 1 января по 1 октября 1923 г. было задержано 3187 контрабандистов и конфисковано товара на сумму свыше 445 тыс. рублей в золотой валюте.

Всего за 1921 – 1925 гг. было конфисковано товаров на сумму более 3600 тыс. золотых рублей. Но это было лишь каплей в море, которая не

перекрывала контрабандные потоки, а всего лишь слегка пополняла союзный бюджет. По оценкам специалистов, стоимость всей контрабанды, прошедшей за шесть лет, превышала 72 млн. золотых рублей. Безопасному прохождению товара через границу способствовал большой спрос на него и отсутствие должной дисциплины в пограничной охране. Скудность армейского пайка позволяла людям легко на местах договариваться с пограничниками.

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, дер. Веселое (Пузово).

«Только могу вам сказать то, что переход границы... Моя мать одиннадцать раз ходила. Два десятка яиц возьмет, десяток нашему пограничнику, десяток – польскому. Пойде в Клецк, тут не было ничего абсолютно. Наберет там что надо. Одиннадцать раз ходила, все люди ходили. Ходили в Клецк. В Клецке было все. За что покупали? Я вот не знаю, не за деньги, конечно. Некоторые имели там золотые».

С конца 1924 г. Латвия и Польша усилили охрану своих границ и затруднили тем самым доступ контрабандистов. Многочисленные располагавшиеся вдоль границ торговые лавки и кооперативы, работавшие на контрабандистов, были либо закрыты, либо перенесены вглубь этих стран.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«С первых год, когда чуть помню, когда мы на хуторе жили, тогда часто переходили границу — контрабанду носили. Потом уж строгость стала. Уже с польской стороны стали войска, а то раньше на границе полиция стояла, а потом поставили регулярную армию. Тогда уже стало строжей».

Все это вместе с усилением погранохраны со стороны СССР привело к сокращению объемов контрабанды.

В номенклатуре контрабандных товаров в 1924 – 25 гг. преобладали предметы первой необходимости: сахар, чай, табак, сахарин, галантерейные товары и т. п.

Роленок (Захаревич) Вера Александровна, 1918 г. рожд.
Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Березино.

«Такие были. Моего мужа дядьки женка ходила за границу. Сахарин приносила, продавала. Яна знакомым только продавала».

Валаханович Камелия Леонидовна, 1906 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Писаревщина.

«Ходили за границу спекулировать. Пойдут, я тогда девкой была. Там скрозь лясы стежки знакомые были. Спирт брали, бутылок десять спирта возьмут в котомку, кинут на плечи – и пошли. Несут в Дзержинск. Продают евреям. А там, за границей, не дадут на это гроши, золото только. Тебе еврей даст золото, ты сходишь, и добро удастся, по дороге не отнимут. Отнимают по дороге пограничники. Евреи торговали добро. Они не ходили, а только люди вот все ходили, носили. Отсюль ходили. Тут пограничники все знакомые были, пропускали хорошо. А как далекий идет, так и попадется, и сидеть будет. У нас хмызнячок, так сумки переменяют. Гроши заплотят, и гэтыя пошли сабе, а наши – сабе».

В 1925 – 26 гг. увеличился ввоз более ценных предметов широкого потребления (шерстяные ткани) и предметов роскоши (парфюмерия и косметика).

Русецкий Александр Леонтьевич, 1916 г. рожд.
Дзержинский (Койдановский) район, Негорельский с/с, хутор Павловщина.

«Тогда из Польши носили товары сюда контрабандой. Там договорятся, допустим, со мной, на каком месте в лесу вот они рассчитаются. Я загружаюсь – и пошел. Сахару не было — сахарин шел. Потом ботинки женские, шевиот шерстяной брали на юбки или на платья, рубашки шерстяные, вязаные. Словом, ходовой товар, как сейчас возят, допустим».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.
Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище.
Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Почему все это было? В Польше была развита очень мануфактура,

в Лодзи. Оно имело даже в Европе свой вес. И оттуда носили очень хорошие вещи, бостон. Здесь не было вообще такого, не производили. Если он оттуда принесет и сошьет костюм, его сразу спросят, где ты брал? У нас не производят же. До того даже доходило».

Относительно номенклатуры контрабандного вывоза заметным было уменьшение в ней товарной части при повышении удельного веса валютных ресурсов и всевозможных ценностей.

С конца 1925 по начало 1926 гг. было проведено положение о взаимоотношениях всех органов, ведущих борьбу с контрабандой. ГУПО и ВОГПУ использовали все имевшиеся у них чрезвычайные полномочия для пресечения контрабанды. Средняя ценность одного задержания повысилась со 125 рублей в 1924 – 25 гг. до 153,5 рублей в 1925 – 26 гг. Усилилась работа на самой границе. В результате произошло резкое падение задержаний контрабанды именно на белорусско-польском участке с почти 417 тыс. рублей в 1924 – 25 гг. до 175,5 тыс. – в 1925 – 26 гг.

Но обстановка продолжала оставаться серьезной, поэтому 23 апреля 1926 г. ЦК РКП(б) вынужден был выступить с циркулярным письмом, в котором ставил задачу перед республиканскими партийными органами по оказанию содействия в предотвращении контрабанды. В частности, предлагалось в приграничье провести среди местного населения кампанию по повсеместному пресечению доставки и торговли запрещенными товарами. Рекомендовалось предпринять ряд мер, направленных на восстановление нарушенной государственной монополии на внешнюю торговлю. Предполагалось даже удовлетворить потребительский спрос в приграничных районах путем развития кустарной и местной промышленности, завозом в торговую сеть товаров контрабандного ассортимента.

В свою очередь, Президиум ЦИК СССР 3 мая 1926 г. предоставил Особому совещанию при ОГПУ на шесть месяцев право высылки, ссылки и заключения в лагерь на срок до трех лет лиц, как подозревавшихся, так и уличенных в контрабандной деятельности. «По отношению к уличенным в вооруженной контрабанде и сопротивлении или насилии над чинами пограничной охраны ОГПУ по особому постановлению ЦИК Союза ССР предоставлялось право внесудебной расправы вплоть до расстрела».

Это несколько сократило объем контрабанды. В 1926 г. сумма задержанных товаров, идущих из-за границы, уменьшилась до 190,6 тыс. рублей,

а конфискованных при попытке вывоза за границу – до 15,7 тыс. рублей. Причем последних конфисковывалось всегда на порядок меньше. Это было связано с тем, что из Беларуси вывозились главным образом малообъемные дорогостоящие вещи – валюта, золото, бриллианты, платина, антиквариат. Все это легко скрывалось во всяких тайниках. В республику же ввозились в основном солидными партиями галантерейные товары, парфюмерия, всевозможные часы, сукно, шелк, сахарин, спирт.

Основными формами контрабандной доставки товара в середине 20-х гг. являлись тайный пронос и провоз гужевым транспортом во всевозможных тайниках, контрабандный ввоз товаров пассажирами, следующими из-за границы по железной дороге. Среди форм пассажирской контрабанды наиболее популярен был провоз тканей и мехов под видом предметов одежды: платья, юбки, пальто и горжетки, сшитые на «живую нитку». Значительное распространение получила квалифицированная контрабанда, сопровождающаяся сокрытием товара путем наложения на него фальшивых знаков таможенного клеймения. Имел место ввоз контрабанды работниками иностранных миссий. Как своеобразная форма контрабанды проходили злоупотребления льготами, установленными для ввоза международных почтовых открыток, пассажирского багажа и иных предметов личного пользования.

Вообще, методы нелегальной переправки товара были всевозможными. Спирт пересекал границу в бревнах, для чего их распиливали, а затем выдалбливали пазы для бачков со спиртом. После этого бревно сбивали и ставили вместе с плотом или поодиночке.

Иные товары запекались в хлебобулочные изделия, зашивались в пояса брюк. Из платины делали гвозди и вбивали их в крышки посылок. Золотые часы переправлялись в кусках туалетного мыла. Наркотики запаивали в металлические капсулы и заставляли своих верховых лошадей заглатывать их. После перехода через границу животных умерщвляли и извлекали из желудков капсулы. Если граница проходила по реке, по дну протягивали специальные канаты и по ним перетаскивали товар. И это лишь некоторые из сотен методов доставки контрабанды.

Васьковская (Ляховская) Розалия Адамовна, 1914 г. рожд.
Узденский район, дер. Присынок.
«Граница близко была. Я помню границу тую, то боялась, кабы скот

не перебёг туды. Люди ходили за границу, ходили. Платки какие-то меняли. Помню, якись мужчина расхинал жанчыну, а она обвилась нейкими платками, да под плащом. Зашли в тупик и торгуют. Малая была, але бачила. В деревне торговали».

Предпринимались попытки решить эту проблему путем регулирования рыночных отношений. Партийное руководство с середины 20-х гг. начинает брать частников на контроль. Прежде всего, они были вытеснены из оптовой торговли, что тут же сказалось на ассортименте в магазинах и лавочках. Это послужило поводом для очередного всплеска контрабандной активности среди местного населения. Если прежде этим занимались отдельные граждане, имевшие возможность и определенные связи для доставки крупных партий товара, то теперь таким бизнесом из-за вновь возникшего дефицита и отсутствия легальных рынков сбыта стали заниматься многие далекие от этого люди. Теперь контрабанда стала «народным» промыслом. Сквозь пальцы смотрел на это и кое-кто из пограничного командования.

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.
Копыльский район, дер. Веселое (Пузово).
«Кордон был не очень далеко в стороне. Погранзастава, там был начальник заставы, политрук был там. Всякие были, и такие, как комендант Щукин. Пили, в общем, брали с Польши, наши офицеры и польские. Контрабандистов ловили, деньги забирали, давали полякам. Они ликеры привозили. И на границе то на нашей, то на ихней пили. Комендант границы Щукин там напился, начал драться. Его арестовали, и три года сидел. В Польше сидел. А оттуда носили эту контрабанду».

Остановить поток контрабандных товаров пограничная охрана и таможенные органы в полной мере были не в силах. Лишенное экономических рычагов воздействия, правительство перешло к репрессивному давлению. В 1926 г. Президиум ЦИК СССР предоставил Особому совещанию при ОГПУ право внесудебного вынесения приговора, вплоть до расстрела, по отношению к лицам, уличенным в контрабанде или насилии над пограничной охраной. В секретно-оперативных частях пограничных подразделений стали составляться списки предполагаемых контрабандистов. При этом на них смотрели не как на мелких спекулянтов, а как на потенциальных шпио-

нов, подводя их действия под соответствующую статью. После задержания нарушителя его подвергали допросам и во время проведения следственных мероприятий выявляли скупщиков на советской территории. Таким образом устанавливалась «агентурная связь», а далее шло осуждение подозреваемых на всевозможные сроки, до высшей меры включительно, или в лучшем случае – ссылка.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в чл. КПСС с 1935 г.

«Контрабанда была разбита в 23 – 24-м, и частично еще в 25-м. И все было пресечено. Всех подозрительных людей около границы выслали на Урал или в Сибирь. Потом ничего такого не было».

Довнар Станислава Иосифовна, 1912 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Боровский с/с, дер. Пеняка.

«Контрабандой в 20-х занимались. Даже приносили к нам в дом обувь. Мне купили, помню, очень красивые ботиночки. Приносили шарфы красивые, кофты вязаные. Однажды я пошла на луг, и там был ручеек, а дальше лес был. Хотела перейти через этот ручеек, глянула в куст, а там лежит мешок мыла. У нас один этим занимался, а остальные больше этим не баловались. Все знали, что он этим балуется. По-моему, это мыло мы ему и отдали. Я приехала в начале 30-х на каникулы, дом его стоял, а этой семьи уже не было, что-то с ними сделали. Именно их не было: или выслали, или раскулачили. Покупали мы не у него, приносили незнакомые. Фамилия его Гриневич. Кто ближе жил к границе, помогал переводить через границу. Даже мою маму перевели через границу, она там и умерла, в Польше».

При этом не последнюю роль играли информаторы, которых удалось завербовать пограничникам еще в середине 20-х гг. Агентурные данные собирались ими на всех местных жителей, кто когда-либо занимался контрабандой.

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Тут было так зроблено. Я бы сказал – собаки. Один Язвинский умер, и другой умер. Вот они на заставу подали такое заявление, что это Судник Франц Алоизович занимается контрабандой. Там быстро поверили. Машина пришла ночью – и забрали. Ночным временем брали таких людей, которые уже ля границы жили. Арестовали отца в 31-м. Дали три года. Я письмо ему писал в Томскую область, город Татунай».

Не оставались в стороне и работники милиции. Только в 1928 г. органами милиции и уголовного розыска было проведено более сотни обысков у лиц, подозревавшихся в хранении и торговле контрабандными товарами. По этим фактам было возбуждено более 90 уголовных дел. Причем нахождение товара во время обыска было достаточным для уголовного преследования.

К 1928 г. контрабандистские потоки резко изменили свою направленность. Обусловливалось это понижением курса советского рубля за границей. Чтобы защитить рынок ценных бумаг, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1928 г. о вывозе, ввозе, пересылке и перевозе за границу валютных и фондовых ценностей был запрещен ввоз в СССР советских денежных знаков без доказательства того, что они были вывезены из СССР до 1 августа 1926 г. Это обусловливалось тем, что на биржах котировка рубля резко упала. Ранее дензнаки СССР вывозились контрабандным путем за границу, где обменивались в банках по выгодному курсу. После обвала рубля его стало выгодно завозить в Союз для скупки на месте валюты и всевозможных ценностей. Это привело к изменению структуры ввозимой контрабанды. Теперь советские дензнаки стали контрабандным товаром, который ввозился в страну. Недостаток же твердой иностранной валюты на внутреннем рынке заменялся более тяжелой экспортной контрабандой (золотом, антиквариатом, пушниной и т. п.).

После проведения соответствующих мероприятий в обзоре Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ за январь – апрель 1929 г. отмечалось сокращение задержания контрабандистов на всех границах. Этот бизнес стал слишком опасным. Предполагаемый риск быть осужденным не соответствовал иллюзорной прибыли от реализации товара. К тому же после ликвидации частной торговли отсутствовали мелкие скупщики.

Теперь в основном все вывозилось из республики. В свою очередь, зарубежные оптовые торговцы стали осознавать, что постепенно лиша-

ются неофициальных рынков сбыта. Никто с этим не хотел мириться. Делались попытки найти любую возможность для сбыта товара. При этом коммерсантам было невдомек, что граница уже лишилась своей прозрачности, а за состоятельными гражданами в республике велась настоящая охота. В это время вовсю шло выселение зажиточного крестьянства; создавались колхозы, что привело к голоду. Никому и в голову не могло прийти нелегально переходить границу и скупать в Польше чулки, духи и иную подобную мелочь. В приграничье всем было теперь не до этого. Но польские оптовики не желали этого понимать и по всей протяженности границы искали возможного покупателя. Предложения шли чуть ли не в открытую. Одна из секретно-оперативных частей УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ воспользовалась этим и предложила сыграть роль покупателя помощнику начальника Тимковичского погранотряда по оперативной части. Этот малознакомый для польской стороны человек при первой же встрече дал согласие на совершение сделки. Такая сговорчивость покупателя совсем не смутила продавцов. В качестве места передачи товара была выбрана заброшенная дорога на участке одной из застав 2-й комендатуры в Краснослободском районе. В задачу пограничников входил захват контрабанды с одновременным арестом сопровождающих. Руководство операцией легло на инициатора этой «сделки» – помощника начальника погранотряда по оперативной части. В обязанности последнего входило «принятие» груза и выплата предполагаемого денежного аванса.

Все шло по точно разработанному плану. Весной 1930 г. в дождливую ночь со стороны польского населенного пункта Мороча показалась подвода с людьми. В нескольких десятках метров от границы они остановились. Помощник начальника погранотряда подал условный сигнал, и движение возобновилось. Вперед вышла группа людей. Один из них остался у подводы, а остальные трое пересекли границу. Им навстречу вышел «покупатель», который предложил разгрузить подводу. Товар был упакован в небольшие фанерные ящики, поэтому разгрузка не заняла много времени. В момент, когда должен был произойти расчет, помощник начальника отряда выхватил револьвер и дал условный сигнал. Группа пограничников в считанные секунды задержала контрабандистов, для которых это было полной неожиданностью. Опомнившись, они стали протестовать, но в руках советских пограничников было поздно рассуждать о правах. Среди арестованных оказались два варшавских коммерсанта, чиновник Министерства финансов и офицер польской пограничной стражи.

Так закончилась операция, проходившая в разгар высыльной кампании. В результате задержания была захвачена контрабанда сахарина, часов, французских чулок, духов и пудры фирмы «Коти» на общую сумму свыше ста тысяч рублей. За весь период с 1921 по 1935 гг. это была самая крупная партия незаконно ввозимого товара, задержанного на участке Белорусского округа. При этом груз сопровождался с той стороны группой коммерсантов под контролем польской погранохраны и государственного чиновника. После проведенной операции польская сторона больше никогда не делала никаких попыток искать оптовиков по ту сторону границы.

Но этот случай являлся скорее исключением из правил. Основная же масса задержанных представляла собой одиночек или небольшие группы в несколько человек. Пограничники относились к контрабандистам с презрением, но нередко не прочь были поживиться, присвоить изъятый товар.

Установленный к началу 30-х гг. в СССР валютный режим максимально ограничил сделки с иностранными фирмами. Это было связано с резким падением котировки советского рубля за рубежом и привело к массовому несоблюдению валютного законодательства. Широкое развитие получили баратные операции – согласованные действия контрабандиста и организатора переноса через границу или владельца транспорта, перевозящего контрабанду. Объем этих операций по сравнению с концом 20-х гг. очень вырос. В сферу баратных сделок оказалось вовлеченным довольно большое количество населения как на территории Беларуси, так и на границе. В республику вновь хлынул поток обесцененных советских денег.

В эти годы перед УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ ставились серьезные задачи в области экономической охраны границ: не только пресечение ввоза бумажных денежных знаков, но и борьба с нелегальным вывозом за пределы Союза экспортных товаров, валюты и иных ценностей. Выполнение этих задач сводилось, по существу, к ряду профилактических мероприятий с нашей стороны, вскрытию намечающихся нелегальных переправ за границу нэпманских и кулацких группировок с целью воспрепятствования этим переправам и недопущения контрабандного вывоза за кордон валюты и ценностей. Это подстегнуло к началу конфискационных мероприятий, описанных в главе «Золотая лихорадка».

Развитие контрабанды, и в частности баратных сделок, получивших широкое распространение в 1930 – 1932 гг., почти полностью прекратилось в период деятельности магазинов Торгсина, где каждый желающий, имея иностранную валюту или иную ценность, мог приобрести любой товар, начиная с иголки, соли и заканчивая велосипедом или черной икрой.

Закрытие этих магазинов в 1935 г. вновь дало толчок к баратным сделкам. При этом под контрабанду попадали: продажа получаемых из-за границы посылок с импортными вещами (обувь, мануфактура); занятие контрабандой иностранных туристов, которые в определенном количестве приезжали в Беларусь, продавали ввозимые вещи и скупали валюту для нелегального вывоза за границу; предоставление прибывшими иностранными гражданами вещей своим родственникам для их последующей распродажи; обычная скупка валюты. На эти виды контрабандной деятельности и было обращено главное внимание УПО и ВНКВД Беларуси. В 1935 г. было задержано контрабанды на сумму около 138,3 тыс. рублей. В 1936 г. пограничными частями и органами НКВД было произведено 72 задержания контрабанды на общую сумму 184,32 тыс. рублей. К 1937 г. граница была взята в плотное кольцо, и любые попытки контрабанды жестоко пресекались.

Что касается сумм, конфискованных в пользу государства (за исключением изъятого незаконным путем – глава «Золотая лихорадка»), то они внушительны. Только заставами Заславского отряда в 1931 г. были задержаны 1412 нарушителей, у которых было изъято товаров и денежных средств на сумму более 708 тыс. рублей. При этом конфискат по сравнению со всей стоимостью прошедшей контрабанды, по оценкам специалистов, в 1921 – 1926 гг. составлял всего пять процентов, в 1929 – 1936 гг. достиг почти 70 процентов. Всего в результате служебной и боевой деятельности только погранохраны НКВД Беларуси за 1921 – 1935 гг. было задержано контрабанды на общую сумму 10 101 тыс. рублей. Учитывая, что пресечением незаконного товарооборота занимались также войска НКВД, таможенные органы, милиция и госбезопасность, то сумма возрастает приблизительно до 20 млн. рублей, из ориентировочно 100 млн. рублей – всей стоимости прошедшей за эти годы контрабанды на участке Белорусского пограничного округа.

ГЛАВА 3

Режим ужесточается...

Новый 1929 г. ознаменовался нарастанием неотвратимых негативных процессов в республике. На начальном этапе это никоим образом не сказалось на структуре, вооружении, численности и подготовке личного состава УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси.

Основными подразделениями погранохраны все так же оставались заставы, которые отличались малочисленностью и состояли всего-навсего из двух стрелковых отделений (по семь человек в каждом), станкового и ручного пулеметного отделений. Боевой состав и протяженность охраняемого участка определялись в зависимости от поставленных задач, важности направления, характера местности и иных условий. Но даже на оперативно важных участках численность застав не превышала тридцати бойцов. Командный состав ограничивался начальником и двумя помощниками по строевой и политической части.

Заставы в основном располагались на окраинах деревень в отдельных строениях, обязательно на возвышенностях, откуда удобно было вести наблюдение за линией границы и польской пограничной стражницей. Для лучшего осмотра на крыше оборудовалась деревянная вышка, с которой часовой следил за флангами и подходами к границе. Заставы ограживались колючей проволокой и окружались фортификационными сооружениями в виде неглубоких окопов и траншей для стрельбы с колена. Согласно учебным мероприятиям личный состав заставы по тревоге должен был в считанные минуты занять эти оборонительные сооружения по вечернему боевому расчету.

Служба на границе длилась более трех лет. Призыв начинался поздней осенью, новобранцы были, как правило, из наиболее пролетарских районов страны – с Урала, из Московской области, Москвы, с Украины. Преобладали представители рабочего класса. Вновь прибывшие зачислялись в специальные учебные роты, которые к 1929 г. были созданы при всех погранотрядах. Здесь проходили подготовку будущие пограничники. Роты состояли из трех взводов. Например, взвод связи, стрел-

ковый и кавалерийский взводы готовили стрелков застав, связистов телефонных станций, коноводов комендатур и застав. В других ротах готовили специалистов по борьбе с контрабандой, по оперативным направлениям и т. д. Все роты объединялись в учебный отряд под общим командованием начальника маневренной группы, который подчинялся непосредственно командиру погранотряда.

Каминский Иван Владимирович, 1923 г. рожд.
Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Берсеневка.

«В Бегомле в одном доме военная комендатура, а в другом – музей. Это была, где музей, казарма, а здесь, где комендатура, там под низом подвалы такие, они закрытые сейчас.Так в этих подвалах стояли кони ихныя. А наверху, где уже эти, тоже была как казарма пограничников (учебная рота Плещеницкого, а с середины 30-х гг. Березинского погранотряда. – **Авт.**). И ездили на Березину, в Чернику. В Чернике проходила граница. А так до 35-го здесь, в Бегомле стояли. Это я хорошо помню... Много было пограничников. Придем, они нас сейчас на коней посажают. Один спереди, другой сзади – и на Березину их. В речку заезжаем и трем их там: и щетками, и скребками этими. А они привычно стоят в воде, слухают. Вот льешь на его. Некоторые мыло давали. Мылом их натрешь, натрешь и моешь. А нам прокатиться – ага!»

Молодых пограничников учили распознавать следы, организовывать преследование нарушителей в составе тревожной группы, вести огонь из личного оружия в любое время суток, ориентироваться в темноте на своем участке, проводить политические занятия, знакомиться с сопредельной территорией, уметь вести беседы о международном положении. После пяти месяцев занятий красноармейцы направлялись на охрану границы. Отслужившие увольнялись ранней весной, в марте. В те годы улучшился армейский рацион. Впервые в пайках стали появляться мясные продукты.

С мест в УПО и ВОГПУ постоянно поступала информация о нелегальных переходах границы. Эти инциденты по сравнению с масштабами репрессий были незначительными, но каждый такой случай имел среди местных жителей огромный резонанс. Командование округа направляло директивы об усилении охраны границы. Задачи ставились непрос-

тые, и выполнять их надо было «всеми имеющимися на местах средствами».

Были произведены попытки увеличения численного состава УПО и ВОГПУ. Согласно секретному решению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому 10 августа 1930 г., с 1 октября численность пограничной охраны возросла на 2500 человек и 3000 коней, а внутренних войск – на 3500 человек. Из этого количества примерно десятая часть пришлась на Белорусский округ. Эти несколько сот военнослужащих вряд ли могли что-нибудь кардинально изменить на границе. Поэтому всему личному составу погранохраны постоянно приходилось находиться в напряжении. На заставах по ночам спали не раздеваясь, служба была переведена на четырехсменные наряды: две ночные смены заступали соответственно с 18 до 24 часов и с 24 часов до 6 часов утра. Ночные наряды составлялись из двух-трех бойцов во главе с командиром. Две смены часовых-наблюдателей на вышках являлись дневальными. Служебная нагрузка была предельной. Считалось неплохо, если пограничник один раз в пять-семь суток имел возможность непрерывно поспать семь-восемь часов кряду. В остальное время отдыхали только днем, по паре часов в два-три приема.

Эта четкая четырехсменная система ужесточала охрану подходов к границе и в то же время имела свои отрицательные стороны. Польские пограничники при такой схеме имели возможность наблюдать за движением нарядов и составлять четкую картину места их расположения. Пришлось срочно усложнять схемы охраны, менять время и место секретов, засад, выхода часовых. Высылались подвижные пограничные наряды-дозоры, дезориентирующие польскую сторону. На близкие участки приходилось отправлять даже одиночные наряды, и только на самые отдаленные – парные. Личный состав выматывался до предела.

Стал ужесточаться и пограничный режим. Вводилась ограничивающая система правил, мероприятий и норм, регулирующих порядок въезда, проживания и производства работ в пограничных зонах. Въезд в них был всем запрещен, за исключением постоянных жителей. Даже не все должностные лица имели пропуска. В глубине – от 5 до 10 километров – каждая застава имела несколько запретных зон. В них строго регламентировался порядок въезда, проживания, передвижения, пользования землями, недрами, водами, лесами и другими угодьями, а также

производства сельскохозяйственных работ. Все это позволяло контролировать весь участок заставы. Появление постороннего в зоне фиксировалось местными органами власти, жителями окрестных деревень. Каждый человек на границе был приучен оказывать любую помощь пограничникам.

Краснодемская (Рончинская) Юлия Григорьевна, 1913 г. рожд.

Житковичский район, Брониславский с/с, хутор Марьяновка.

«Начальник заставы видел, что мы границу не нарушали. У них там никто одного гриба не срежет. Приходим, просимся. Вот пропуск, берем пропуск. Насобираем, заходим обратно на заставу, отмечаемся – и пошли домой. Мы относилися честно, как положено. Как нам говорили, так мы и относились. По пропускам. Вот у нас сегодня кирмаш. Вы приезжаете, я иду на заставу, беру вас, за вас ручаюсь. И вы гуляете, потом уезжаете – обратно ходим. Вот такая строгость!»

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Пограничники до нас приходили. Так было, что мы гуляли. Я был хлопец, то яны приходят, ставят винтовки и говорят так: «Свет тушите. Тушите. Нельзя, каб со светом сидели». И дома не побудут, каких-нибудь с полчаса – и ходу. За винтовки – и пошли. А потом кабана смолить, опять же, нельзя смолить, потому что свет. А люди хотели ночью осмолить, потому что приказ был такой, чтоб кожу содрать, сдать государству. А сало без кожи – что за сало? Вот так было».

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Заики.

«Были пограничники, в зеленых фуражках, красивые мальцы. Девки взрослые так там влюблялись, но мы, пацанки, в школу ходили туда, на станцию. Мы сами с сестрой ходили в Бигосово на курсы кройки и шитья. Известно – осень, рано темнеет. Оттуда мы шли с фонариком, фонарь такой керосиновый, и нас арестовали. До хутора не пустили. Там речушка Росица. Нас бродом через эту речушку – и гонят на заставу. Это два километра. «Стой, кто идет?! Куда идете?! Зачем идем?!» А мы вброд, через речку. Арестовали, на конях едут и гонят. А навстречу с этой Болины, деревня, где застава была. Оттуда едет на коне начальник. «Вот, шли с фонарем». Нельзя было в вечернее время свет, со светом. А мы с фонариком, так бы нас и не заметили. Он сказал: «Вот тут они живут. Пускай идут домой». Нас не загнали туда, на заставу на тую».

Экман Абрам Ицкович, 1916 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«В Крайске была застава, и потом дальше была застава пограничная. Там стояли пограничники, за Крайском, в лесу. У нас не разрешали хождения с 12-ти или 11-ти часов. А свет тоже часов с 10-ти, как солнце заходит. Только запалили печки – и все. Бывает, и керосину нету, так не разрешили выходить. Заставы не разрешали, патрулировали, все ушли. Даже там ходили комсомольцы, были молодые такие там, патриоты свои. С военными ходили, с солдатами ходили по улицам. На каждой улице было строго. Я помню, тогда пели эту песню: «Сдох Пилсудский, сдох Пилсудский!» Тогда еще Пилсудский там был. Вечером как начнут петь из этого клуба, так слышно этим полякам. Соберут этих комсомольцев, комсомольцы тогда были настоящие, преданные. Соберутся на крыльце и поют».

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«За лесом была граница, там пахалося. С российской больше пахалося, с советской строже было. С польской легче было. Вот Нестеровщина и Бирюли, они каких-то километра два. Бирюли на советской стороне, а Нестеровщина – на польской. А кладбище одно у нас было. Это незаконно, но ходили на Пасху на кладбище. Поперва, еще в 20-х годах, приходили бирюлевские, слабовато одеты, в суконочках. А наши – больш шикарно, и подпускали близко, там уже здоровались. Потом, когда и я подрос уже, и я пошел на кладбище, к границе. Уже не пускали поляки к самой границе, и только жовнер ходит, за столб не пускает. А с русской стороны два красноармейца в шинелях прошлись шагом до границы от Бирюль – дорожкой и кругом назад. И там таки мужик был, Парфен. Его, между прочим, и

немцы забили: «Что они – спадницы понадевали, и людей не пускае те!» Это ноль внимания. После этого мы и не ходили».

Довнар Станислава Иосифовна, 1912 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Боровский с/с, дер. Пе няка.

«Я приехала в 33-м на каникулы к родителям, и мне нужно было согласно правилам, немедленно, дан был срок, чтобы взяться на учет Это надо было идти к границе, там была застава. Помню так: лето было жарко. Я одна, никого рядом нет. Молодая красивая девушка, иду по дороге. Мне показали дорогу. А границы нигде нет. Потом начинает ся лес, и слышу – в лесу стучат топорами, что-то строят. Я с дорог свернула и пошла на этот шум, чтобы спросить, где застава. Прихожу там большое ограждение проволочное, там стоят дома и загорают му жики. Я оперлась на калитку проволочную — она у меня открылась Оказывается, мне надо было еще дорогой пройти, и там уже был про пускной пункт. А я зашла с другой стороны. Неожиданный визит полу чился. Они все там всполошились. Завели в какое-то помещение – длин ный коридор. Удивились, что я не пошла на пропускной пункт, а проско чила через заграждения. Меня пограничник заводит в дом в этот, у него кабинет. Он в форме и что-то у меня спрашивает, а потом предлагае мне закурить. Для меня это было дико и неожиданно. Я даже не пред ставляла, что женщина или девушка может курить. Он все данные у меня взял, все расспросил. Я показала документы. Он сказал: «Вам надо было заходить не с той стороны, а с другой. Быстрее взяли бы на учет».

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Заики.

«Мы жили в углу Латвии и Польши. Польша была за Двиной. Наш отец выходил из Латвии, но они не латыши, а белорусы. Один раз пошли я – сестра была уже замужем – на границу Латвии. И мы пошли с сес трой, а там деревня – пополам граница с Латвией. Мы идем и спрашива ем какой-то дом. А мы заблудились, не в ту деревню попали. А женщи на одна говорит: «Куда вы идете? Там же уже Латвия». И женщина на

оттуда провела, чтобы нас уже не задержали пограничники, сказала, что это мне приходили в гости девочки».

Особые трудности для задержания нарушителей представляли болотистые места и густые леса. Такого же усиленного контроля и дополнительных пограничных нарядов требовала местность с разветвленной хуторной системой вдоль границ, так как местные жители постоянно ходили из одного хутора на другой. В случае выявления нарушителей в обязанности пограничника входила охрана задержанных до прибытия тревожной группы с заставы. В таких случаях часовой подавал сигнал двумя выстрелами из винтовки, после чего на помощь наряду прибывала группа из двух-трех бойцов. Число нарушителей иногда доходило до десятка. Нередко тревожные группы высылались на фланги заставы по нескольку раз в течение одной ночи. Это было связано с постоянно возраставшим потоком перебежчиков как с одной, так и с другой стороны.

Начавшиеся в стране процессы (раскулачивание, аресты) сказывались на моральном духе личного состава пограничных войск. Это заставило руководство Белорусского пограничного округа уделять особое внимание партийно-воспитательной работе среди личного состава. Политзанятия в погранподразделениях проводились не реже трех раз в неделю. Каждый пограничник обязан был осознать чекистскую сущность своей службы, основывающуюся на тогдашнем понимании борьбы с «кулаками» и с «врагами народа».

Надо признать, что отношение к крестьянам с близлежащих хуторов и деревень во многом зависело конкретно от того или иного начальника заставы. Некоторые командиры устраивали настоящий террор по отношению к местным жителям. Так, по прямому указанию Швырева, начальника заставы, располагавшейся недалеко от деревни Дзержинск Дельчицкого района, подозрительные расстреливались на месте. Местные жители жили в постоянном страхе, в сторону реки, где проходила граница, не ходили, хотя на заставе выдавали пропуска. Дзержинцы Леон Бобович и Панфил Лукашевич, несмотря на выданные пропуска для сбора лозы в урочище Темные Ляды, были убиты пограничниками. Родственники даже боялись спрашивать о случившемся. Павла Шевчука и Афила Лукашевича без объяснений вызвали с заседания правления колхоза, завели ночью в урочище Христок, где и расстреляли. Закопали тут

же, на месте. Не щадили и женщин – убили Устинью Мишкевич, оставив сиротою ребенка. Без суда и следствия были расстреляны Прокоп Лукашевич, Мишкевич, Ничипор Бобович. За ними приходили ночью, забирали, привозили к границе и там убивали. Ничипору Лукашевичу удалось бежать. Улучив момент, он незаметно сполз с воза и нырнул в кусты. Осенью 1931 г. сельчане видели, как на повозку посадили раненого Ничипора Бобовича. На его же лошадях привезли к границе и там убили. Родственникам сообщили, что он пытался убежать за границу, и в виде исключения разрешили им похоронить убитого. На задание выходил наряд из двух человек: следопыт с собакой и пограничник с лопатой, чтобы на месте закопать убитого «нарушителя». Поэтому сельчане о месте захоронения узнавали только по свежевыкопанной земле и бугоркам в лесу. Вскоре после убийства Ничипора Бобовича Швыреву предоставили очередное воинское звание и перевели на повышение в Житковичский погранотряд. После этого расстрелы в близлежащих населенных пунктах прекратились.

В иных местах командиры хорошо относились к местному населению, помогали как могли высылаемым семьям, брали к себе на работу бежавших со спецпоселений малолетних детей.

Кудинович (Якубович) Анна Петровна, 1918 г. рожд.
Житковичский (Туровский) район, дер. Бечанская Буда.

«Приехали родственники на ссылку за своими детьми… Мы приехали (лето 1931 г. – **Авт.**). Пошла к военному. Смотрела двоих деток. Все делала. Мне уже было каких-то двенадцать лет. Брук Александр Маркович был главным врачом Житковичского погранотряда. Хороший был еврей такой, хороший был человек. У них я жила дома. В самом же погранотряде еще военный городок был, и тут же штаб. Мы жили в санчасти, не было квартиры сначала в городке. Даже он жил в санчасти, пока квартиру дали. Мы еще переехали в Полоцк, и он в Полоцке был. Жили на квартире близко около Северной Двины. Ходила я за пайком в отряд. Получала я паек. Помню еще, приду: «Что тебе такое?» Говорю: «Пожалуйста, дайте мне на свое усмотрение, потому что хозяйка меня будет ругать». И он всегда, помню, давал то, что надо. Мне еще говорили: «Вот ты умеешь выбирать». Я говорю: «Я не умею. Это я попрошу, сжалятся – и дадут мне».

Краснодемская (Рончинская) Юлия Григорьевна, 1913 г. рожд.
Житковичский район, Брониславский с/с, хутор Марьяновка.

«Там колхоз организовался на базе нашего хозяйства. Мы рады были вступить, так нас же не принимали как кулаков. Когда нам объявили, что нам отправка будет (август 1933 г. – **Авт.**), а они (отец и брат. – **Авт.**) сидят в тюрьме. А с мамой что могу упаковать? Как ни какую – половина остается. А нам сказали: брать пилу, брать топор, серп бери, продуктов на две недели. А что я возьму, если у меня ничего нету? Мясо забрали все подчистую. Телка у нас росла. Мы думали вырастить корову, думали как-нибудь вырастить втайне, честное слово, прятали у соседей хороших. Объявили. Эта телка попала в колхозный телятник. Я забрала, пошла, позвала ее. Она ко мне бежит, мычит. Я за нее – и домой. «Мама, – кажу, – хоть будет нам на дорогу. В конце концов, мяса надо на дорогу взять. Сказали запасаться продуктами». Привела ее домой. Прошу соседа одного – не хочет резать. Прошу другого – не хочет резать. Я пошла, маминого двоюродного брата попросила: «Дядя, зарежь!» – «Не буду». – «Ах так, не будете?» Я пошла на заставу. Попросила. Пришли два солдатика, зарезали, обчистили, все сделали. Мне так упаковали, что в сундуке место осталось, так они мне все уложили. За это им отдали яблоки. Приехал начальник заставы Данчук, забрал все фрукты, он приехал с солдатами. Сад был большой. Сутки на сборы – и повезли в тюрьму. Кого везли, а кого и гнали».

Бойцов и командиров погранвойск одними из первых принимали в ряды ВКП(б) и комсомола. В округе стали издаваться многотиражные газеты, библиотеки пополнялись новыми изданиями произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической и художественной литературой. На некоторые погранзаставы были проведены радиоточки, заметно улучшилось кинообслуживание.

Каминский Иван Владимирович, 1923 г. рожд.
Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Бересневка.

«Первое звуковое кино «Чапаев» ходил глядеть. На дворе они это сделали: завели аппаратуру, вывесили полотно – и заходи, кто хочет. А я знал, что гэткое будет, а у меня родная тетя жила в Бегомле. Ну так я

к ней, и у нее сын на год старше за меня, Володя. Мы с Володей пошли сюда, посели. Как интересно! Бегают и разговаривают, цветное, флаг красный. Едут чапаевцы. Хорошо я помню».

Непрерывно продолжалась работа с местным населением.

Шингирей Николай Филиппович, 1912 г. рожд.

Копыльский район, дер. Великая Раевка.

Член КПСС с 1939 г.

«У нас близко застава была, в Куковичах комендатура, и погранотряд в Тимковичах был. Сильный такой погранотряд, мы поддерживали с ним связь. Всегда они к нам приезжали, делали доклады, оговаривали нам, как себя в зоне пограничной вести, когда идет незнакомый человек, подозрительный. Мол, надо докладывать на заставу. Мы это делали. Иногда помогали выходить на след преступников. Из-за границы приходили, была перестрелка, но их поймали».

К концу 1931 г. обстановка на границе оставалась неспокойной. Руководство УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси продолжало ужесточать охранный режим в приграничье и перевооружать подчиненные ему части. Но никакие изменения не возымели бы действия без кардинального улучшения бытовых условий на границе. Поэтому в начале 30-х по всей протяженности пограничной линии стали разворачиваться строительные работы. Финансирование велось как из средств самого управления, так и из бюджета местных органов власти.

В первую очередь на месте обветшавших застав и комендатур отстраивались новые. На возведение каждого здания с прилегающими постройками требовалось от одной до трех бригад, которые работали там от одного до двух и более лет. Строители в редких случаях набирались из местных. Как правило, это были жители близлежащих областей России и Украины.

Помещения отстраивались согласно уставам. На заставах отводились места под красный угол, столовую и кухню, комнаты для чистки оружия, канцелярии и просушки обмундирования. В отдельном здании или в каком-нибудь крыле отстроенного обязательно обустраивались квартиры для командного состава.

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Строили заставу вот у нас в 32-м году. Даже я был на работе у них. Мы пацаны. Дадут военные дрова – режем им, то они дадут нам обед. То глину носили, потолки мажем. В общем, одним словом, отстроили им заставу. На работу ходили для того, что дадут пообедать хорошо. Яны, конечно, вы знаете что, платили нам, таким пацанам, я кажу, мало. Дак он кажа, этот самый что бригадир, который главный по строительству: «На ботинки хватит к первому маю».

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Ханки.

«Комендатура располагалась на самом вокзале в Бигосове. Тут же при нас вокзал такой выстроили. А там такие были на крыше вышки. Игдали, кто не знал, думали, что здесь церковь ти костел. Пограничники нас не трогали. И был очень хороший буфет на этой станции. А мы, что мы в школу с собой брали: корочку хлеба и чай нам там давали. Одну ложечку сахару и чаю стакан. А когда 8-е марта, нам, девочкам, давали по две чайные ложечки сахару. Но это такое время было. Потом ходили мы к этому буфету нюхать, как пахнет вкусно в этом буфете. Купить не можем – денег-то нету. И один раз стояла я – печка кафельная, грелась. Вышел оттуда какой-то иностранец и мне кладет монету, примерно 20 копеек. Так было, говорит: «Во! Во!» Видит, что бедная девочка, побирушка. Я только: «Спасибо». Пошла, булку купила. Ехали люди проездом. Таможенники тут как тут. Поезд как идет, обязательно таможенники».

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Новопольский с/с, дер. Ворошилы.

«Я в погранотряде Заславском работал. Пожалуйста, глину месил. Были евреи, допустим, говорили: «Хлопцы, глина масло давай». Чтобы глина, как масло, была, чтоб ни камушка не было, ничего. У Глушанах заставу строили. Глушаны – это Заславский район. Надо ж были люди. О-о-о, там большое здание. Там это, хотя и военных много находилось, там и подземные ходы делали. Что же вы думаете – так, застава! Ко-

мендатура – это отдельно. Як строили, вообще строили полностью. Там
было, и смоленцы строили, и украинцы эту заставу. Там много, целый
год строили. Конечно, там солиднос. Мы были в большинстве подсоб
ной силой. Близко от границы, знаете, не было. Так что близко не пуска
ли. Хоть нас пускали и за проволоку, туда никто не ходил. Лес заготовля
ли там, как говорится, воровали тогда. Не хватает – направляет. Нейт
ральная была там территория. Конечно, на польскую не полезут – нейт
ральная. Так же, допустим, лесничество требует, а так – не хватае
лесу. Начальнику заставы зараз напишу – пустит, там нарежем. Был
смоленцев бригада, и была – украинцев. Примерно человек 60 работа
ло. Наблюдательные вышки ж должны быть, и потом даже выходы был
подземные, подальше. Короче, мы не всматривались, нам не интересн
было, нам надо было работать, чтобы жить. Нас выгнали из дому, бать
ку схватили. А полезь куда хочешь, так мозги быстро б вправили. И
подвал был как тоже этаж. Платили, кормили с военными. Конечно, на
не давали разом с военными, но потом – военные покушают, потом уж
рабочих кормили. Кто работал, было неплохо. А родные, так ночевали
кому далеко, а близкие так могли ходить каждый день. А так – куд
смоленец поедет? Работал, хоть бы что, работал – и все. Хорошее отно
шение. Допустим, субботний вечер – давали нам каждую субботу ден
ги. Просишь его быстрее: «Хватит вам писать». Он говорит: «Чем боль
ше напишу, тем больше получите». Вот так вот. Потом приезжает, эт
уже, нас забирает, когда подготовили уже высылку, последнюю высыл
ку, это уже в 32-м. Приехали, там еще и брат мой работал, в семье посл
меня – Иосиф. И он уже со мной потом на заставе. Мы в Новом Пол
работали, ремонты там, знаете. Мы большинство штукатурами, с печ
никами. Тут ремонт, допустим, в Новом Поле ремонт делали, погранич
никам. Давали каждую субботу, понедельно. Тогда деньги были совсе
другие, 90 копеек бутылка водки была. Работали года два с половино
А сестра работала – тут вот школу делали, поваром работала. Я ж гово
рю, что скитались».

Если строения застав и комендатур были более-менее добротны
ми, то обновлялась по необходимости столярка и крыши. Повсеме
тно заменялась мебель. В столовые была завезена в достаточно
количестве посуда. На погранотделения было выделено для несени

караульной службы необходимое количество полушубков, валенок и шапок.

Для технического оснащения УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси было выделено более 600 тыс. рублей. Этих средств хватило на закупку в 1931 г. около 30 станковых и 120 ручных пулеметов, до трех десятков автомобилей и другой техники, которая была направлена в войска. Хотя этого вооружения было недостаточно, но все же хватило на замену устаревших и иностранного производства пулеметов на новые, отечественные.

Правда, эти изменения к лучшему были омрачены частыми перебоями в снабжении. К весне 1932 г. в стране разразился самый настоящий голод, который также сказался и на пограничной охране. Минск по заявкам о поставке продовольствия в отряды отправлял менее половины необходимого. А в ответ на доклады о перебоях в снабжении Главное управление рекомендовало организовать на местах подсобные хозяйства. Командование всех уровней оказалось в растерянности, ведь это никак не вписывалось в ту боевую задачу, которая ставилась перед пограничной охраной. Командиры, естественно, были далеки от вопросов земледелия. За подразделениями не числились земельные участки, отсутствовали сельскохозяйственный инвентарь и семенные фонды. Для решения этих проблем из Главного управления на счета пограничных отрядов стали поступать необходимые денежные средства. Все организационные вопросы по началу сельхозработ были возложены на командиров и начальников застав. С одновременным несением службы им приходилось разъезжать по базарам и приобретать поросят, кроликов, посевной картофель и семена. Райкомам партии и райисполкомам была дана установка на выделение колхозами, расположенными поблизости от комендатур, земельных наделов от 3 до 10 гектаров каждый под посевы с обязательным предоставлением погранотрядам необходимого сельхозинвентаря. Вдоль всей пограничной полосы при комендатурах и заставах стали производиться посевы картофеля и круп, выпас живности. Собранный урожай шел на пополнение похудевшего солдатского пайка. Начальники пограничных отрядов стали практиковать издание специальных приказов, в которых отмечались командиры, добившиеся определенных успехов на поприще ведения подсобного хозяйства. Погранчастям передавались в пользование целые колхозы и совхозы. Согласно

постановлению ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 11 января 1932 г. преду-
сматривалось создание 12 красноармейских колхозов на 825 человек и
подселение в 137 существующих пограничных колхозов 2105 военно-
служащих с тем, чтобы они составляли в них «крепкое и руководящее
ядро». Вербовка проходила среди пограничников, которые в скором вре-
мени должны были демобилизоваться и до воинской службы трудились
колхозниками или сельскохозяйственными рабочими. Единоличников
агитировали в исключительных случаях и после прохождения ими дос-
кональной проверки. Демобилизованные, которые подселялись в пригра-
ничье, должны были получать централизованный паек от райсоюза, се-
мейным предоставлялась хата, корова, всем – денежная помощь в раз-
мере 300 руб. на семью, 150 руб. на холостяка. Белкоопсоюз предостав-
лял одежду, обувь, кухонную посуду. На начальном этапе такие коллек-
тивные хозяйства освобождались от государственных сельскохозяйствен-
ных поставок.

В 1933 г. в приграничье с непосредственной помощью УПО и ВОГ-
ПУ ПП ОГПУ по Беларуси было организовано несколько совхозов и
13 колхозов (в Полоцком районе – 5, Лельчицком – 2, Логойском, Дзер-
жинском, Копыльском, Краснослободском, Любанском и Петриков-
ском – по 1), которые часть своей сельхозпродукции передавали на
снабжение погранохраны.

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

*Логойский (Плещеницкий) район, Крайский с/с, хутор Абра-
гимовичи.*

«Уже у нас был тогда совхоз организовался, в Яновке, три километ-
ра. Вы знаете, организовано было. Совхоз этот был подсобное хозяй-
ство от погранотряда Плещеницкого. Совхоз особо не большой. Там бы
свинарник, был коровник, была конюшня. Коров неких 50 – коровник бы
свинарник был, может, на голов яких 200. Лошадей штук 40 было. Тогд
только лошадьми обрабатывали. Была земля. Был директор – хозяй
ственный мужик, пожилой был директором этого совхоза. Он не бы
пограничником, он гражданский был. Говорили, они коней сюда присы
лали списанных, коней сюда отдавали. С погранотряда эта военщина.
туда поставляли мясо и молоко. Приезжали на уборку иногда военны
Работали местные. Там был народ наезжий большинство. Были и наш

люди. С дальних деревень поприезжавши. Работы не было, поприезжа-
ли в колхоз на работы. Им дали хату, было общежитие, столовая была.
Вот так работали. В 12 лет я 60 коней пастил, да, именно в этом совхозе.
И директор был строгий, не разрешал даже путать лошадей. Я пацан
был легкий – на коня сажусь и коней гоняю. А граница – если напрямую,
так два-три километра, эта, польская».

Но на самом деле не так было все гладко. Вместо обещанных от-
дельных домов, как правило, бывших пограничников селили в неприспо-
собленные под жилье помещения. Местные крестьяне к новичкам отно-
сились с явной враждебностью. Были зафиксированы случаи, когда быв-
шим пограничникам предлагали возвращаться на родину. В Заславском
и Узденском районах крестьяне, выпекая хлеб для пограничников-кол-
хозников, специально добавляли в муку земли.

В свою очередь, сами хозяйства требовали со стороны партийно-со-
ветских органов значительных денежных вливаний и постоянного конт-
роля. Колхозы и совхозы в массе своей были неэффективными, а работа
новоиспеченных колхозников оставляла желать лучшего. Уборка уро-
жая 1932 г. в некоторых хозяйствах была проведена из рук вон плохо.
Особенно отмечалось скверное качество обработки земли. Подготовка
к севу в этом же году была организована неудовлетворительно. В итоге
в 1932 г. из 13 колхозов только 3 выполняли план по посеву на 100 %.

Одновременно этим же постановлением от 11 января 1932 г. ЦК
КП(б)Б и СНК БССР разработали специальную программу укрепления
погранполосы, с независимыми источниками финансирования пригранич-
ных районов. Перед Тракторцентром ставилась задача первостепенно-
го обеспечения приграничья тракторами и сельхозинвентарем. Белкол-
хозцентр должен был подготовить соответствующие бытовые условия
для приема и размещения в колхозах белорусского приграничья 350 кол-
хозников из районов Нижней и Средней Волги. Белколхозцентр и райко-
мы КП(б)Б должны были укрепить руководящие кадры всех нацио-
нальных колхозов, провести проверку на «идеологическую устойчивость»
местных колхозников-нацменов, перевести сюда кадры из других райо-
нов республики. На руководящую работу в приграничные колхозы были
направлены 100 партийцев и комсомольцев из контингента пограничной
охраны.

Мероприятия военного порядка были направлены на обеспечени во время предполагаемой войны условий для успешного проведени войсковой мобилизации и организации обороны на территории БССР Предусматривалось в случае необходимости провести переоборудо вание гражданских учреждений под войсковые госпитали, реквизи цию средств автотранспорта для нужд армии, переориентацию МТС для ремонта военной техники, организацию сборных мобилизацион ных пунктов, подготовку мобилизационного резерва из милиции, обес печение запасов топлива, продовольствия, других материально-тех нических ресурсов и т. п.

В укреплении пограничья не последнюю роль продолжал играть ЦК КП(б)Б. На основе материалов, поступивших из 9 пограничных районов 8 мая 1932 г. высшие партийные органы республики приняли постанов ление «О мероприятиях по отбору необходимого количества специалис тов для переброски их из тыловых районов БССР в приграничные райо ны», согласно которому необходимо было заменить 260 работников раз ных профессий. 7 августа 1932 г. Секретариат ЦК принял директиву о «очищении» первой полосы приграничья от классово-враждебных эле ментов среди учителей и замене их партийцами и комсомольцами и тыловых районов. В ходе выполнения данной директивы из приграни ных районов было снято 486 человек, на замену им прибыло 551 (242 был переведено из тыловых районов и 309 – из техникумов и учительски курсов). В тыловые районы было отослано 34 специалиста-медика, а н их места переведены «надежные товарищи». Подобная практика прово дилась и по линии других республиканских наркоматов. Только с декаб ря 1932 г. по март 1933 г. из погранполосы отозвано 2180 человек, в го саппарате было освобождено от должности 150 человек. На смену и только в районы 1-й зоны ЦК КП(б)Б в 1932 г. послал 1492 человек Среди новичков был большой процент коммунистов и комсомольце Как достижение приводился тот факт, что к началу 1933/34 учебно года в 10-километровой пограничной полосе среди педагогов коммуни ты и комсомольцы составляли 91%, а остальные 9% учителей – беспар тийные жены или родные ответственных работников района и коман ного состава погранохраны. В 1933 г. на руководящие должности был направлено еще 148 коммунистов и «проверенных советских работни ков», в т. ч. из центральных республиканских структур. Так, в Дзержин

ском (польском) районе районный партийный комитет возглавил секретарь партколлегии ЦКК известный большевистский функционер И. Домбровский, а заведующий польским сектором ЦК КП(б)Б Врублевский был направлен заведующим отделом в этот район, и т. д.

Но эти мероприятия мало улучшили положение с кадрами в приграничье. Приезжие слабо знали местную специфику, отсутствовал достаточный опыт работы с сельскими жителями, явно проявлялся низкий профессионализм партийных функционеров. В 1933 г. сотрудник инструкторского отдела ЦК КП(б)Б Берзон докладывал: «В результате такой текучести работники не успевают изучить свой район. До сих пор ряд важнейших районных органов не укомплектован [...] при этом процент обеспеченности сельского хозяйства специалистами тыловых районов выше пограничных. В центральных белорусских организациях нет тщательного отбора посылаемых кадров в пограничные районы. Например, Наркомпрос в порядке кампании без достаточной подготовки провел работу по укреплению учительскими кадрами погранполосы, послав учителей из тыловых районов, а также учащихся техникумов и курсов в количестве 500 человек. В результате районы жалуются на слабость и неопытность новых учителей, среди которых имеются социально-чуждые элементы».

Погранохрана оставалась надежным инструментом в руках ОГПУ. Чтобы не возникло никакого брожения в рядах пограничников, на глазах которых происходили все негативные процессы на селе, партийное руководство УПО и ВОГПУ требовало от низовых организаций четкого выполнения своих функций. Не реже чем раз в месяц проходили партсобрания. Партячеек на заставах не существовало, поэтому коммунисты стояли на учете в ячейках управлений комендатур. В обязанность каждого из секретарей входило разъяснение всех мероприятий партии и правительства как пограничникам, так и местным жителям. Всем коммунистам застав и комендатур вменялось в обязанность регулярно появляться в близлежащих колхозах (на учете каждого подразделения их было от 10 до 20) и строго следить за претворением в жизнь решений местного райкома партии. Для поддержания морального духа личного состава подразделений на заставы организовывалась доставка газет и журналов. Командиры регулярно проводили политические беседы. Были пущены по заставам передвижные киноустановки. Торжественно отме-

чались все революционные праздники. В день годовщины Октябрьской революции делались их доклады о международном положении, об успехах в социалистическом строительстве. Подводились итоги деятельности пограничных подразделений. Отличники боевой и политической подготовки получали памятные подарки, делались фотографии на память. Для поднятия авторитета войск в юбилей ВЧК – ОГПУ отличившихся командиров награждали именным оружием с надписью: «За преданность делу пролетарской революции в день (такой-то) годовщины ВЧК – ОГПУ». Отмечались и целые пограничные соединения. Например, в Постановлении Президиума ЦИК БССР от 15 января 1932 г. говорилось: «За героическую преданность войск погранохраны делу революции, большие заслуги по охране советских границ, а также и большую работу по укреплению хозяйственно-политического состояния пограничных районов Президиум ЦИК БССР постановляет наградить пограничные войска ОГПУ БССР орденом Трудового Красного Знамени БССР».

Мощь Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ росла впечатляющими темпами. Совет Труда и Обороны СССР 21 июля 1932 г. принял постановление о формировании в составе войск первых авиационных отрядов. В ноябре того же года утверждается план развертывания авиачастей. В соответствии с ним к концу 1932 г. первые отряды были созданы в Алма-Ате, Тбилиси, Ташкенте и в Минске. В 1933 г. в войсках числилось 7 отдельных авиаотрядов. К осени 1935 г. формируется еще 10 отдельных авиачастей. Развертыванием отрядов руководила инспекция отдела вооружения, которая в начале 1935 г. была переформирована в авиационный отдел с непосредственным подчинением начальнику ГУ ПО и войск ОГПУ. Кроме авиации, нового стрелкового и автоматического оружия, на вооружение пограничных войск стали поступать грузовые автомобили, сторожевые корабли, ледоколы, быстроходные катера.

Формирование новых и укрупнение старых частей повлекло за собой увеличение численности войск чуть ли не в полтора раза. На местах остро стала ощущаться нехватка командного и политического состава. Для подготовки офицерских кадров в течение 1930 – 32 гг. были дополнительно открыты школы пограничной охраны в Новом Петергофе, Бабушкино (Московская область), Харькове и Саратове. В 1934 г. были набраны слушатели в ряд других специальных заведений, в т. ч. на курсы по подготовке морских специалистов в Ленинграде. Для привлечения молодежи в эти учебные заведения в стране стали проходить всевозможные мероприятия, пропагандирующие отдельные виды специальных войск. В частности, в 1931 г. ответственная организация «Автодор» провела в стране кампанию под лозунгом «Вооружим мотором красных пограничников» по сбору средств для создания фонда моторизации пограничной охраны. Уже в следующем году президиум I Всесоюзного съезда общества «Автодор» передал ГУ автотанкетный отряд в составе 24 боевых машин. Эта техника так же, как и артиллерийские орудия, направлялась в Белорусский и Украинский военные округа для усиления погранотрядов.

Козлов Степан Кондратьевич, 1902 г. рожд.

Сенненский район, Хочанский с/с, дер. Новоселки.

«После Брагина (работал заведующим агитотделом райкома партии) я был послан по линии райкома партии в погранвойска. Меня вызвали в ЦК и направили в пограничные войска (апрель 1933 г. – **Авт.**). Я был помощником командира батареи по политчасти 15-го Заславского погранотряда... Год пробыл в Заславле, а затем меня перевели в Дзержинск. Я тогда был помощником командира бронетанкового дивизиона 16-го Дзержинского отряда. Так, были у нас танки. Тогда небольшие танки были. Дивизион был при погранотряде. Зря их ликвидировали, эти дивизионы. Ездил на танке. Дивизион бронетанковый дальше от границы стоял, у границы его не было. Учения были, занятия проходили с бойцами».

Одновременно с увеличением огневой мощи войск шел поиск оптимальных способов охраны границы. На протяжении полосы, где имелась возможность, делались завалы на лесных тропах, устраивались проволочные заграждения, дороги посыпались песком. Но эти усилия не давали должного результата. Только на участках, где применялись служебные собаки, стало сокращаться количество безнаказанных нарушений границы. Учитывая данный опыт, форсированными темпами увеличили набор в открытую в 1926 г. Центральную школу и опытный питомник служебных собак пограничной охраны и войск ОГПУ. К 1933 г. служебные собаки становятся непременной принадлежностью каждой

заставы, размещавшейся на оперативно важном направлении. При округе была открыта школа служебного собаководства. На начальном этапе катастрофически не хватало породистых собак. Закупленных за границей восточноевропейских овчарок содержали в питомниках для разведения, а для службы иногда оставались собаки местных пород. Факты успешных действий служебных собак были впечатляющими. Каждый начальник заставы мечтал иметь под своим командованием проводника с овчаркой. Всего за шесть лет, с 1930 по 1936 гг., школой служебного собаководства было подготовлено около тысячи специалистов. Инструкторов с розыскными собаками прежде всего распределяли при комендатурах или при отрядах. Отсюда их направляли по вызовам с застав или использовали в оперативно-поисковых группах.

Эти меры позволяли найти и задержать нарушителя, но не обнаружить на начальном этапе факт пресечения границы. Только инцидент, произошедший в полосе Дзержинского пограничного отряда, подтолкнул к коренному изменению всей системы охраны границы – к созданию на всем ее протяжении контрольно-следственной полосы. Осенью 1931 г. на берегу Немана, где заканчивался фланг одной из застав, колхозники села Лунино Узденского района стали распахивать примыкавший к берегу луг и сеять клевер. Сделав около десятка борозд, крестьяне ушли. На берегу осталась узко вспаханная полоска, которая протянулась почти по всему флангу заставы. Военфельдшер комендатуры, проходя мимо, увидел на вспаханной земле свежие следы. Он стал преследовать и задержал нарушителя. Командование проанализировало данный случай, и вскоре был вспахан весь участок комендатуры. Постепенно это нововведение стало применяться во всех отрядах округа.

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский с/с, хутор Абрагимовичи.

«Граница тогда была крепкая (1933 г. – **Авт.**). Потому что гряда заборонованная. Если уже кто придет – след есть. Тогда уже ищут сыщиками».

Усиливалась и непосредственно охрана границы. В феврале 1932 г. шефство над погранохраной Белорусского округа принял ЛКСМ Беларуси. В свою очередь, ЦК Компартии Беларуси, парторганизации погранрайонов совместно с соответствующими службами погранвойск непосредственно занимались укреплением так называемых «баз содействия», куда входил местный актив. В обязанности последнего входило проведение оперативной мобилизации всего взрослого населения приграничных районов. В случае тревоги по ближайшим деревням скакал всадник-посыльный. Он подъезжал к правлению колхоза, сельсовета и избе-читальне, находил кого-нибудь из сельского актива или комсомольской ячейки. Сообщение было, как правило, краткое: «Нарушение границы! Нарушители потеряны! Поднимайте мужчин!» Собираться по тревоге жителям долго не приходилось, через каких-нибудь полчаса все были в сборе. Крестьяне делились на группы, выстраивались длинной цепью и шли на прочесывание близлежащего леса. Труднее было зимой. Глубокий снег, ноги проваливались по колено. Те, у кого были лыжи, вырывались вперед. Но прочесывание эффективно, когда все идут бок о бок. Кое у кого обязательно было ружье. Выходили на проческу во главе с местным активом. Пограничники непосредственно в таких операциях не участвовали и появлялись по необходимости. Каждая деревня знала свой участок, поэтому нарушителю уйти было трудно. Как только откуда-то доносился выстрел, туда бежали все, и в первую очередь – конная или пешая поисковая группа пограничников.

Наряду с проческой местные крестьяне участвовали и в иных охранных мероприятиях.

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Новопольский с/с, дер. Ворошилы.

«Какое-то было, допустим, указание – вечером не зажигать огни, у них что-то было там. Объяву напишет, приклеит, что вечером не зажигать. Вот попадались дни. Это очень редко случаи были, чтобы не зажигать».

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Римаши.

«Граница каля самой проволоки. Эта проволока колючая в пять рядов, каб туда скотина не заходила. Военные сами понатягивали».

Никифорова (Толстова) Татьяна Павловна, 1918 г. рожд.
Дзержинский район, Боровский с/с, дер. Лучицы.

«Почему-то польской земли сажень был – это два метра, на эту сторону проволоки. А наша полоска шла шире, вдоль границы расчищенная. Так сено убирали, уже колхозы стали, так посылали на границу молодежь. Стариков не посылали убирать это сено. И мне приходилось ходить туда. Так поляки на той стороне ходят и разговаривают, все спрашивают. А нам нельзя ни слова сказать. Мы молчали. Только заговори, отзовись – как вроде с неба свалится пограничник наш. А так их нигде не видно. Лес рядом. Или подойдете под проволоку ягоду сорвать, тоже откуда-то он появится: «Нельзя». А там все можно было. И вот мы сено сгребали свое, убирали, наложили – и нас увозили. А ихнюю полосочку они тоже косили. Женщина на ту сторону проволоки едет на лошади вдоль, а мужчина с этой стороны через проволоку подает это сено туда. И идет ихний пограничник по ихней стороне, а наш – по нашей. Вот это запомнилось мне хорошо. Наша мать ягоды собирала и заблудилась. Собираючи ягоды, не заметила, как зашла – видимо, там проволоки не было – на польскую территорию. Увидела дом помещика, тогда спохватилась. Так бегом быстро обратно».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.
Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Застава – собой, комендатура – собой. Люди были настолько надрессированы, что вот такой пацан увидит постороннего – сразу на заставу сообщит. Придут, заберут, и все. Поляки, что поляки? У нас строго, строжайшее дело было, а они выйдут, смеются с наших. Они смеются. Они жили там лучше, чем здесь, даже и разговора нет. Вот у Боровского, у помещика, который в Луковце жил, у него два имения было. В Вепратове. Вепратово осталось здесь, в БССР, а Луковец – там, под Западной Беларусью, под Польшей. Так один год охотничьи собаки перешли. Сибирцев был начальником заставы в Мышичах. Мы с ним с этими собаками на охоту ходили. Рысь подстрелили. Он снял и сделал чучело. На конюшне поставили. У нас была спокойная граница. По деревне ходят вдвоем. Вот, скажем, деревня, вот сосед с соседом, и палка такая, просто палка, и все. Он сегодня отдежурил, передает ее следующему, которому завтра дежурить. Тот тоже, по два человека дежурили. Ходили просто вдоль своей деревни. Вдоль своей деревни, чтоб никто посторонний не ходил. Отдыхали. Были и вечеринки. Это в деревне заведено было. И с деревни в деревню ходили, и никто ничего, это не запрещалось. Если постороннего человека увидит, притом еще подозрительного, свое ж население они знали, своих, и со следующей деревни, и кругом. Знаете, как крестьяне, они же все знали. А если видели такого постороннего человека, то сообщали на заставу, и все. Стукачи были – были. Это было дело очень развито, обыкновенный крестьянин тоже стукач был. Это на границе было очень развито. Это только детей в это дело не вербовали, а так они всех поголовно вербовали: и мужа, и сына, и дочь, всех на свете. На заставе взвод был, и все. Надо ж было охранять, они ж не стояли стенкой. В зимнее время хорошо, они по дороге просто ходят. След же виден туда, понимаете. А в летнее время – ого! Они очень маскировались, замаскируются. У них кухня была. Они привозили пайки с комендатуры, а комендатура получала из погранотряда. У них были машины специальные для перевозки. В комендатуру на машине привозили с отряда, а с комендатуры – на лошадях, такие телеги были большие. Не колхозные – свои. У них все было. Никакого отношения они не имели к нам».

Особое внимание уделялось охране железнодорожных путей.

Артюшевский Михаил Степанович, 1911 г. рожд.
Дзержинский район, Негорельский с/с, дер. Мезиновка.

«Получил форму, там же пограничная полоса. Просто работал. Это стык польский и наш. Приходилось работать просто: наша бригада там, других бригад не пускали. Я на железной дороге работал, простым железнодорожником. Так поезда ходили польские и наши. Польские ходили до Негорелого, а наши – до Столбцов. До полосы довезет контроль, а там уже наши идут туда. Там уже они садятся – поляки. Наша деревня два с половиной километра от границы, совсем близко. Очень строго было, чтобы была граница на замке. Предположим, часовой заметил – у них же полоса контрольная есть. Так если только на границе перешел перебежчик, то уже заставы нас всех поднимут. Мы тоже дежурили. Определенное место скажут, и дежурили, вот так просто, без винтовок.

И было сказано: «Заметите вы подозрительного человека – не трогайте его. А только сообщите нам».

Валаханович Камелия Леонидовна, 1906 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Писаревщина.

«Моего мужа батьки брат. Так он стрелочником был на железной дороге. Так надто не разрешали ему нигде ходить. Тады со Столбцов польские вагоны приходили сюда, в Негорелое. Путь был, як туды идти, по левой стороне польский, а это – русский. И снег гоняли нас чистить. А прикажут: «Не говорите с ними». Мы и не говорили. Как снег выпадет, мы ходили снег чистить. Проводники ихныя, як теперь бачу – шинели черные, боты блестят на ногах. А у наших так не было. Наши беднейшие были. Как приедут, так как паны все равно какие расхаживают. Ихние ведут аж к нам в Негорелое поезда и тут меняют их неяк. А как груз какой, так тогда поставят наш путь тут, а ихний – тут, а посередине – площадка. Через эту площадку туды носили груз этот. За границей был некий старший наш, Максим Горький. Так он приезжал сюда, в Негорелое. Так нас послали с поля встречать. А мы, довольные, что не трэба рабить, а просто постоять, поглядеть, и мы стоим, глядим. Так на руках его перенесли с польского вагона в наш, сразу в вагон. Только мы его тады бачили, стояли далековато. Он со своего поезда стал в дверях и говорил. Что поймешь? Не почуешь – далеко. Закрыли вагон, убрали зеленью паровоз, другой подцепили и повезли».

Чтобы коммунисты-пограничники не подпадали под влияние местных парторганизаций, была проведена реорганизация партактива. Согласно решению XVII съезда ВКП(б) парторганизации пограничной охраны были выведены из-под контроля невоенных парторганизаций. Политический отдел ГУ ПО и ВОГПУ сосредоточил теперь руководство всей партийно-политической работой непосредственно в войсках. В 1934 г. в соответствии с новым Уставом партии, принятым на XVII съезде партии, и «Инструкцией организациям ВКП(б) в Красной Армии» парторганизации войск были перестроены. Теперь отдельные коллективы стали именоваться первичками, а партячейки застав, кораблей, КПП – низовыми партийными организациями.

ГУ ПО и ВОГПУ становилось надежной опорой власти. Когда 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит С. Киров, уже вечером 2 декабря, после отбоя, именно слушатели Высшей пограничной школы были подняты по тревоге. Начальник штаба школы И. А. Богданов (впоследствии – с сентября 1939 г. – начальник погранштаба войск Белорусского пограничного округа) объявил собравшимся: «По приказу командования направляется группа для выполнения важного задания». Пешим строем командиры пришли на вокзал. Эти люди считались опорой существующего строя и самыми надежными частями в столице. В полночь поезд со всем высшим партийным руководством выехал в сторону Ленинграда. Остановившись ненадолго на станции Бологое, поезд на рассвете прибыл на место. Из первого вагона вышли И. Сталин и сопровождавшие его лица. Командиров-пограничников на грузовых машинах отвезли в Таврический дворец, где те приняли участие в похоронной процессии. После этого командиры еще некоторое время оставались в Ленинграде и активно участвовали в проведении операции по очистке города от «антисоветских элементов». Вызванная этим задержка впоследствии повлияла на увеличение срока учебы этого набора слушателей школы с положенного года до полутора лет.

ГЛАВА 4

«Золотая лихорадка»

Заметные успехи, достигнутые во время НЭПа во всех отраслях промышленности Беларуси, дали толчок для дальнейшего развития этого процесса в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.). Согласно плану, предполагалось одновременно с реконструкцией старых заводов и фабрик развернуть совершенно новое промышленное строительство. Для закупки производственного оборудования за рубежом, его монтажа и оплаты иностранного инженерно-технического персонала необходимы были валюта и золото. Но в чистом виде в казну они не поступали. Все платежи в бюджет республики шли в неконвертируемой рублевой массе. Поэтому мероприятия ОГПУ, и в частности в приграничье – пограничной охраны, по выявлению и изъятию золота у населения развернулись с начала первой пятилетки.

Операция по конфискации золота проводилась по негласному приказу о сдаче государству драгоценных металлов. Не привлекая постороннего внимания, в течение нескольких лет всех, у кого предполагалось наличие ценностей, постепенно в приграничных районах вызывали в комендатуры и погранотряды и сообщали им о необходимости сдачи всех своих сбережений. Не желавших добровольно отдать драгметаллы сажали в тюрьму, где держали по нескольку месяцев.

Организация изъятия золота у населения легла на секретно-оперативные части пограничной охраны.

С начала и по конец 20-х годов определенная часть крестьянства занималась контрабандой. Бизнес был очень выгодным и привлекал многих легким хлебом. За долгие годы облав и задержаний в секретно-оперативных частях собралось достаточное количество материалов о местных жителях. При этом брались на учет и лица, проводившие операции по купле-продаже скота и сельхозинвентаря за золотые монеты царской чеканки.

Операция начиналась постепенно, с поэтапным «прочесыванием» сельсоветов одного за другим. Полоса же охватываемых населенных пунктов доходила до 20 – 25 км от границы. Полностью, за исключением районных центров, подпадали под контроль пограничных войск Осиповский, Верхнедвинский, Плещеницкий, Заславский, Дзержинский, Копыльский, Краснослободский, Старобинский, частично – Греский, Полоцкий, Чашникский, Бегомльский, Логойский, Узденский, Житковичский, Туровский и Лельчицкий районы.

Все проходило тихо, без афиширования процесса изъятия ценностей. Населению разъяснялось, что уже само хранение золотых монет или валюты является преступлением. Хозяев, у которых предполагалось наличие чего-нибудь за душой, вызывал на разъяснительную беседу командир погранподразделения (при этом он необязательно являлся сотрудником секретно-оперативной части) и настаивал на добровольной сдаче имеющихся ценностей. С этого началось нагнетание «золотой лихорадки» на границе, которое постепенно превратилось в силовой прессинг. Крестьяне, не имевшие золота, смотрели на происходящее если не с одобрением, то с полным безразличием. Точно придерживаясь пословицы: «Моя хата с краю…»

Артюшевский Михаил Степанович, 1911 г. рожд.
Дзержинский район, Негорельский с/с, дер. Мезиновка.

«Брали за золото. Из нашей деревни – никого. Но там вот, по соседству – так вот многих. Мы сегодня спим, а завтра уже просыпаемся. Бывает, что и того схватят, и того схватят».

Дудко Вера Николаевна, 1919 г. рожд.
г. Одесса.

«Я жила в деревне Маево (Семежский с/с, Копыльский район. – **Авт.**). Застава была, вот где разобранный дом. Сад. И окна только есть, и стены еще есть, еще и второй этаж троху. Он уже там разломанный. Это была уже застава. Сперва за золото брали сюда, а потом вывозили, если человек не соглашался. В Слуцке большинство сидело. В заставу так арестовывали. А их вывозили в Слуцк, сидели они в Слуцке. Сидели не один день, а много сидели, пока не дает человек золото. У нас никто не сидел. У нас люди бедные были, и все на поселках, батраки были».

Фомина (Носевич) Елена Леонтьевна, 1916 г. рожд.
Копыльский район, Великораевский с/с, дер. Малая Раевка.

«Брали за золото, брали. Там соседей, Носевичей, вроде их троху

потузали. Носевичи, однофамильцы. А как звать – значит, Яков. За эт
золото вроде их брали. А вот этого не знаю, то он отдавал то золото, н
знаю. Это все тихо. Вот нашего соседа за золото – так я знаю. Ещ
кого-то брали, але ж про тых я уже не знаю».

Кунцевич Вячеслав Константинович, 1915 г. рожд.

Копыльский район, Тимковичский с/с, дер. Черногубова.

«Помню даже и фамилию ее – Борисевичиха – забрали ее, она сиде
ла за золото в Слуцке. Потом сказала, что отдаст, дак ее пустили. Он
приехала на лошади, и с погранотряда были, каб все забрать. Так эт
золото отдала она, и больше не брали ее».

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.

Копыльский (Краснослободский) район, дер. Бучатино.

«Тут интересно про золото. Это кто продал корову, кто продал каба
на. Оно ж и дешево было. Продашь корову за восемь рублев, дак пятер
ку дадут золотом, а остальные три – уже бумажки, бо три рубля не был
золота. Всех людей брали за золото. Или у кого доллары были, тож
брали. А то так уже в Бучатино у кого одна пятерка была, то их забира
ли. С некоторых списывали что ли, кто что продаст, да возьмет золото
«Есть золото?» Кажет: «Нема». – «Ну нема, ходим». И пока не отдашь
То не берут, не арестовывают, если сразу отдал».

Арестовывали всех подряд. Во внимание не принималось ни сосло
вие, ни вероисповедание, ни семейное положение, ни состояние хозяй
ства, лишь бы имелись данные о наличии у человека золота. Поборы
распространялись и на служителей культа.

Рымашевский Вячеслав Брониславович, 1911 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Мосевичи.

«В Бобовне костел был. Ксендз там был, дом стоял там свой – там
в Бобовне. За золото забрали, в Мосевичи привели. Сами верхами, а ег
пешком. В «кордон» загнали. Я как раз на улице был, поздоровался с
мной ксендз. Питкевич его фамилия. Военные на конях, верхами вдвух
а он шел пешком. Тогда после отца взяли ксендза. Многих брали, погра
ничники там жили рядом с нами, тогда же рядом «кордон» был. Брали

людей, которые поотдавали, которые, может, и не отдали, кто их знает. Но у нас золота не было».

Секретно-оперативные части имели свой штат агентов. Шли эти люди на контакт по различным причинам: из патриотических побуждений, из страха, выгоды, а партийный, комсомольский и советский актив и безо всякой вербовки предоставлял всю необходимую информацию.

Баран Александр Андреевич, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Лешнянский с/с, дер. Мацкевичи.

«За золото тоже брали. Были ж, если выразиться, собаки, предатели, комсомольцы, выслуживались перед НКВД, перед правительством. И сообщали в Филлиповичи пограничникам, у кого золото есть. Приезжают и забирают хозяина, там держат его, там допыт делают, каб отдал золото. Сразу никто не отдает. Каб отдал – то и не. Вымучают. Не кормят дня два-три, а далей як дадут селедки, соленого чего-нибудь. Поест человек, а воды не дают. «Скажи, где золото, дадим воды!» И человек доходит до того, что вымушен сказать. Вот моего деда, верное, моей бабушки да брата. Уже дед был, Лопотко Николай. Он жил своим трудом, был трудолюбивый. У него и конь хороший был, и родило, бо он трудолюбивый был. Он был скупой такой, что лишнего не раскидает. Вот он насобирал золота. То продал уже там коня, корову, свинью, а давно за это же платили золотом. Но а люди хитрые, понимают, что бумажные деньги они могут и туда, и туда, а эти уже деньги не пропадут. Вот и копил. А после вынюхали эти предатели, эти комсомольцы, знали, как же не знали в деревне, если, примерно, Александр сегодня продал жеребину. Взял сто рублей золота. Вообще, я говорю, к примеру. А там продал кабана за золото, а тое, тое, тое. Это ж все фиксировалось, у кого это есть, и все сообщалось. Его забрали. Он его сховал, где во дворе колодка для суковатых дров, с груши которая, долготрывалая. Так он прокрутил сверлом дырку в колоде и в эту дырочку попхал золото, и сверху колочком забил. Она и валялась на дворе. А было у него много золота, сказать точно не могу, но много было. Потом его прижали, дак признался. Сказал где, привели его, показал: «Тутака». Раскололи – и верно. Рассказал кое-кому родственникам, но всем же не скажешь. Бо за это ж будут

наказывать, что ты болтаешь. Я не знаю, ти его били, ти не били. Я еще был недорослый, был дитя, можно сказать. Мне чижика гонять забота была, а не такими делами заниматься».

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«У нас был начальник заставы. Приезжал завседы по золото. Было ему удачное то, что кто подскажет, тому верили. Понарин, начальник заставы, русский. Толстый, его на коня подсаживали, ногу подставляли. Стало быть, у нас был Язвинский Валентин, он уже помер. Но тот факт, что он вельми сгубитель великий. Людей за золото, которые попадали, – это все от этого Язвинского. Стало быть что – Помарин приезжает раз к нам. Я стою. «Пацан, где живет Язвинский Валентин?» С солдатом вдвух, на конях были. Я говорю: «Ах, Язвинский, а вот тута». Показал. Стало быть что – они к нему: «Собирайся». – «Куда?» Он думал, что спасет свою голову, что людей выдавал. Однако собрался он, погнали его на заставу. Пригнали на заставу, продержали его день, другой. Признался он. Стало быть что: «У меня, – говорит, – есть золото, но оно закрыто». – «Поехали». Начальник этой самой заставы и часовой приезжают сюда к нему, а они за ним идут, за этим Язвинским. Зараз дошли до хлева, в хлеве у него золото лежало, и прибита там кусочком полена дырка там была. «А ты, Язвинский, говорил, что у тебя нет золота, давай-ка сюда». Забрали и поехали. Его отпустили. Он же и на моего отца написал, сгубил, подписал за то, что контрабандист. Вот этот был такой. Человек четырех за золото сдал».

Легкость, с которой проводилась операция, обусловливалась еще и тем, что если во время ареста кого бы то ни было по политическим мотивам необходимо было проводить сбор документально оформленных свидетельских показаний, на что агенты шли неохотно, то при «золотой лихорадке» достаточно было оперативнику шепнуть на ухо. Соответственно, круг желающих это сделать автоматически расширялся. Некоторые беднейшие крестьяне не считали зазорным донести на богача-соседа, при этом совершенно не неся ответственности за предоставляемую информацию. Частенько такие люди просто оговаривали тех, на кого имели «зуб».

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Римаши.

«Мы жили близко возле леса, так все видели. Тут темненько, а уже гонят их в «кордон», которые за золото. Люди, которые зло имеют, у кого и нема — покажут, что есть. Человека сразу забирают туды да мучают там. Так вот, мы часто бачыли праз окно даже, как их гоняли. В отдельном здании держали. Может, человек 15 взяли. Но их не только с нашей деревни, а со всех деревень брали. Спрашивали, есть ли золото, и больше ничего. Не били».

После начала операции по изъятию золота все ценности из сундуков крестьян перекочевали во всевозможные «сховища». Тайники устраивались в земле, чаще всего – в подсобных постройках, в садах под деревьями, под крыльцом. Иногда прямо в доме.

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Заики.

«Искали золото по доносу. У нас золота никогда не было, и никто никогда у нас не искал. Никто на нас не доносил, потому что у нас не было. У нашего дяди, брата отца, Юхневича, он уже получил землю с этого хутора, с Заики, у него было сколько-то золота. Он когда-то работал в Риге и, видимо, там заработал. Какие-то золотые вещи у него были. На него был донос, так его приходили и обыскивали. Это сейчас еще наша сестра двоюродная жива, она в Полоцке тут. Она рассказывала, как приходили золото искать. Не нашли. У него в бочке с мукой были какие-то золотые вещи, часы. Не нашли».

Савицкий Леопольд Иванович, 1918 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Шайтеровский с/с, дер. Жигути.

«Приезжали, много трясли в деревне за золото. Цветы вырывали из горшков, искали золото. Все на слуху. Говорили: «У того были, искали золото, все трясли». Даже забирали некоторых из-за золота. Там подержали дня три-четыре: признавайтесь, мол, где золото. Отдавайте золото. В Дрису забирали. Рассказывали, один такой был, фамилию его за-

был. «Ходаталь» его все называли. Он, вроде, ходатальствовал, людей, кто придут, он напишет так заявление. Это при царе и в начале советской власти. Его подозревали и говорили, что вроде у него было, вроде и находили чего-то там. Его там несколько раз забирали. Так подержат немножко и отпустят. Часть он сам отдал, потом у него нашли что-то, тоже, говорят, где-то в вазонах у него было. В трех-четырех человек искали золото – не больше».

Шергина (Карачун) Нина Антоновна, 1918 г. рожд.
Дзержинский (Койдановский) район, Озерский с/с, дер. Ореховка.
«Граница была в Койданове. Помню, что приехали еще при батьке. Приехали и кажут: «Отдай золото». Еще батьку не брали. Пришли нейкие из сельсовета. Я их не ведаю. А у нас всего того золота было десять рублей. У нас балка такая, хата в накладку была. Под балкой лежали. И батька вынял и отдал тыя гроши».

Некоторые прятали сбережения у родственников, друзей и даже малознакомых людей.

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.
Копыльский (Краснослободский) район, дер. Бучатино.
«Так вот еще в деревне жил кузнец, в Домениково, я только не знаю, як его фамилия была. Дак они переехали в Тимковичи, там тоже у них кузня была. Они оба – и отец кузнец, и сын. Дак забрали батьку, а сын ездил к нему на свидания. Это я уже добро помню. Дак батька кажа: «Отдай». А сын: «Дак шкада». У них и золото, и доллары были. Дале… сын взял это золото и доллары. А кузнец, он ездил в смолярню по угли… Дак ён эти мешки, а Тимковичи ж далеко, а в Деречино он заедет к знакомому человеку. Бывает, кажет: «Хай мои мешки полежат, я схат… буду – заеду». Там взял эти мешки и поехал. Приехал в Деречино. Это и… кажа: «Знаешь что, я сегодня не поеду, вернуся, а хай мои мешки поле… жат у тебя. Некоторого дня приеду, может, через день, может, через два». И этот человек кажет: «Хай лежат». В сенях под лавку пихнул – и все. Лежат и с золотом, и с долларами. Ох, и посмеялися. Батьку уже так припекли добро: «Дак едемо – отдам». Приехали. Ну что ж. Нема ж… дома. «Поехали со мной». – «А где ж ты дел?» – «В Деречине». Дво… …осных сели с ними и поехали. Приехали в Деречино. Зашли, с хозяином поздоровалися. Кажет: «Где ж мои мешки?» — «Где положил, там и возьми». Он эти мешки повытягивал, повытягивал. Один мешок вытряс из мешка, дак кажет: «Забирайте». Эти як взяли, дак той человек кажа: «А лихо твоей матери, чего ж ты мне не сказал? Я бы хоть трохи взял». Забрали и поехали. Ну и все. Батьку – домой. Этакий случай был».

Крестьян, желавших добровольно расстаться со своими накоплениями, было не так уж много, поэтому для успешного ведения операции применялись незаконные методы воздействия. Упрямых оставляли в КПЗ при комендатурах или отправляли в мини-тюрьмы при погранотрядах. Именно здесь производилось дознание. Здесь задержанные содержались от нескольких дней до месяца. Допросы были недолгими. Крестьяне сутками сидели в камерах, стараясь высидеть освобождение. Но из застенков погранподразделений Управления пограничной охраны было трудно выйти.

Понаморенко Елизавета Моисеевна, 1920 г. рожд.
Солигорский (Старобинский) район, дер. Краснодворцы.
«Многих брали за золото. В дверь пальцы закладывали: что признавайся, что есть золото. Поотдавали все золото. То дядька мой Кузьма, бо батька ж уже высланный был. Так дядька поотдавал, у него было и батьково золото. Он оставил, чтоб дети, может случай, останутся, так детям отдать. Отдал на хранение. Потом уже, як стали прижимать, подавать, что у того и того есть: он богатый – значит, есть золото. И есть ли, нема – отдавай хоть что хочешь. И дядька отдал. Кузьма этый».

Чиж (Беньковская) Елена Карловна, 1914 г. рожд.
Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Душево.
«Это было в начале 30-х годов, осенью. У моего отца, ну, семья вместе была, тоже забрали 155 рублей золотом. Тогда, может, и подсказали. Корову продал, лошадь продал или зерно продал – наши доходы-то знают, а расходы-то не знают. И вот на нашу семью было подано 300 рублей. Забрали первого дядю, потому что он уже как грамотный вроде считался. Его забрали – сидел три недели. Он говорит: «Все равно мне, уже так оттуда не выйдешь». Он занес им, сдал 155 рублей. Они: мол,

нет – 300 рублей. Он три недели сидел. На голодном пайке. Было то, чт
летом дадут селедки, воды не дадут, специально. Держали на заставе
Дартях. Я даже ходила, только белье принимали. Ходила туда, носил
ему белье. Не подпускали, свиданий никаких, так строго было. Потом
через три недели, забрали отца, отец сидел неделю. А тогда еще мат
забрали. Дядя сидит, отец сидит, и мать забрали. И мать, и уже та
говорит: «Что хотите делайте, хотите убивайте, хотите что! Что было
мы все отдали. Все!» И тогда уже пустили их. Говорили только, чт
голодом морили. А было, люди говорили, что в двери пальцы заклады
вали и иголки под ногти засаживали. Потом один старик рассказывал
его первого взяли с Душево. Это он там жил в Новинах. Петрусеви
фамилия. Так говорил, что яму воды напустили осенью и его голог
туда бросили в воду, до шеи стоял в воде. Отбирали золото – и никаки
там расписок, какое там что. Было, знаете, так секретно. Это ж тоже н
было, чтобы так: отпустят, а чего сидел — ты не имеешь права сказат
Если скажешь – ты отвечать будешь. Сидят, сидят, а за что – это уже
знаете, догадываются. Если один посидел, он знает, за что соседа поса
дили. Это все секретно было. Тот пришел, который в воде стоял, вернул
ся. Даже одного мертвого, он умершим был, а ему прислали эту пове
стку, чтоб явился уже золото сдать. А его уже нету. Почему-то его
учета не сняли. Это тогда редко кого не брали. Помню еще, я неболь
шая была. Так бывало, если покупают, что продают, так не хотели брат
золотом. Зачем оно – бумажка лучше, легче. Вы знаете, тогда совет
ский рубль был дороже, очень дорогой был. Это теперь уже дошло, чт
ничего не стоит наш рубль, а тогда дорого».

Изотова (Гордей) Юлия Ивановна, 1916 г. рожд.

Копыльский (Краснослободский) район, Краснодубровский (Мок ранский) с/с, дер. Задворье.

«И вот из-за этого золота, поверьте, отца продержали. Они уже знали
что он умрет, уже все золото отдали, какое было. Золото ведь счита
лось, как обыкновенные деньги, это уже не при царе, это уже при наших
властях было такое. Вот, и забрали это золото все, потом забрали отц
за это золото. Ой, держали до той степени, что он уже не может прийти
уже сказали: придите, заберите. Он сидел в тюрьме, в Тимковичах. При
вели его, как мертвого. Говорит: «Дадут картошку и селедку такую вкус

ную, кушай сколько хочешь. А потом, – говорит, – поставят графин с водой издали и не дают пить».

Солодухо Иван Андреевич, 1911 г. рожд.

Слуцкий (Греский) район, дер. Загорище.

«Вот у нас в деревне Сунай, Комсомольского сельсовета, даже мои родственники, батьковы двоюродные братья. Значит, за золото взяли, но в 32–33-м годах. Давидовский Федор и Давидовский Левон. Брали тут, подержат до тех пор, пока не начнет подыхать. Их увозили, вот тут, в Тимковичах, было некое такое – погранотряд. И вот пришли эти ж мои дядьки. Может, это до 30-х годов. Так один, понимаете, из-за этого и помер. Старший, Левон был. Его так довели. А Федор, дак я уже помню, выходит из хаты, вот напротив моей хаты. Ходит, берется за призбу, тут вот выше насыпано, и выходит на улицу, за плот держится, не мог ходить. До того замучили. И вот понимаете, это все мне известно. А Левон этот пожил, может, с годов пяток, а Федор больше жил, молодой был. Батька мой был с 88-го, а этот Левон был старше за батьку, а этый был на 12 год молодший. Это за золото их взяли. А у них золота нету. А их мучают. Но их спасла, это уже после мне рассказывали, сестра была замужем. И когда она шла замуж в Шведы, дак их бабушка, ти мати их давала туды в пасаг вроде золото. Что вот она там несколько отдала. Я не ведаю, сколько дала, и эти – они отдали. А то они замучались бы. Долго держали, там по два месяца, по полгода».

Кудинович (Якубович) Анна Петровна, 1918 г. рожд.

Житковичский (Туровский) район, дер. Бечанская Буда.

«Брук Александр Маркович был главным врачом Житковичского погранотряда. Когда мы жили в санчасти, не было квартиры там сначала в городке, даже он жил в санчасти. Я была служанкой у его двоих детей. И вот стояли часовые, и иногда через окошко я с часовыми разговаривала. Подъехала как-то повозка с соломой, а я смотрю. И с этой повозки достали старика, это в санчасть привозили его чего-то. Старик этот ходить не мог. Когда этот часовой его взял, вот так – вот тут и тут под мышками. Мне почему-то показалось, что у него эти кости чуть ли не соединились, так он был истощен. И потом все же я спросила у этого часового: «За что, что он такое? Какой он такой преступник?» А он гово-

рит: «Золото у него было, а он говорит, что нету. Так вот его так мучили за это золото». Был такой случай».

Если попадался упрямец, который ни в какую не желал расставаться со своими сбережениями, то его переводили в одну из тюрем окружных представительств ОГПУ в Беларуси, располагавшихся неподалеку от приграничья (Минск, Верхнедвинск (Дриса), Полоцк, Лепель, Слуцк, Мозырь). Здесь штатные сотрудники политического управления в рамках закона, но с определенной долей пристрастия пытались добиться своего. При этом следствие могло длиться до трех месяцев.

Рожков Федор Васильевич, 1908 г. рожд.
Солигорский (Старобинский) район, дер. Чижевичи.
«Где-то в 30-х годах в Старобине был «кордон», граница была недалеко, и, значит, погранотряд стоял там. Брали всех подозреваемых, кто имеет золото. И проходная там, такая будка, и стояла охрана. Этих людей держали. Погранотряд этот этим делом занимался. Брали всех по доказательству, кто должен иметь золото. Были такие, которые говорят: «Раз такое дело – на тебе это золото». Но были и такие, как я знаю, сам видел, своими глазами. Едет пограничник, едет на лошади, а мужик с Томиловой Горы идет пеше. Завел, показал золото. Лежало, значит, где-то там, в гумне было закопано или прикопано. Особист определил, что это не все деньги. Часть отнята, а часть не отдает. Забрал его, раз такое дело, забрал обратно. А там на измор брали. Селедки дадут, а воды не дадут. Вот и все. А были такие, як Кривоболоцкий Нестер: его забрали, потом жену. У этого золото было. Но не отдавал. Отправили в Слуцкую тюрьму, уже на телеге повезли, уже идти не мог, уже истощился ото всего. Вот что было. И не знаю, чем кончилось это дело. Фамилию его точно не могу припомнить. Он с Чижевич. Урочище такое вот – Томилова Гора».

Протасеня Адам Федорович, 1909 г. рожд.
Солигорский (Старобинский) район, Погоснянский с/с, дер. Тесово.
«Протасеня Федор Алексеевич, отец, за золото сидел, в летнее время, в 32-м. А взяли – был спекулянт один, у него было золото. Взяли его: «Кому ты давал золото?» Вот он и говорит: тому-то. Он сам тесовец был, безногий, он хороший был человек. Но жить надо, и он себе корову

купил, продал. Его тоже арестовали, так и продал. Моего отца взяли. Он кажет, что такому-то давал золото. Пришли они: «Федор, давай золото». Кажет: «Нема». Они его вывезли в Слуцк. В летнее время вызывает: давай золото. «Нема, нема». Напарят – жара. В тюрьме нет воздуха. Он говорит: «К чертовой матери это золото». Согласился, отдал. Сказал: столько. Откопал, думал: меньше отдать, а больше оставлю. Но перепутал и откопал, где больше. «А ты сказал столько, давай отдавай». Пришлось отдать... Марейко Дмитрий – это безногий. Он там и пропал. Забрали за золото несколько человек».

Но до тюрьмы пограничники дело старались не доводить. Пытались решить все на месте, при этом не гнушались откровенными провокациями.

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.
Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы.
«Мой батька сидел. Он продал – дом строили мы – продал корову. А раньше было, как революция, як теперь деньги, каждый боится – что толку, что они деньги. Сегодня деньги, а завтра их не будет – бумажки. Таксама и он, сорок пять рублей за корову взял. Так он их и отдал, понимаете, когда строили дом, он и отдал. Он если бы хотел дать – у него не было. А люди доказывали. Он сидел. Рассказывал: одна бабка пришла, взяли золото у нее. Потом приносят: «На, бабка, зря ты отдала, тебе мало, и все». Положила к этим же самым деньгам эту пятерочку. Потом приходят через некоторое время. Пришли: «Бабка, нам потребовалась та пятерочка». Она полезла доставать, а они забрали это остальное, все золото».

Безграмотные состоятельные старики, привыкшие повиноваться любой власти, безропотно сдавали все свои деньги. А ведь именно они обладали наибольшими запасами золота. Тяжелее пограничникам приходилось с молодежью, женщинами, небогатыми или хоть немного образованными людьми.

Рымашевский Вячеслав Брониславович, 1911 г. рожд.
Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Мосевичи.
«Граница была рядом с Кулем. Куль и Мосевичская земля – вот и

граница была. Застава у нас возле леса была. Большой «кордон» был
Забирали людей за золото, тягали, все забирали. Забрали отца нашего
посадили в «кордоне». Значит, спрашивали за золото. А мать наша был
хромая, у нее болела нога. Запрягла лошадь, посадила детей – нас все
семеро было, я самый старший – и завезла: «Вот наше золото, – кажет,
дети эти». Тогда вскорости отца и отпустили. С неделю его не было
Отец додому уже пришел. Вот, пытали, где золото, тягали, били даже з
это. Думали, каб сломался».

Горбенко Мария Васильевна, 1906 г. рожд.

Копыльский район, дер. Комсомольская (Пуково).

«В Грозове отец сидел, а я к нему ходила. Там шесть километров о
Пукова. Там подвал был под каким-то зданием, они их там держали. И
за что – за пять рублей золотом. Может, он сам проговорился. Батьк
такой был, что может хвастаться везде. И за эти пять рублей сидел
Эти деньги были закопаны в такую коробочку. Закопали там, где кар
тошку садим. И мать уже шукала, шукала – не нашла. А потом нашли
уже я приехала с Ленинграда, и она мне отдала эту пятерочку. Батьк
сидел, может, где-то в 32-м яком году. Тогда ничего не спрашивали
«Золото есть?» – «Нема». – «Давай». А другой, может, скажет: «А у
него есть». А другой, может, испугается и отдаст. Того не берут. Во
так было. Там и милиция, и пограничники. Так там не поймешь, кто
брал. Несколько дней его держали и отпустили. Выяснили, что всего
пять рублей. Поверили, что нема. «Да, были пять рублей. Нема их уже
мы их истратили». Сидел в каком-то подвале под большим домом. И
окошечки, через окошечки переговаривались. Шесть километров, так
близко, я, як пойду на базар, так и к батьку забегу. Носили к нему. Его-т
не били. Садили многих за золото».

Русак Иван Михайлович, 1916 г. рожд.

Дзержинский район, Путчинский с/с, хутор Горуны.

«Со школы иду в Вертниках – мы идем по улице, мальчуганы. Сей
час пограничники возле дома какие-то стоят, а бабка только была
сарае. Шла и – мы видим – хвать в дверь и закрылась. Они стучат
ничего, не открывала. Мы постояли и потом приходим домой. Расска
зываем, что вот такую-то приехали за золото брать. Потому что вс

уже знали, что это за золото берут. А потом узнали – она не пустила, и больше к ней не поехали».

Рожков Федор Васильевич, 1908 г. рожд.

Солигорский (Старобинский) район, дер. Чижевичи.

«Моего брата среднего выслали. Которого выслали, тоже забрали, били, но он сказал, что золото было, но оно отдано Погоскому. Погоский был представитель, волночесная машина у него была. А он хотел вторую покупать. Рассказал, каким путем отдал золото. Того забрали. Брата допросили, пустили: «Ничего с тебя не возьмешь». Забирали в Старобин их, уже допросили. Было оно вот там и там. Значит: вали домой, к черту тебя».

Понаморенко Елизавета Моисеевна, 1920 г. рожд.

Солигорский (Старобинский) район, дер. Краснодворцы.

«Мой батька дал сестре, что, мол, дочки тут оставшиеся годовать. Так кажет: «На, сестра». Он побоялся, мать все казала: «Бери на север, – кажет, – нас повезут, так давай в сало позатыкаем». Побоялся. Их предупредили, что кто будет брать золото ти деньги, ти серебро, будет плохо. Так он повыкидывал все. Резал кусками сало и выкидывал, мама моя рассказывала: «Не чапай, – кажет, – никто не найдет». – «Не хочу, не хочу, хватит, – говорит, – что нас тут уже мучали. А там меня в тюрьму запрут за это золото. Не хочу». Повыкидывал. И тетку даже штурмовали. Говорят: «Тебе брат оставил золото». Дак она кажет: «Где оставил?» Теткиного мужика родственник – он был в начальстве, во власти был, представитель сельского совета. Пистолет наставят, как сейчас помню: «Будешь там, где твой брат». Так она ему: «Во мой брат, во табе». И фигу показывала. Честное слово, я теперь помню, як она ему кажет: «Жди, покуль ты меня выселишь – никогда не выселишь». – «Я за золото выселю». – «Шукай. Найдешь – твое золото». Той уже ходил, да не один. Еще якій-то еврей, як его звали, Тесень. Лен был, терла она, дак полезли на гору, поснимали, поскидали все, искали золото. Забрали и лен той, все позабирали. Нарихтовку накладывали такую большую, так она кажет: «Где что я возьму? У меня, бачишь, дети голые-босые». Все равно тягали, и даже свинью забрали раз с хлева у тетки. Все – давай выконывай. Ее за золото не садили, детей же много. И

хозяин больной, и еще чужих двое. Дак пятеро было детей, а она одн работала. И она им давала прикурить: ой-ой. Як придут это начальств Але они не слухали ее».

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.
Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы

«Приехали из комендатуры – давай золото. На отца. Так арестовали Мы дети еще были. Повели, долго сидел. Уже видят, что ничего н выкачали с него, так он уже по работе ходил. Пускали, знали, что н побежит. В комендатуре лошади были, заготовляли сено. И это – косил сушил, работал уже. Видят, что ничего нету, но держать – держали. Ещ один за золото сидел с деревни. Не ходили, далековато было, километ ров пять комендатура, чтобы сходить каждый день. Там подвал был такой. Бывало, сразу строго, передавали в окошко. Не пускали, пока мест удостоверились, что у него нету ничего. Там военный приходил забирал, уносил передачу и приносил, что у него там было. Он сидел примерно шесть месяцев».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.
Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Любого брали. Вот сказали бы, что у вас есть — все, придут, заби рают и издеваются. Один Вихров был в Калачах. Он с Америки приве это золото. Был на угольных копях в Америке, работал, заработал. По тора года сидел и не отдал. В Заславле сидел и в Минске, издевалис над ним. В собачьей будке держали с собаками, с ищейками. Это о сам рассказывал. Михайло такой. И не отдал. Говорит: «Здесь, умру, н не отдам». Говорит: «Я заработал, а вы меня ограбите. Сволота, граби тели!» И ничего. Я его, Михайлу этого, встречал еще в 50-м году. О жил в Башкирии, приезжал сюда. И вот здесь его, в Логойске, встретил Приехал я тоже сюда в Беларусь, в отпуск. И жил на квартире у это Михайлы. Сидели, он сам это рассказывал, я сам слышал. Вот мужи так мужик был! Он со староверцев был вообще. Вихров».

Надо признать, что после того, как хозяин добровольно или по при нуждению сдавал накопленные ценности, он тут же отпускался домой

больше не преследовался государством. Золотые изделия и прочий драгметалл должны были приниматься по описи и прилагаться к собственноручно написанному заявлению сдатчика о добровольном пожертвовании данных вещей в пользу существовавшего тогда «Фонда индустриализации Советской республики».

Во время этих процессуальных действий контроля, особенно над командованием пограничной охраны, не велось, что приводило к утаиванию конфискованных ценностей. Такие случаи были повсеместны.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.
Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«За золото начали брать в первой пятилетке. Пятилетка началась в 29-м году. Вот и экспроприация золота была в 29-м, 30-м, 31-м, 32-м – до 33-го года. А потом они, чекисты, присвоили это золото, их пересадили всех, эту сволоту. Гриневич – начальник 15-го погранотряда – сидел на МВС на канале в центральном районе, станция Яхрома. Я его видел сто раз. Только виделись, а с другими его работниками я беседовал. Знал я его раньше, и работников его знал. Им доносили, этим органам ГПУ. Золотом занимались только пограничники и районное ГПУ – два уполномоченных. Они тоже занимались этим делом, причем они не давали никаких квитанций, ничего – забивает он целый карман и не показывает. Они его половину присвоили, видно, так бы их не посадили! В 33-м году посадили, именно пограничников – тех, кто имел доступ к этому. Не все же имели доступ, были специальные люди, которые этим занимались. Начальники застав этим занимались, коменданты в комендатурах и прочие. Оперативные уполномоченные, видно, этим делом не занимались, которые следствие вели там и прочее. Это такая более административная работа. Вот давай – и все. Я уже тогда сам сидел, был в лагере и встретил Зеленина. Зеленин это рассказывал. Зеленин был начальником заставы в Трусовичах. И вот он мне все это рассказывал: «Мы пострадали, – говорит, – ни за что». Вот так, говорит: «По глупости». И начал рассказывать. Сам этот Зеленин в «зоне» работать не работал, чекисты эти, господи. Он на МВС был, канале Волга – Москва. Там был комсомольский участок на станции Влакинская – самый большой узел на строительство в центральном районе. И вот этот Зеленин

был на этом участке помощником начальника участка. А участок бы
очень большим, там видно тысяч 9 – 10 было заключенных. И был о
хороший человек. Я ему: «Ты брал это говно?» – «Да на черта оно мн
нужно? Не брал. Если бы я его и брал, что бы я с ним делал? Где б я ег
дел? Торгсины закрыли». Понимаете, в торгсинах золото не брали. Ког
да они национализацию проводили, они золото не брали. «Куда б я ег
дел? А так оно как мертвый капитал».

Что касается количества изъятого золота, обратимся к воспомина
ниям крестьян, живших в приграничной полосе одного только 17-го Тим
ковичского отряда. Эта пограничная часть (начальник – Ян Янович Бущ
ман, латышский стрелок, сотрудник ВЧК, боевые заслуги были отмече
ны знаком «Почетный чекист»; коменданты комендатур – Степан Ани
симович Банных, в последующем генерал пограничных войск, Пав
Иванович Босый, в последующем генерал-майор, Иван Зорин, секре
тарь партячейки, уполномоченный правофланговой комендатуры Кузь
ма Рабец; командиры застав – Д. К. Малянов, осенью 1933 г. награжде
коллегией ОГПУ именным оружием, Андрей Зевякин, Степан Капусти
и другие) считалась лучшей в округе. ЦИК СССР, отмечая погранпод
разделения по охране границ, наградил это соединение орденом Красно
го Знамени. Не последнюю роль в получении награды сыграло и успеш
ное выполнение операции по изъятию золота. Отряд отвечал за охран
границ вдоль Копыльского, Краснослободского и Старобинского райо
нов. Работа пограничников была четко отлажена. Охватывались полно
стью Копыльский, Краснослободский, Старобинский и частично Узден
ский, Греский районы – до 1500 населенных пунктов.

По оперативным мероприятиям этой части можно судить о работ
остальных подобных структур и о приблизительном количестве изъя
тых ценностей. Через каждую заставу и комендатуру в течение 1931–32 г
проходило приблизительно от 10 до 20 человек, это не учитывая добро
вольно сдавших драгметаллы – от 5 до 10 крестьян. К этому числу над
добавить особо «упрямых» (по 2–3 человека на погранотделение), от
правлявшихся на обработку в Тимковичскую и Слуцкую тюрьмы. При
плюсуем также более полутысячи человек, добровольно сдававших зо
лото, и «отказников», отправленных из глубинных районов пограничной
полосы прямо в вышеназванные тюрьмы. Учитывая, что каждый из ни

сдавал от 5 до 300 рублей золотом, средняя сумма составляет примерно 100 рублей на человека. Таким образом, в течение двух лет на заставах и в комендатурах отряда было подвергнуто допросам на изъятие золота до 450 человек, к этому числу надо добавить около 400 крестьян, добровольно сдавших свои сбережения. Через тюрьмы прошли до 100 «упрямцев» и около 400 – 450 крестьян из внутренних приграничных районов. Таким образом, приблизительно Тимковичским отрядом было изъято валюты и драгоценных металлов у более чем 1400 человек на сумму в среднем 140 тыс. рублей золотом.

Карпович Анатолий Владимирович, 1910 г. рожд.
Солигорский район, г. п. Старобин.
Член КПСС с 1939 г.

«Потом брали русских и евреев, чтобы отдали золото. Это длилось несколько дней. Их брали, сажали и говорили: «Приносите золото, тогда выпустим». Этим занималась комендатура. После этого комендатура мобилизует нас – комсомольцев – везти это золото. Подвод пять было того золота. В мешках оно было: деньги, чистое золото. Столько золота я бы не поверил! Я сам ехал на этой подводе, и в мешках было золото. А золото мы везли в Тимковичи, в комендатуру».

УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа состояла из семи отрядов, следовательно, общая сумма изъятых золотовалютных ценностей приближалась к миллиону рублей. Конечно, это заниженная цифра, к тому же она охватывает только двухгодичный (1931 и 1932 гг.) период проведения операции. Учитывая, что конфискация начала производиться с 1928 г., сумму смело можно увеличивать на треть, а это 1,5 млн. рублей, или 1160 кг чистого золота.

ГЛАВА 5

Польский Корпус охраны пограничной

В Польше за обеспечение безопасности на границе отвечал Корпус охраны пограничной. Структурно он состоял из пограничных батальонов, в которые входило по нескольку рот. Роты, в свою очередь, были разбиты на взводы-стражницы. Последние выполняли роль застав на границе.

Пограничная рота, в зависимости от условий местности, состояла из трех-четырех стражниц по 15–20 военнослужащих в каждой. Взводными назначались не кадровые офицеры, как в погранохране Советского Союза, а младший командный состав, набранный из призывников срочной службы, прошедших специальную подготовку. Строевые офицеры входили только в штаб роты, который размещался, как правило, на расстоянии нескольких километров от линии границы. В обязанности командира роты и двух офицеров входила организация охраны границы, материальное обеспечение личного состава и контроль за боевой подготовкой подчиненных.

Назначение в наряд производил непосредственно командир роты. Ежедневно в назначенный час он условным кодом передавал по телефону на каждую из стражниц расписание пограничных нарядов на сутки, определял их место и время. Это было равносильно приказу, поэтому никто не имел права делать перестановку или замену нарядов без разрешения командира роты. Офицеры снимали частные квартиры в деревнях неподалеку от границы, сами тяготились службой, поэтому в подчиненных им подразделениях появлялись нечасто. Визит офицера ограничивался несколькими часами пребывания на стражнице.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«В Колосове считалась уже ихняя рота, на станции. А батальон был в Столбцах уже ихний. Из Колосова приезжал капитан. Проеде по границе, проверял так. На лошадях, повозку запрягут – и везет его кучер, а он

едет. Что мне в память вдалося. Уже когда он подъезжает к казарме, так этот самый сержант бежит и командует на улице. Мене это интересовало, как его встречают».

По личному составу польские взводы соответствовали советским заставам и почти всегда размещались точно напротив них. В редких случаях против одного участка заставы располагались две стражницы. Все зависело от характера местности, от размещения ближайших населенных пунктов. При отсутствии таковых на участке располагалась одна стражница, в густонаселенных местах – по две, на противоположных окраинах деревни. Вооружение взводов было слабое: винтовки, патроны, гранаты. Полностью отсутствовало автоматическое оружие и сигнальные средства. Зато существовала хорошо отлаженная телефонная связь между стражницами и штабом роты. В начале 30-х в помещениях стражниц отсутствовал малейший намек на комфорт. Все хозяйственные работы велись непосредственно на месте: заготовка дров, воды, стирка белья, приготовление пищи. Поначалу тяговая сила во взводах не предусматривалась, поэтому в определенное время каждый день двое пограничников направлялись в роту для получения продуктов. Обратно солдаты тащили мешки на себе. Постепенно была организована доставка пищи гужевым способом. Пограничники, непосредственно проходившие службу на границе, обеспечивались усиленным питанием и специальным денежным довольствием. Еда была высококалорийной и разнообразной и в корне отличалась от скудного советского пайка.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Они у нас покупали яички и молоко. Больше им ничего не надо было. Они продавали свою гречневую крупу, нам носили. «Бери, дай только десяток яиц». Их, пограничников, кормили, ой, хорошо. Они же по сравнению, потом я узнал, с батальоном получали двойной паек и оклады. Там у них какая-то была солдатская плата. Получали – это я знаю. Была кухня, все готовили на месте. Хлеб им только доставляли на лошади из Колосово. А тут была своя кухня. Они школу нашу кормили. Там у нас была начальная школа, и эти самые пограничники давали обед

из своих остатков школьникам. Некоторые соседи ихними остатками свиней кормили, а потом, в 38-м годе, они уже организовали детей кормить. До этого не кормили. Какой-то хороший капитан дал такое указание – остатки отдавать школе. И в обед школьников кормили».

Роль начальника стражницы была номинальной. Он отвечал только за хозяйственные работы и обучение солдат. Ни о каком рациональном распределении нарядов не могло быть и речи. Все назначения исходили непосредственно от командира роты. Особого рвения со стороны взводного никогда не замечалось. Обмундирование солдат было неважным. Уволенные в запас сдавали казенную амуницию и возвращались домой в одежде, в которой призывались. Теплое обмундирование для постовых полностью отсутствовало. Даже в крепкий мороз пограничники вынуждены были выходить на охрану границы в ботинках, фуражках и шинелях. Днем в зимнее время наблюдение за границей практически отсутствовало – ограничивалось обзором со сторожевой вышки, устроенной на крыше стражницы. Основным временем охраны границы считалось ночное. Но к служебным обязанностям солдаты относились до того безразлично, что нередки были случаи, когда с наступлением темноты пограничный наряд в полном составе шел в крестьянскую избу и сидел там до прихода новой смены, которая повторяла то же самое.

Демидович (Дорц) Ольга Николаевна, 1913 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«Видела пограничников каждый Божий день. Была стражница. У которых были деньги, купляли тутака, даже на вечеринку приходили».

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Поляки я не скажу – они патриоты были. Не то что они не любили – служили как надо. Но у них не было такого спросу жесткого. На той стороне, на советской, собаки были пограничные, а у поляков не было собак».

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Рядом была стражница. Там было 20 их, пограничников. Они стояли через километров 6, и обратно казарма. По границе скрозь стояли. Вот их там было 20 человек. Командовал ими сержант. Они за эту границу и не думали, они чихали на эту границу. Я спал в сарае в летнее время на сене. Семья большая, заберемся на сено и спим. Приходят, а они меня уже знали: «Янек, – кажа, – мы переспим тут». «Ложися». В сено винтовки запхают. Спят. Эти два часа пролежали – и обратно (метров 70 было от казармы до батьковой хаты). Пошли. Сменилися. Вторые пошли. Вторые уже не ко мне, а еще к которому. Никаких секретов у них не было. При казарме была вышка наблюдательная – и все. На вечеринки приходили прямо с постов. Пограничники карабины дадут такому, как я, знакомому. Я положу и хозяину скажу, что вот спрячь. И сами танцуют. Натанцуются – за карабины и пошли. Тут же, на хуторах, вечеринка. Только не разрешали при самой границе рабить вечера, чтобы ночью не шумели. А эти на заставе, которые свободны, так вместе с сержантом приходят. Но они уже приходят без карабина, без ничога. Спиртным не баловались. Только раз меня один попросил, чтоб принес с Засулья. У нас магазин в Засулье был. И то сто грамм. Стограммовки были, «жулики» звалися. Брось что-нибудь во дворе – никогда не возьмут. Ни в огород, никуда не лазили. Дивилися: у нас поле было кругом казармы, так плуг где-нибудь на поле оставишь, забыл. Приходят: «Убери, у тебя то-то на поле». Это сами увидят. Не воровали».

В Корпус охраны пограничной призывались в основном новобранцы польской национальности из центральных районов страны. В войска старались набирать более-менее разбирающихся в политике и образованных солдат. Поэтому пограничники были хорошо осведомлены о том, что делается в Советском Союзе, и не скрывали этого.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Говорили: «Нехай иде, попробует этого хлеба». Они знали, досконально знали, что там делается за границей. «Хай попробуют этого хлеба». Вот мы и попробовали, когда пошли. Это они про Россию говорили».

Зная, что творится по ту сторону границы, пограничники позволяли себе подшучивать над советской действительностью, выбирая для этого своеобразные формы.

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Хочу сказать, что в Масевичах была застава, и вот там речка идет, и тут пасут за речкой польские коровы. А на этот бок наши пасут в Масевичах. И одна корова перелстела на тую сторону, с наших. Что рабить? Одна корова на тую сторону, за речкой. Долго не ожидаючи, взяли польские пограничники паркалю кусок, материал такой. Обшили паркалем белым и написали: «Без книжки, без паю принесло вам паркалю». Это у нас было. Книжка потребна была. Тады я могу положить гроши, и мне дадут за них паркалю. Купить-то невозможно, только так – положи, книжка паевая. На эту книжку отметили, положили пай, и мне павинны дать паркалю по возможности. Шутили так поляки».

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Римаши.

«Каля границы лес сеяли. Его слали каля границы. Помню, поляки кричали, что «вы с одного корыта едите при колхозу».

Недобросовестному отношению к службе во многом способствовало ежегодное обновление состава взводов, которые комплектовались призывниками, прошедшими начальную подготовку при батальонах. Временщики-одногодки не проявляли особого рвения в выполнении служебных обязанностей. К тому же одного года было явно недостаточно для освоения в полной мере навыков пограничной охраны.

Как и в пограничной охране Советского Союза, белорусы и при Польше непосредственно на границе не служили. Их оставляли в резервных подразделениях батальона. Ранее нередки были случаи дезертирства из стражниц, поэтому к службе непосредственно на границе допускались только проверенные на благонадежность солдаты и младшие командиры польской национальности. Но даже им во время увольнений запрещалось входить в контакт с местными жителями.

Командование Корпуса охраны пограничной было уполномочено привлекать в помощь некоторые силы населения, в частности, крупных землевладельцев, представителей частного бизнеса и сельскую интеллигенцию. Костяком же являлись так называемые осадники – бывшие военнослужащие (солдаты, подофицеры и в редких случаях офицеры), участвовавшие и отличившиеся в боях с Красной Армией во время советско-польской войны. Им были предоставлены в приграничье земельные участки по 10–15 гектаров. На первое время для обустройства на новых местах осадники освобождались от налога на землю, им предоставлялись кредиты для приобретения сельхозмашин и скота, выдавались строительные материалы, зерновые. На наделах отстраивались небольшие имения – фольварки. Таким образом польское правительство создавало на границе надежные заслоны из преданных режиму людей.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Осадники были. Под Рубежевичи были села невеличкие. По домов 10–15. Это когда-то была першая бригада Юзефа Пилсудского, польские повстанцы. И вот тут им дали землю при границе. Около нас в Засулье ни одного осадника не было. Только под Рубежевичи, в эту сторону. Кто кого замечал постороннего, то мы должны были сообщить. Уже там похвалят, похлопают по плечу, что вот, молодец. Мы этим не занимались».

Осадникам определяли участок для наблюдений в районе их наделов. При этом каждому выдавалась винтовка, патроны, в редком случае гранаты. В группах такой неофициальной охраны назначался старший, который получал инструктаж непосредственно от командира роты. В обязанности начальника стражницы входило проведение с осадниками военных занятий, привлечение их к наблюдению за местностью, патрулированию дорог и населенных пунктов в ночное время. В случае задержания неизвестных предписывалось отводить их в стражницу. По распоряжению командира роты или начальника стражницы осадники должны были выходить по тревоге на поиск нарушителей. Этих людей отличала особая неприязнь к советскому режиму, которую они никогда не скрывали.

Радкевич Иван Антонович, 1911 г. рожд.

Столбцовский район, Хотовский с/с, дер. Загораны.

«Граница вот проходила. И они тут стояли, осадники. И виделись рассказывали, так вот колхозники на лугу жнут или косят сено, а отсюд закричат – они ходу, утекают. Этих боялися. Тут смело ходили… По мню, у нас в школе и повезли в Лукавец – там именно, в Лукавце, это н самой границе – школьников на экскурсию, так звали на «высенку», по польску. Что там нам было – по 9–10 лет, так там стояли, махали рука ми».

Экман Абрам Ицокович, 1916 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«Там, к границе, мельница была, и вот через речку – Польша. Мы д моста дойдем, а нас больше не пускали. Стояли этыя, поляки. Помню пас себе корову, и мы с ними встречались издалека. Нас же не пускали а они близко ходили, у столбов. Там столбы стояли. А мы на них прост так посмотрим, боялись говорить. А то, знаете, не пустят коров пасти Мы очень боялись, а они не боялись. Они, я помню, там кричали: «Эй большевики, у вас ни хлеба, ни муки!» Оттуда этыя, они же тоже па шут».

Но надо признать, что помощь осадников была больше иллюзорной чем действенной. На участке стражницы располагалось в лучшем слу час по нескольку фольварков. Осадники в своем большинстве были уже пожилыми людьми. По тревоге командир взвода мог рассчитывать до полнительно на помощь нескольких человек, командир роты – немногим более десятка. Выполняли «добровольческие» обязанности осадники бе особого рвения, не желая раздражать местное население, которое и та недоброжелательно относилось к ним. В некоторых случаях погранич ным нарядам приходилось по ночам даже охранять фольварки.

Служба в Корпусе охраны пограничной походила на службу в обык новенной польской армейской части. Правда, она отличалась привилеги рованностью и менее жесткой воинской дисциплиной – это касалось ка офицеров, так и солдат. Офицеров везде в приграничье встречали хле бом-солью, устраивали для них охоты. Жили те своей жизнью. Солдаты также не отставали от командиров.

При задержании перебежчиков с сопредельной стороны после беглого допроса в стражнице их отправляли в роту.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Один раз с русской стороны пришли Ловксты, из деревни Ливье. Это уже с русской стороны. Я пас коров, еще малы был, годов 12–13 было. Когда перешли – мы чуем: бах, бах… На границе два выстрела. Часовые, которые ходят, давали два выстрела, тут же на казарме поднимают тревогу. Вся казарма на плечи рюкзаки, карабины – и бегом. Одни в одну сторону, другие – в другую. По своему обходу. Это у них называлось «залоп» – граница на замке. Потом смотрим – гонят такого дядьку, годов, может, 45–50, и тетку. И пацана годов восемь, сынка-школьника. Пригнали. Около казармы посадили. Там была беседка такая. Посадили в беседку. Сколько-то их там допросили и потом где-то через час погнали их туда, в роту, в Колосово. Они всех туда сплавляли, в роту».

К перебежчикам пограничники относились снисходительно и с нескрываемым сочувствием.

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, дер. Веселое (Пузово).

«Сначала повел, у них по-иному. У нас это застава, а у них стражница. У них близко такой штаб. Меня сначала завели в маленький такой домик. Давай расспрашивать, женка этого начальника. Про то, кто я. Я им рассказываю (1930 г. – **Авт.**). Она мне сейчас есть дала. Вкусно, горячее. Я ем и рассказываю. Накормили, в общем, расспросили и отправили меня уже в штаб. Привели – сиди. Никого нема. А когда я перелазил, я был в туфлях. А туфли эти были желтые, американские, за 12 рублей. Когда студентом был – купил. Продавались американские туфли, якия хочешь. Когда я перелазил через это проволочное заграждение, зацепился и оторвал. Оторвалась подошва. Я хожу в них, и никто у мене ничего не спрашивает. Смотрю – тут и сапожник работает, значит, у них тут все так. Я подхожу, кажу: «Знаете, что: вот я перелазил, оторвал. Пускай мне этот сапожник починит». Взял, понес, ему отдал. Я

хожу по коридору. Сапожник зовет: «Зрабил, что подошва до конца твои дней не оторвется». Не прибил, а пришил. Не отмахнулся. Я уже надел. Потом уже хочу спать. Я сел да и заснул на дворе. Тепло было. Прихо- дит: вставай. Пошли, завели меня в Клецк, там где-то вроде солдатско- го клуба. Там они читают, занимаются. Туды к ним. У них там висит портрет Пилсудского. Кажу: «Пилсудский». – «Пан Пилсудский», – по- правляют. «А это кто?» Я кажу: «Это президент». – «Пан такой-то». Накормили солдатским, чем имели, сколько хочешь. У них какао было, потом хлеб хороший, вкусный. Такого я не ел давно. А потом уже на вечер завели меня в камеру. Она пустая, пустая. У них тоже сажают. Ничего нема – пустая. Потом приносят матрас. Я на этом матрасе про- спал уже. А назавтра, наутро на кухне сказали, чтобы я сходил поесть. Там поел. Потом вышел такой, который будет сопровождать. В Несвиж надо выехать. Так он кажет на меня: «Иди, зайдешь и там стой на доро- ге. Когда будет ехать автобус, ты его задержи». Это так ведут задер- жанного перебежчика! Может, я шпион! Это далеко от дороги. Я пошел один. Он мне сказал: «Я задержусь». Стою, стою, стою – никого нема. Потом едет автобус. Я кажу: обождите. Они обождали. Идет он. Сели в автобус и поехали в Несвиж. В автобусе там едут евреи. Мене посади- ли. Знали, что перебежчик. Спросили у него разрешения поговорить со мной. Разрешил. Оказывается – эти евреи из Тимкович. «Как там Шиф- рина?» Я уже учился вместе с Шифриной. И давай расспрашивать. Я им все рассказал. Я ж там это все знал. Евреи как раз оттудова. При- ехали в Несвиж. Автобус остановился. А с Несвижа он идет на Столб- цы. А в Столбцах у них была центральная контрразведка. Евреи эти повылазили. Приносят мне, брат, булок. Я их с детства не ел. И мне булки, значит, такие вот дали. За то, что говорил. Потом завезли в Столб- цы. В Столбцах в тюрьму посадили».

В приграничье, как и во всей Западной Беларуси, среди белорусского крестьянства проявлялись антипольские настроения. Жители деревень укрывали перебежчиков, показывали дорогу к границе и безопасные места перехода. Несмотря на это, польские власти не пытались нала- дить хоть какое-то подобие пограничного режима или разделить пригра- ничье на зоны. Отсутствовала законодательная база для судебного пре- следования за самовольный подход к нейтральной полосе, не выдава-

лись никакие разрешительные пропуска для сельхозработ у разграничи- тельных линий. Даже явно враждебные к польскому режиму лица не подвергались принудительному отселению из приграничной полосы.

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Осово.

«Был организатор этого перехода – Шурка его звали в деревне. Про- мышлял тем, что переводил через границу. Мы знали понаслышке, что он переводит на ту сторону. Однажды по дороге на Небышино он шел, и там его поймали поляки, на самой границе. Не перешел, но уже вот-вот. Задержали, трошки побили. Поляки не очень зверствовали. Нам говори- ли: «Шурку поймали около границы и помяли бока». Как-то еще раз его поймали. Это уже мне рассказывали: «Шуру поймали поляки и к телеге привязали к деревенской. Гнали коня, а Шурка бег бегом за колесами».

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Засулье.

«Можно было на границе пасвить. Вот была польская проволока про- тянута. А наши сенокосы были за проволокой, до речки. Если надо нако- сить, то идешь в казармы и говоришь: «Я иду косить за проволоку». Уже им говоришь. Потому что если за проволоку пошел сам, самовольно, то уже считалось нарушением. Могли оштрафовать, но не судили. Штраф наложат. Этот сержант выведет, поругает, да и все. Предупре- дит, чтобы больше не делал, и все… В последнее время, в 38-м – 39-м годах, свет ночью со стороны границы стали закрывать. А так можно было спокойно не закрывать. Никто свет не гасил под границей, а в пос- леднее время – да… Стали требовать, и уже вечеринки чтобы не мень- ше километра от границы… Бывало, поймают. Брали и отправляли в роту ихнюю. А там куда девали – не знаю. Были разговоры, что они попадали в жандармерию, и трохи им уже давали по шкуре. И обяза- тельно от границы отселяли. 70–80 километров – не разрешали тебе ближей к границе жить. Сажать – не сажали».

Новик Василий Иванович, 1918 г. рожд.
Клецкий район, дер. Кухтичи.

«Служил у помещика. Потом пошел польские сыры выраблять, гол-

ландские (1938 г. – **Авт.**). Это была Грицавицкая гмина, в Кунцевщин Там была близко русская граница. И пришли эти польские полициянт По-польски они ругались: «Чего ты сюда пришел? Через границу пер ходить!» Выгнали оттуль. Я пришел домой да пошел в город. Еврей был я работал у него. Рассказал, что я не буду у него. Пошел до солтыс (деревенский староста. – **Авт.**). Он был просты мужик. «Ты знаеш такого хлопца? Батьку знаешь?» – «Чаму ж, знаю». – «Дай бумажку, чт Ян никуды не замешан, ни в якой организации». Солтыс написал пар слов, что знал. Он таки писарь был, як я. За эту бумажку. Там зон пограничная. Дали, что я могу работать там. Это в Клецкой гмине дали

На всей протяженности границы с одной и с другой стороны по пред варительному соглашению между пограничными инстанциями обеи стран назначались пограничные комиссары. Основными функциями упол номоченных являлись предупреждение пограничных инцидентов или ск рейшее обоюдное урегулирование таковых на определенных участка общей государственной границы. Функции комиссаров с польской ст роны выполняли офицеры корпуса охраны.

С начала 20-х годов встречи уполномоченных комиссаров проходил у определенного ранее пограничного столба около одной из стражниц. С польской стороны участвовал офицер в звании не ниже капитана, с с ветской – не ниже коменданта одной из комендатур. Они же одновр менно являлись пограничными комиссарами. Кроме них на переговора присутствовали: с польской стороны – один-два капрала и несколько со дат, с советской – начальник заставы или его заместитель и нескольк пограничников.

Так, встречи уполномоченных пограничных комиссаров в полосе б тальона Корпуса охраны пограничной, расположенного в Столбцах, Тимковичского отряда довольно часто проходили на одной из застав деревни Кунцевщина, около пограничного столба № 748. Несколько л кряду с середины 20-х до начала 30-х годов на этом месте проходил урегулирование спорных вопросов.

Особенно тщательно готовилась ко встречам советская сторон Польские офицеры были всегда подтянутые, щеголяли в хороших му дирах и ездили на ухоженных рысаках. Этим похвастаться красным к мандирам было трудно. Поэтому уполномоченному комиссару для вы

суда специально выдавали новое седло, шинель и шлем с ярко-зеленой звездой. Одетый с иголочки, в начищенных сапогах со шпорами, через плечо ремень, на котором свисала портупея с маузером, он демонстрировал полякам, что у советских пограничников не существует каких-либо проблем со снабжением. Но на той стороне были хорошо осведомлены о том, что делалось за железным занавесом.

В процессе этих встреч урегулировались всевозможные спорные вопросы. До конца 20-х основным требованием всех комиссаров с советской стороны было пресечение польскими пограничниками действий их граждан по выпасу скота, рубке леса и сенокосу на сопредельной территории. Офицеры утвердительно качали головами и удалялись, обещая навести порядок. Но отсутствие особого служебного рвения и невозможность имеющимися силами закрыть границу вели к тому, что все оставалось по-прежнему. Только после того как советские пограничники стали задерживать скот и крестьян, а на всей протяженности границы была натянута колючая проволока, случайные нарушения ее были прекращены. При этом польская сторона выказала удовлетворение действиями своих соседей.

Для разрешения наиболее сложных конфликтов подключались пограничные комиссары Польши и СССР. Встречи были редкими и представляли собой заседания по разбирательству конкретного инцидента. Комиссары пользовались правом личной неприкосновенности наравне с консулами и шифром для переписки с дипломатами, представителями и консулами своего государства. Проводились встречи поочередно то в Польше, то в СССР, куда, пользуясь своими правами, выезжали делегации. С советской стороны в делегацию входил в обязательном порядке уполномоченный погранкомиссара.

На польской территории представителей встречали на дороге, пересеченной линией границы. Офицер приглашал прибывших сесть в машину и привозил в одно из помещичьих имений. Встречи происходили в меблированной гостиной. Тут же производился обмен верительными грамотами. В присутствии пограничного комиссара Польши и нескольких офицеров представитель с советской стороны выказывал претензии. С начала 30-х требования были неизменными: о возвращении незаконно перешедших на польскую сторону граждан СССР. Случаи эти были не столь частыми, но имели огромный резонанс среди советского и

партийного руководства, всевозможных правоохранительных и репрес-
сивных органов.

Польский представитель всегда заявлял, что перешедшие сами не желают возвратиться в Советский Союз и просят разрешения остаться на постоянное жительство в Польше. При этом предоставлялось для ознакомления собственноручно написанное перебежчиками заявление. Если такового не было, то советская делегация выражала свое недоверие и требовала привести граждан на заседание, чтобы те лично подтвердили свое желание. Но крестьяне так были напуганы, что отказывались что-либо предпринимать, даже под защитой новых законов. Как только польская делегация начинала проявлять уклончивость, советский погранкомиссар прекращал дискуссию решительным протестом. Условия ставились жесткие: либо в ближайшее время советских граждан возвращают, либо делегация оставляет за собой право передать вопрос на разрешение в дипломатическом порядке. В редких случаях это имело какое-то действие, и только если попросившие убежища перед уходом в Польшу совершили тяжкие преступления, пусть даже антисоветские по своей сущности. Тогда делался небольшой перерыв, и спустя несколько минут заседание возобновлялось. Польский погранкомиссар соглашался удовлетворить просьбу советской стороны.

Кандратеня Василий Сергеевич, 1920 г. рожд.

Слуцкий (Краснослободской) район, дер. Старицы.

«Когда мы пасвили коров с матерью, а значит, колхоз организовывали, заставляли этих, единоличников, чтоб сдавали и зерно, хлеб всякий, дак уже мать заставляли: «Выходи с колхоза, колхоз раскидаем». Они, значит, что – застрелили Кононовича с Красной Слободы. Но они его не застрелили, а ранили. Это был исполнитель, что район приказал, как теперь участковый. Он не милиционер, а назывался тогда «исполнитель». Я не знаю, я малограмотный. Вот як ехать в Старину, сейчас, где шлю стоит, а там была проселка и лес. Тут была канава, когда-то Екатерина рыла тут. Никуда не денешься, только через этот мост идти. Они ту засели и его с охотничьего ружья. Это был Зосимович один и Хомич другой. Один Иван, а другой Парфен. Хомич был лесником тут. У Зосимовича пять братов было и батька. А у Хомича три было. Подстрелили его. Они ж не знали, что мы пасем коровы там. Бегом туды. И шапк

го теряется у Зосимовича. Мати пытает: «Что вы, Иван, застрелили лика ти козу?» – «Ксения, тикай!» Ну, все. И махнул шапкой, и побег. А иный уже другой пришел, полежал возле нас. Дак мать и пытает: «Ну, что вы там, Парфен?» Мать же еще не старая была. «Что? А я ничего не знаю». Вечером пригоняли коров. Кажут: «Кононовича застрелили». А эта дурница кажет: «Я ведаю, кто». И они почули, что она так сказала. Они пристают этого самого дядьку, брата ее, Денисовича: «Ксения, молчи об сем, бо тебе не поздоровится». – «А як же я буду молчать, – кажет, – я ж сказала, призналась». Тады они вечером шморг – и утекли за границу. Там же рядом, утекли. Они молодые, еще не женатые, холостяки. Здоровые такие, мужчины такие. Утекли, и тогда никому ничего не было. Нема и нема. Их потребовали, и их передали сюда. Поляки передали назад. Сказали: раз вы там такие, то вы и тут такие будете. И передали. Что ж, их всех туда, в лагеря. Один помер, который не стрелял. А этот еще вернулся, отбыл, может, пять годов. Мать неяк ездила к Червякову и Голодеду. Съездила туды и как-то вытребовала. Но вот в Слуцку встретил Кононович этого Зосимовича. Стрелял же Зосимович. «Я своей рукой застрелю!» Это говорил Кононович. Его як забрали, так и сегодня нема».

Что касается тысяч польских граждан, бежавших в Советский Союз, то правительство Польши не проявляло особой заинтересованности в их возвращении. В стране остро ощущался переизбыток рабочей силы. А таким образом хоть как-то разрешались постоянно назревавшие социальные и политические конфликты. Наиболее отчаявшиеся, понимавшие бесперспективность дальнейшего существования на родине, активные противники польской национальной политики, безработные, в основной своей массе молодые люди покидали страну. Советская сторона, в свою очередь, отрицала факты перехода границы польскими гражданами. Чтобы не создавать прецедента, не депортировались даже те, кто совершил в Польше тяжкие преступления.

Сачук Никодим Лукич, 1917 г. рожд.

Столбцовский район, Залужский с/с, дер. Слободка.

«Привезли в Дзержинск. Рассадили по камерам в тюрьме при НКВД (июнь 1936 г. – **Авт.**). Когда мне открыли камеру, там сидело четверо.

Первый вопрос: откуда? Есть деревня Заговенчицы Столбцовского района. Там сидел Фурсевич Михаил, Фурсевич Иван и Борисевич Николай. И еще с ними сидел Азарко Петр. Его мельница стояла на реке Уша, и он застрелил поляка, который отобрал участок, дом. Поляк у Азарко через суд отобрал имущество. Он рассказывал: «С семьей я остался без ничего и был вынужден его застрелить». С пистолетом перешел границу и тоже был в этой камере. Он с Несвижского повета, он получил пять лет Колымы».

Натянутые отношения между Польшей и Советским Союзом, существовавшие все эти годы, сказывались и на взаимоотношениях частей Корпуса охраны пограничной с частями Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. А почти не изменившаяся система поверхностной охраны границы с польской стороны не позволяла должным образом преградить путь перебежчикам, переходы которых продолжались вплоть до сентября 1939 г.

ГЛАВА 6

Перебежчики

Согласно Рижскому мирному договору часть исконно белорусских земель отошла к Польше – это нынешняя территория Гродненской и Брестской областей, а также северо-западные районы Минской и Витебской. Советы не могли мириться с этим унизительным документом, поэтому всеми доступными и недоступными способами старались вернуть утраченные земли. На правительственном уровне польскому государству постоянно указывалось на нарушение положений мирного договора. При этом приводилось большое количество конкретных фактов гонений и притеснений национальных меньшинств в стране. Председатель СНК и Нарком иностранных дел БССР А.Червяков в ноте от 21 августа 1921 г. министру иностранных дел Польши выразил протест против преследования польскими властями населения Западной Беларуси. Это с одной стороны. А с другой – в 1921–1924 гг., не без участия Советов, в Западную Беларусь просачивались и действовали партизанские отряды. Там была развернута настоящая локальная война: уничтожались полицейские участки, грабились помещичьи имения, шли постоянные вооруженные стычки. Все это делалось с одной целью – поднять восстание и отторгнуть вооруженным путем Западную Беларусь от Польши. При этом как одну, так и другую сторону менее всего беспокоила судьба жителей этих областей. Послевоенный хаос, голод, страх и идеологическая пропаганда гнали западников в СССР.

В эти годы отмечался самый первый массовый наплыв перебежчиков.

Кондратьев Петр Сергеевич, 1903 г. рожд.

г. Орша.

Член КПСС с 1932 г.

«С июля 24-го года служил в должности начальника пограничной заставы по строевой части 13-го пограничного отряда в Койданово. Было очень много перебежчиков, десятками переходили. В некоторые дни

до 100 человек. Мы их принимали. При комендатуре был помощник коменданта по секретно-оперативной части. Он проводил проверку. В основном потом всех забирали и обратно отправляли в Польшу. Некоторых отбирали и увозили в Минск. Не хотело наше правительство принимать их. В стране голод, разруха. Мы уже знали, где поляки устанавливали дозоры и пикеты. Старались, чтобы перебежчики, возвращаясь, не нарывались на них. Посылали в безопасную зону. В октябре 27-го года меня комиссовали».

В это время на нелегальном положении уже действовали Компартия (большевиков) Беларуси, Компартия Литвы и Коммунистическая рабочая партия Польши. В конце октября 1923 г. в Вильно на нелегальной I Учредительной конференции представителей всех существовавших на территории Западной Беларуси партийных комитетов было принято решение о создании Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ). Основная задача партии заключалась в организации революции, ликвидации помещичьего землевладения, передаче земли крестьянам без выкупа, и самое главное – в содействии самоопределению Западной Беларуси вплоть до отделения и воссоединения с БССР. Для подпитки партии проверенными кадрами в январе 1924 г. был создан комсомол Западной Беларуси (КСМЗБ). С конца 1924 – начала 1925 гг., анализируя обстановку, руководство ЦК КП(б)Б и КПЗБ пришло к выводу, что революционное движение в Польше после подавления Краковского восстания 1923 г. пошло на спад. Поэтому рассчитывать на успех не приходилось. В связи с этим партии осуществили поворот от партизанских форм борьбы к повседневной политической и организационной пропаганде. Предполагалось постепенно готовить народные массы к социалистической революции.

Для этих целей КПЗБ широко развернула издательскую деятельность. Центральными органами партии являлись газета «Чырвоны сцяг» и журнал «Бальшавік». В огромных количествах издавались листовки и воззвания на белорусском, польском, еврейском, русском, украинском и литовском языках. Коммунистические функционеры участвовали в издании легальной прессы – газет «Барацьба», «Белорусская газета», «Наша воля», сатирических журналов «Маланка», «Асва» и др. Не оставалась в стороне и Компартия (большевиков) Белоруссии. В Минске было со

здано бюро помощи КПЗБ, подпольная партийная школа. Партийная и советская печать, общественные организации республики откликались на любые события в Западной Беларуси, связанные с сопротивлением властям – забастовки, демонстрации, протесты и т.п.

В 1925 г. была создана легальная массовая организация под названием Белорусская крестьянско-рабочая громада. КПЗБ и Громада совместно активизировали работу по поднятию масс на революционные преобразования, вплоть до замены политического строя в стране. К началу 1927 г. Громада превратилась в массовую революционную организацию крестьян.

Все делалось для активизации всеобщего неповиновения, вооруженных выступлений, и в конечном итоге – для революции. Но крестьяне, особенно молодежь, были далеки от этого. Им постоянно внушалось, что в СССР земля поделена между трудящимися, заводы в руках рабочих, образование доступно каждому, работы сколько хочешь. И это можно получить сразу, достаточно перейти через границу. Народ шел...

Особенно поток перебежчиков увеличился после ликвидации Громады правительством Пилсудского в начале 1927 г. Попытка воплотить лозунги в действие была произведена во время выборов в Сейм в марте 1928 г. За коммунистов, выступивших по конспиративным соображениям под наименованием «Рабоче-крестьянское единство», проголосовало свыше 328 тыс. человек, что составляло 26% от всех проголосовавших в Западной Беларуси. По этим спискам в новый состав Сейма прошли четыре депутата, организовавшие депутатскую фракцию. КПЗБ опекала культурно-просветительскую организацию «Товарищество белорусской школы», насчитывавшую в своих рядах около 30 тыс. человек, организованных в кружки. И вновь правительство Польши не позволило этим течениям приобрести реальную силу. Начались гонения, аресты, суды. Видя безрезультатность противостояния, западники шли в СССР. И этот поток не уменьшался с годами.

Кулеш Сергей Степанович, 1913 г. рожд.

Клецкий район, дер. Синявка.

«У нас некальки молодых хлопцев по 18 год бегли туды, за границу. Всех подушили там. Никто не поворочался. С Синявки четыре ти пять было».

Новик Василий Иванович, 1918 г. рожд.

Клецкий район, дер. Кухтичи.

«Из Кухтич убежали туда пять человек: двух вернулися, а трех по гибло там».

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«До мене (1939 г. – **Авт.**) пошло с нашего села пять человек чере границу».

Мычко Иван Петрович, 1912 г. рожд.

Мядельский район, дер. Пузыри.

«Очень много убегали в Россию, у меня два товарища ушли. Я соби рался тоже, не мог оставить – мать плакать начала, я остался. Один я нее был. А товарищи ушли и так там и остались. Человек там пято ушло. Много не ушло».

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Но от нас больше ушли. С нашей деревни – туда. И моя сестр старшая пошла, и многие девчата из деревни. Но потом они все погиб ли. Девчата – не, девчата все живы: которые вернулись, которые та замуж вышли. А мужчин всех Ежов подушил. Моя сестра раньше по шла. До меня (1935 г. – **Авт.**) ушел старший брат, потом–сестра. Д меня ушли: Василевич Ольга Никифоровна, Василевич Катерина Юль новна, Василевич Юлия Кузьминична. Это теперь уже смешались, а т жили в деревне только Василевичи и Хилько. Еще Хилько Николай Ма симович».

К началу 30-х реальной силой, которая могла бороться с польско властью, оставалась КПЗБ. На территории Западной Беларуси осуще ствляли свою деятельность 7 окружных комитетов (Белостокски Брестский, Гродненский, Новогрудский, Пинский, Слонимский, Барано вичский) и 60 районных комитетов КПЗБ. К этому времени в ее ряда насчитывалось около 4 тысяч человек. Кроме того, около 3 тысяч чле нов партии постоянно находились в тюрьмах. КСМЗБ был еще боле

массовой подпольной организацией. Вся эта законспирированная организация с начала 30-х занималась агитационными мероприятиями, из которых следовало, что в Польше плохо, а в СССР – хорошо.

Крючек Александр Антонович, 1917 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«Про Советы говорили, там всякие были. Были такие агитаторы, что хвалили в хорошую сторону. Были члены КПЗБ... Они пропаганду такую вели, что хорошо в Советском Союзе».

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«У меня был друг в Кучкунах, Прокопович. Он был лесником в Явицком лесе, и у него было радио. Мы ходили и ночью это радио включали на СССР. Соберемся – волны коротковолновые передачи, ловили из России волны. Мы включили и слушаем. В России можно заработать в месяц 28–30 рублей, а пуд хлеба стоил там копеечки. Почему так не работать? Учиться можно было в России – только учись! Если есть желание. Это все по радио передавали. Вот это все нас подтолкнуло».

Гаманович Михаил Севостьянович, 1923 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Стенка.

«Дальше я подрастаю. А был такой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». В то время в Советском Союзе, дескать, можно получить специальность: токаря, слесаря. И я задумался... Откудова знал? От родителей, от отца. Тут работала подпольная организация».

В результате молодежь бежала десятками.

Миланович Виктор Петрович, 1916 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Петришковский с/с, дер. Векшицы.

«Я сам встречал перебежчиков под осень. Я тогда был комсомольцем, активистом. Это было в 35-м году, только проходила коллективизация. Со мной был секретарь комсомольской ячейки нашей деревни Николай Поршенок. И тут поляки – и давай на своем языке. А я знал

польский: «Кто такие?» Они объяснили. «Стой, ни с места». Сделали обыск и в комендатуру повели. Я пасвил коров у дороги, и комендатура смотрю, набрала их несколько десятков. И этих, которых мы задержали тоже гнали в Заславль, в погранотряд. А оттуда их отправляли дальше в Минск. Целыми свадьбами переходили. Напились и целой свадьбой перешли к нам. Наши схватили их, и больше мы их не видели. Их п пьянке кто-то сагитировал. Перешедших было человек семь. Жених невеста, даже баянист был, но гармони при нем не было. Правда, они н в нашу деревню перешли, а в соседнюю. Через нашу деревню их пове ли. Это все в 31-м – 32-м годах. Потом одна женщина пришла к нам деревню. Зашла в первый попавшийся дом и спросила: «Где ваш старо ста?» А мой отец был членом сельсовета, и ему в обязанности вменя лось выявлять, следить и доставлять перебежчиков в комендатуру. При шла женщина. А это 32-й год, голодовка у нас была. Украинцы нагряну ли сюда, поудирали люди оттуда в наши деревни. С поездов трупы сни мали».

Осенью 1931 г. был зафиксирован самый массовый переход белорус ской молодежи в СССР.

Малашонок (Таляронок) Надежда Алексеевна, 1912 г. рожд.
Докшицкий район, Крулевщинский с/с, дер. Журавлево.

«А тады стали его тут преследовать поляки, стали преследовать, чт ён ходил, что ён за советскую власть агитирует... Ён уже женился н моей сестре. Они жили в деревне Торгуны, Москаленок с Торгунов. него мало земли, ён с мати сам жил бедно, батька помер. Ён один там был. А ён с моей сестрой старшей дружил... Жили мачеха, ён и сестр его, была его родная, и яна ишла с им тоже, его жена и я. Много ишл нас, которые с нашей деревни и с других деревень... Границу мы перехо дили – нас было 72 человека... На вечера ходили, знакомые все, собра лися. Переходили с Торгунов деревни, из Моложана ишли, из Журавлев не помню, много деревень было. Организатором был Москаленок Гри ша. Мы переходили в 31-м. Это было под восень. Под вечер собрались рожь была большая, недалеко от границы, собралися и пошли. Мен родители не пускали. «Мы хотим идти. Там можно вечером учиться, днем работать». Нас агитировали, что там очень хорошо. Я убеждал

родителей... Сестра уже была замужем, яна уже нас не касалась. У нее был мужик, яна уже с мужиком. Из семьи уходила только я. Сестру звали Софья Алексеевна, которая уходила. А мужа сестра – Москаленок Федора Ивановна. Мы с одного года с ней. Была ночь... Шли к месту прямо, где нам было выгодней, там и шли. Мы вчетвером шли. Я пошла в Торгуны. Ничего не брали с собой. Оделися, только понадевалися каб... Наделися не одну, каб было – на два раза наделись. Где там будешь нести той узел? Пришла в Торгуны. Там уже собралися яны. А мы вечером, уже темно. Собрались, там жито было, рожь. И яны тоже ничего с собой не брали. Никто ничего не брал. Стемнелося. Пошли в ту сторону, где должны были собраться. Пришли туда, там уже народ был. Подождали мы, пока потемнеет. Подходили, подходили. Нас было аж 72 человека. Тихенько попереходили. Собрались. Ён организовал: «Перейдем границу – и все...» Он говорил, что там хорошо. «Тихо, чтоб никто не шепнул. Чтоб тихенько, не разговаривать, чтоб не почули на границе...» Пришли тихенько, посели все, посчиталися, посидели. Трошки стемнело. Як стемнело – ну и пошли... Гриша был впереди. Идем след-вслед. А польская граница – ничего, даже не было никого, мы переходили. А уже на нашей границе нас уже взяли. Не знаю, ти они нас ждали, ти не ждали. Сразу нас взяли. Гриша был впереди, а мы построены были и пошли. Думаем: «Идем, а кто его знает? Может, на границе где-нибудь почуем выстрелы ды будем утекать». Всего вздумалося. Як пойдти? Через такую границу! Поляки и русские! На польской стороне никто нас не задержал, а уже на советской нас уже забрали. Привели в деревню. Там деревня близко...»

В 20-х и до начала 30-х перебежчиков на заставах встречали дружелюбно, с сочувствием, как «угнетенных польскими панами» людей.

Вилькот Кирилл Григорьевич, 1914 г. рожд.
Вилейский район, дер. Клыни.

«Дед нас привел на погранзаставу (1930 г. – **Авт.**). Мы рассказали, откуда мы. Часовой сбегал, позвал начальника. Пришел начальник, ввел на территорию. Застава огорожена забором. Там стояло несколько домов. Нас завели в сушилку, где солдаты с поста приходят и сушатся. Там тепло, натоплено. Обсушились, обсохли. Принесли нам покушать.

До чего суп вкусный! Я такого в жизни и не ел. Хлеба в форме кирпичи ка. Я никогда в жизни не видал. Хороший, вкусный, мягкий: «Смотри Николай, мы и дома такой не ели, как нас тут кормят». Покормили. За полнили анкету на каждого. Спросили, кто, откуда. Часового выделили и нас в местечко Крайск. Там мы побыли день, переночевали – и нас Плещеницы. Пешком. Под конвоем, один часовой. Привели, сняли де тальный допрос. Спрашивали: откуда, кто?»

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«В казарме побыли, затем отвели к начальнику комендатуры на доп рос. Немного подопрашивал, и хоть бы до утра в своей комендатур подержал – так ночью с пограничниками отправил на заставу. Тут, на заставе, и работали – картошку убирали на поле. Мы осенью переходи ли (1931 г. – **Авт.**). Помогали по хозяйству».

На начальном этапе, находясь на заставе, в комендатуре, перебеж чики имели возможность вернуться обратно в Польшу. Пограничники как правило, не препятствовали возвращению. Особо не агитировали, но и правду – что ждет перебежчиков в СССР – не говорили. Подводили к границе и возвращали назад. С женщинами так вообще старались не связываться.

Демидович (Дорц) Ольга Николаевна, 1913 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«Моя сестра и другая суседка – так тамака дужа много было ягод на границе. Тоже заблудили, стежка такая. Затрымали. Казали: «Мы так и плакали». Яна была с детьми: «А детки мае!» Але ничего. Подер жали до вечера, подвели к границе и отпустили. Шли пограничники и забрали. Потом наши уже, поляки, судили. Но им ничего, только судо вые оплатить, и ничего – по пять рублей, и все...»

Самохвал (Скрынник) Лидия Поликарповна, 1920 г. рожд.

г. Клецк.

«Переехали в старый дом, в деревню Загорье. У нас тут границ недалеко. Один тоже переходил. Турок, як мы кажем, но его переброси

ли обратно назад. Ён пасвил коров и забил коров. Напугался и перешел на границу. Потом его перебросили. Свою ж ён корову забил, а боялся ж дома и перешел. Не совсем таки ребёнок был, аж не знаю, сколько – 14–15 лет. Побоялся, что накажут».

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Ах да, вот я обиделся на польскую власть – не дали мне свидетельство, чтоб дальше учиться. Пойду я в Россию! От руки учитель написал. Я знаю, что это филькина грамота. И я не стал уже и рыпаться. Не филькина? Это специальная, гербовая, и отпечатано все. А там только написано, какой-то там штампик стоит. Я уже не стал. Я знал: брат дезертировал из армии, а други в тюрьме сидит. Значит – ясно, значит нечего мне тут и добиваться... Я, значит, обиделся и решил: пойду в Россию. Я там поступлю. В 32-м я через границу, шалтых – и там. Раз такое дело, что мне ходу не дают, значит, пойду в Россию. Никому не говорил. Ничего с собой не брал, грошей у меня не было. Помню между Нестеровичами и Старосельем таки лесок. Я в этот лесок, адамический лес назывался. И вот я иду, як наступлю на сухую ветку – треснет: так мне и тут, и тут стучит. И все же я перескочил эту границу. Граница из себя представляла – столбы советские и польские. Польские – красно-белые, а там я уже не помню – красные, зеленые... Я перешел и иду. Там як раз жито было. В это время жито и к деревне иду. Я спрашиваю: «Где тут пограничная застава?» Мне показали на Ковли, там пикет был. Это я у старух спросил. Я только собрался идти, гляжу – бригадир верхом догоняет меня. Он же не может бездействовать. Догнал меня, до пикета этого довел. Там недалеко. Это погранзастава... Там нас оказалось, перебежчиков, десятка полтора на заставе. И там в какой-то поповской пуне нас ночевать собрали. Переночевали. Принесли по краюхе хлеба. «Ждите, сейчас супу принесут». И я держу этот окраец хлеба под пазухой и жду, когда хлебала принесут. А тут этот перебежчик – а я чувствую: кто-то щипет этот хлеб. Я отвернулся, а он лыбится, как блядь. Тогда мне дико стало. Думаю: «У меня ж дома никто из рук хлеба не рвал и до хлеба не надо было ждать, покуль суп принесут – там мама и молочка, и яйка спяке. А я тут пришел крохи собирать». И к начальнику, и в слезы – домой хочу. К начальнику заставы. Я попросился: «Хочу к

начальнику». Привели к начальнику. «В чем дело?» – «Хочу домой». – «Напрасно. Мы тебя в детский дом – будешь учиться. Направим в Червеньский детский дом». Уговаривал, но я все равно: домой и домой. «Ладно, ладно, мы выведем, когда ваш патруль польский пройдет, и перейдешь». Я перешел незаметно. Уже когда темным часом. Меня подвели до отдаленного места пограничники, и я – через границу, и я домой, и меня никто не заметил. Я пробыл там всего день. Уже тут разговоры пошли, что за границу пошел, но никто не заявлял в комендатуру. А тут был в Тумиловичах пастарунок полиции. Так разговоры были, но заявы не было, так меня никто не трогал. Пришел домой, так мама: «Мой сынок, я рада, что ты пришел». Она догадывалась, что я там. Туды в то время одна дорога была».

Труднее было тем, кто хотел бы вернуться, но уже находился в погранотряде или трудился на одной из строек социализма. Некоторые стали понимать, што попали не в ту страну, о которой мечтали. Насытившись новым строем, решали возвращаться обратно домой, в Польшу.

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«Тут, на заставе, и работали: картошку убирали на поле. Мы осенью переходили (1930 г. – **Авт.**). Помогали по хозяйству. Все были наши – семеро. Немного поработали, и нас записали на фабрику конфетную. Мы ничего не понимали, когда сказали «конфетная фабрика». Очень обрадовались, когда разъяснили. Мы беднота. Что мы, конфеты ели при Польше? Привезли в Минск, поселили в общежитии. Хлопцам не понравилось в Союзе: «Ни праздников, ничего нет. Только работай и работай». В общежитии было много хлопцев-перебежчиков. Нас так и называли – «перебежчики». Нашим не понравилось: «Что это за хаты? Кровати деревянные». Через месяц-другой стали убегать. Общежитие – деревянный барак. На фабрике так нам и не удалось поработать. Из наших парней все убежали, мы – нет. Они убежали, нормально. Позже мне писали, что они пришли, и им дали по четыре месяца тюрьмы. А нас завезли на станцию, погрузили. Много было перебежчиков, несколько купейных вагонов. Выслали в Алтайский край».

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы.

«Эти, которые были оттуда, тех – по колхозам. Вот тогда они бежали назад, ой-ой-ой. Я даже участвовал в поимке. С одной стороны – солдаты, с другой – вольные – прочесывали леса. Убегали – пойди в лес, найди! Ой, много и девок снимали. И вот тогда их стали отсюда подальше сразу отсылать, как только пришли. А так, здесь, на месте – по колхозам. В Заславле останавливали, при комендатуре работали, так разве будет еврей работать? Нашли под елкой одного, начали глядеть – а под елкой второй сидит. Сняли – и все. Взрослые уже, мужчины такие. Они два – в этот лес, тут нас сразу организовали. Они не были вооружены, перебежчики. Назад бежали. Это было в 30-м, перед самой коллективизацией, перед самой ти во время ее. Вот такое дело. Особо летом бежали, зимой не шли. При нас близко местные ни один не уходил за границу. А вот эти, перебежчики – они опять назад. Даже я недавно – этот самый, был и убег, Таньки брат, он помер уже... Рассказывали, что был тут, а там (Польша. – **Авт.**) тоже наказывали потом. Так он вернулся назад, сумел, и так тихо жил, что никто и не знал, что он был, не указывал нигде. Не знаю фамилии. Это в какой-то деревне, один раз я там был, там рассказывали, Воложинского района. А там, моего сына женка, Саковщина. «Был я у вас, але утек». Так в Польше было бы ему, там он ихний уже. Там он и не указывал, никого не знал. Пришел сюда – и опять ушел, сумел, отсюда. Поглядел на заработки эти».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Молодежь Западной Беларуси шла на заработки и учебу сюда. А у нас там совхоз Крупский был, сейчас там озеро Комсомольское, в Минске, затопили эту территорию. Был совхоз имени Крупской. Их туда сразу везли. Вели следствие, а потом – на Урал, на 5 лет. Я все знал. Пограничники расскажут. Полковник один, Гриневич, был в Заславле, начальник 15-го пограничного отряда, а 14-ый в Плещенице был – Богомолец. Вот я же встречался с ними. Они сами рассказывали. Тройка их судила, давала 5 лет за нарушение границы, и все. Были другие: Маевский, Зелении – это начальники застав были. Сам начальник пограничного отря-

да, я его где мог встретить? На границу никогда не приезжал, он бы членом бюро. На бюро райкома его только можно было встретить ил на районной партийной конференции, и все. А так – чего он будет ез дить? Его посадили потом, самого этого Гриневича. Я с ним сидел».

Кто имел голову на плечах и кому везло больше – не сталкиваясь пограничниками, возвращался назад.

Луковский Владимир Федорович, 1924 г. рожд.

Косовский район, дер. Ятвязь.

«При Польше убегали в СССР. Был такой Луковский Николай, ухо дил за границу, он уже умер. Мы ровесники. Он искал лучшей доли, при вязан к русскому народу. Он перешел границу, до ближайшего населе ного пункта дошел. Там прямо сказали: «Возвращайся обратно, доро гой, тебя посадят». Он вернулся и сидел тихо. Поляки не знали, что о переходил границу».

Сами переходы можно было подразделить на несколько видов.

Массовый и наиболее безопасный осуществлялся непосредственн жителями приграничных районов. Они были хорошо осведомлены о удобных путях передвижения. Переходили в одиночку или большим группами.

Гаманович Михаил Севостьянович, 1923 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Стенка.

«Оттудова с этим Гришем я договорился. Пришел и говорю ему «Пойдем». Я его уговорил, и мы пошли за границу. Родителей не предуп реждали. Если б родителей предупредил, мне б не дали перейти границ Он ля самой границы жил, пас коров, он знал все ходы, и пограничник там, в Бирюлях. А там Ермолович жил, и этот самый Ермолович, о говорит: «Вот тут вот пойдем. Тут перейдем». А цель была такая, чт если меня поймают, примерно, поскольку он на границе живет – значи он все знает, и никто не поймает. Так и было. И пошли мы. Пришли заставу. Днем переходили. Мы подпильновали, и он сказал: «Вот тут пойдем!» Этот Гриша. Колючей проволоки не было. А была контрольн полоса и заборонована. Там следы сразу будут видеть, а мы пошли

заставу. Застава была, собаки там брехали, и мы пришли на заставу. «Здравствуйте, товарищи!» – «Здравствуйте!» Мы там переночевали, на заставе».

В некоторых случаях перебежчики шли вслепую. При этом процент задержанных на границе граждан этой категории был большим и доходил до 20–30% от общего количества переходящих.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.

Столбцовский район, дер. Засулье.

«С польской стороны шли. Из-под Новогрудка, из-под Вилейки. Столько знакомых перешло. Они шли наобум. И попадут на часового. Бывало, часовой крикнул: «Стой!» Ночью, а тот – ходока. Тут уже поднимали тревогу, сразу два этих выстрела. Бывало, поймают, а бывало – успел».

Более безопасными считались переходы, когда в помощь привлекались профессионалы-активисты или люди, зарабатывавшие переводами через границу себе на жизнь.

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.

Докшицкий район, дер. Осово.

«Деревня по тем меркам большая была – 60–70 хат. У нас семья большая. Отец умер молодым, и осталось семь детей. У нас от границы было несколько километров. Там лес, кустарник. С нашей деревни только мы перешли границу первыми: четыре хлопца и нас – три девочки. Мы перешли семеркой. В 30-м году (осень. – **Авт.**). С вечера собрались – и перешли. Был организатор этого перехода – Шурка звали его в деревне. Он сагитировал. Он тоже бедняцкий был – батьки умерли. Промышлял тем, что переводил через границу. Мы были неграмотные, темные, не ходили в школу. Никто из нашей семерки не умел ни читать, ни писать. Собрал нас – и давай агитировать: там вам будет хорошо, будете работать. Родителям мы ничего не говорили. Тайно все делали. С семьи я одна перешла. Мы собрались за околицей. Поле наше, а тут кустарник, и здесь, в кустах – граница. Что ему стоило нас завести? Отвел на заставу. Застава была близко около границы. Он сдал нас, а

сам ушел. Пограничники нас оставили. Он был своим человеком. Они оставили в казарме, затем отвели к начальнику, в комендатуру, на допрос. Немного допросил. И хоть бы до утра в своей комендатуре подержал – так ночью с пограничниками отправили».

Вилькот Кирилл Григорьевич, 1914 г. рожд.

Вилейский район, дер. Клыни.

«Неграмотный, в школу не ходил. Есть ничего не было. Одна десятина земли. На ней надо было корчиться целой оравой. В деревне был хозяин, старый. Ребята шли с этой деревни за границу. А брата жены сына старика этого, Николай его звали, вернули обратно. Наши вернули к полякам. Он сидел за то, что переходил границу. Старик кажа: «Вот идет Николай. Попросись – может, он тебя возьмет?» Он взрослый, уже армию польскую отслужил. Работал дома по хозяйству. А тогда это было большой секрет. Узнают – посадят. Я к нему: «Николай, я слыхал, что ты за границу идешь. Возьми меня с собой. Там у меня брат есть. Может, я там пристроюсь. Что я буду всю жизнь спину гнуть?» – «Ну, ладно». Он жил, Николай, в семье. У него было два брата. Он был холостой. Надо переходить границу. За переводчика надо платить. Собралось восемь человек. Я их не знал. Мне говорят: «Мы наняли, но он тебя задарма не поведет. Надо платить деньги!» – «А сколько?» – «Пятьдесят злотых». – «Много. Где я возьму?» За год работы мать договорилась на двенадцать пудов ржи. Пришел и все рассказал хозяину: «Отдайте мне не хлебом, а дайте пятьдесят злотых деньгами. Чтобы заплатить». Хозяин согласился. Дал эти деньги Николаю. Он заплатил и указал: «В такой день будем идти». Есть местечко Куренец, близ Вилейки. Так здесь по вторникам всегда базар был. Николай говорит: «Вот мы на этот базар пойдем. Там будет перевозчик, и мы пойдем». Это было в октябре 30-го. Отмолотили, убрали с полей. Хозяин ехал на базар и меня взял с собой, в Куренец этот. Николай тоже поехал. Жил в другой хате в этой деревне. Ехали что-нибудь купить перед тем, как идти, попросился у хозяина пойти домой и предупредить мать, чтобы не волновалась. Хозяин отпустил. Когда мама узнала, что я собираюсь за границу, заголосила: «Что я тебе буду носить, когда тебя посадят?» Это в воскресенье. А во вторник мы поехали. Я ей сказал: «Если хочешь меня последний раз увидеть – приходи на базар». – «Тебя посадят!» И

правда, во вторник я ее увидел, она с заплаканными глазами ходит. Решил: «К ней подойти? Кинется ко мне, расплачется. На меня подозрение падет». А тут полиция кругом шастает. Людей много на базар съезжается. Так я к матери и не подошел. С чем поехал? Купил там ситного хлеба килограмм, сало из дома взял, да еще три польские злотые с собой. А договорились, что нас этот перевозчик будет ждать в местечке Илья, Вилия-река. Оно, местечко, возле реки. А через реку надо переходить. Брат этого хлопца вез их. Договорились, что если кто спросит, чего едем в Илью, будем говорить, что с базара едем домой. Везли только двое нас. Он подвез нас к реке. «Ну, теперь давайте прощаться. Вы идите, через реку переходите. Там лес, там перевозчик должен вас ждать». Это было после обеда, ближе к вечеру. «А я поеду домой». Простились. Он поехал, а мы с Николаем через речку перешли. Перешли реку, вдвоем с Николаем шли вброд. Так шли, прямо в воде, не раздеваясь. Он большой парень, а я маленький. Чуть не утопился, мне по шею. Он меня поддерживал. Одежда: лапти, крестьянская одежда. В лес вошли, а там уже нас перевозчик встретил. И там он привел еще восемь человек, и мы двое. Он жил на границе, на хуторе, в лесу. Привез домой к себе. Он впереди ехал, а мы шли за ним. В лесу, проселочной дорогой. Вечером, темно. Обогрелись маленько, чаю попили. Он нагрел чаю. «Я схожу, кума позову. Вдвоем вас поведем». На границе была речушка – небольшая, неширокая. Перейти ее – и там граница. Кто знал, что она из себя представляет? Я понятия вообще никакого не имел. Неграмотный парень. «Вот вы через речку переходите. Кум с вами пойдет по ту сторону, а я буду идти по этой стороне. Вдоль этой речушки пройдем , а затем вы – налево, и идите в лес. И вы аккурат перейдете границу». Они нас привели: «Бежите налево». Мы побежали. Бежали, бежали. В болото вбежали – не знаем, куда нам. По болоту бродим. Куда ни пойдем – возвращаемся на прежнее место. Заблудились. К утру мы не знаем, где мы находимся: на этой или на той стороне. Хлопцы говорят: «Давай хоть куда, чтобы только из болота выбраться». Пошли. Вышли в лес сухой, сосонник. Думаем: «Здесь хоть болота нет». Пробежали немного, а тут линия, просека. Мы давай по этой просеке, идем, а мы, оказывается, по границе идем. Дошли до столбов. Стоит русский и польский. Польский – круглый, рябой, а русский – черный, квадратный. Ребята знали, а я не знал. В армии служили. Мы – в сторону черного

столба и в лес побежали. Отбежали и пошли. Были уверены, что пере шли границу. Никто нас нигде не видел. Пограничники ни те, ни други не видели. Костер разложили в лесу, обсушились маленько. Куда идти? Услышали петушиные крики за лесом. Хлопцы говорят: «Пошли, там деревня или хутор есть. Там спросим, где пограничники, чтобы нас за брали». Выходим из леса. Хутор. Дядька несет утром сено корове кор мить. «Дядька, это здесь большевики?» – «Здесь. Давайте, заходите» Зашли в хату. Старуха глянула на нас. А я маленький, мокрый. «Ой дитятко, садись на печку. Совсем околел». Меня на русскую печь поса дили. Утром печку топила, блины пекла. Пару блинов подала на печь. Я посл. Обсушился. Хлопцы говорят: «Ты отведи нас на погранзаставу». «Сейчас». Там были две или три хаты на хуторе. Пришли на погранзас таву, а там на вахте нас встретил часовой».

В стране Советов новых граждан особо не ждали, относились к ни с недоверием. Но на той стороне этого не знали. Гонимая радужным мечтами о лучшей жизни, молодежь шла и шла в СССР. На застава почти ежедневно фиксировались нарушения границы. Только в течени 1929–1933 гг. пограничной охраной Белорусского округа было задерж но более 10 тыс. человек.

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.

Копыльский район, дер. Бучатино.

«Перебежчики были оттуда. Последнее время уже были перебежчи ки, и много было в начале 30-х. В Бучатино же мы жили, дак каля на был особый пост, то их каждый день водили в особый пост. Дак вот ту в поповом доме они были».

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы.

«А тогда сильно бегли из Польши евреи сюда. Я только помн что он говорил так, что пришел этот польский еврей и говорит: «Па пень копеек – пшинешь мне булочку». – «Ах ты, сукин сын. Приш булочку есть к нам». А какие у нас булочки? Была голодовка. «Се час принесу». И шел за пограничниками. Особо ничего не рассказ вал. Оттуда много шло, а потом назад бежали. Оттуда шли, парти

ми шли. В нашу деревню почти не заходили. Много шло. Рассказать – откуда. А женщина, как только узнала, что из Польши, то полетела: «Ах ты, сука! Марш отседова! Самим тут есть нечего. Голодовка у нас, а вы тут целыми табунами переходите». И с хаты выгнала. В деревне показала на хату моего отца, а отец ее в комендатуру завел и сдал. А оттуда ее – в Заславский погранотряд, а там была тюрьма деревянная. И их забивали туда битком. Были случаи, что люди и умирали, а были случаи, что и расстреливали».

Сами пограничники со временем стали встречать перебежчиков с нескрываемой враждебностью. В них видели возможных разведчиков дефензивы. При задержании нарушителя производился его досмотр. Все личные вещи изымались. Начальник заставы составлял опись вещей. Если некоторые из изъятых предметов вызывали подозрение и могли показаться сомнительными, их превращали в вещественные улики против перебежчика. После допроса начальник заставы вызывал дежурного по заставе, и тот уводил нарушителя в камеру. Далее не спеша сверял изъятые вещи с описью, заворачивал их в бумагу, перевязывал пакет шпагатом, опечатывал и писал адрес. Все это закрывалось в несгораемом ящике. Затем начальник заставы садился писать донесение о задержанных. На рассвете все документы и вещи вместе с задержанным направлялись далее – или в комендатуру, или в отряд.

Петкевич Бронислав Антонович, 1918 г. рожд.

Борисовский район, дер. Любча.

«Наша семилетняя школа была в Зембине. Заключенных везли, уже арестованных. Везли на машинах, мы видели. Конвоиры стояли и нам говорили, что это шпионы польские. Не останавливались. Мы смотрели, стояли на ганку, глядели, як проезжали. Они стояли, борта высокие. Потом конвоир стоял у кабины всегда».

Экман Абрам Ицокович, 1916 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«А оттуда тоже перебежчики были. Целые вечеринки, бывает, приходят. Вот они – там же застава, тоже по ночам это все. Когда ты спишь, по нашей этой улице слышны подковы лошадей. И верхом их гонят».

По приблизительным подсчетам, в результате служебной и боевой деятельности погранохраны НКВД БССР за 1921–1935 гг. было задер- жано более 37 тыс. перебежчиков.

Неспокойная обстановка в самой Польше подтолкнула правительство к расторжению Международного трактата об охране прав национальных меньшинств. Появился декрет президента, запрещавший открытие бе- лорусских школ сроком на 7 лет. Национальный прессинг вылился вес- ной 1936 г. в демонстрацию безработных во Львове. По протестующим был открыт огонь. Львовский расстрел отозвался и в Западной Белару- си.

В Белостоке, Вильно и других городах рабочие объявляли полити- ческие забастовки протеста. Везде на собраниях неслись слова благо- дарности в адрес страны Советов. В первомайской демонстрации в Виль- но участвовало до 8 тыс. человек, в Белостоке – около 5 тыс. Массовые демонстрации состоялись в Гродно, Слониме, Крынках, Сувалках, Бара- новичах, Волковыске. Города и деревни бурлили, были завалены агита- ционными материалами, в которых восхвалялась жизнь в СССР, расска- зывалось об новостройках, открывающихся университетах и школах. Молодежь вновь и вновь устремляла свои взоры на восток.

Сазанович Павел Алексеевич, 1912 г. рожд.

Клецкий район, Краснозвездный с/с, дер. Бабаевичи.

«Перешли ночью с 16-го на 17-е мая (1936 г. – **Авт.**) с товарищем. Друг мой, тоже из бедняков. Он был меня старше на несколько лет. Новик Павел Федорович. Мы жили по соседству, вместе дружили, вме- сте выросли. Когда переходили границу, никого не встретили. Дождем темно, ничего не видно. Ожидали, чтобы ночь была темная, чтобы с дождиком. Так не готовились. При переходе никаких пограничников мы не видели. Прошли одну колючую проволоку – думали, что перешли. Но дальше наткнулись еще на проволоку. Затем отошли еще и ждали, когда рассветет, – не знали, куда идти. Мы прямо на поле ожидали. Рассвело. Вдали увидели несколько крестьян. «Давай спросим». Спрашиваем: «Где здесь стражница?» Они показали направление, и мы пошли. Подошли к заставе. Часовой спросил, кто мы. Мы ответили, что перебежчики. Не- сколько человек обыскали карманы и запустили на заставу».

Сачук Никодим Лукич, 1917 г. рожд.

Столбцовский район, Залужский с/с, дер. Слободка.

«Мой отец был связан с Гродненской подпольной организацией, кото- рая работала под крылом КПЗБ. Мне было десять лет. Я помню его рассказы о хорошей жизни в СССР. В 14 лет отец умер. Всю жизнь батрачил и очень не любил богатых. Здесь зародилась идея – вырвать- ся из темноты. В семье было семь детей – пять братьев и две сестры. А земли было три гектара. Это было мало. Вся семья была в заработ- ках. Меня отдали в другую деревню, к богатым хозяевам. Я за весь летний сезон получил по сговору хозяйки и моего отца 15–16 пудов хле- ба. Все лето семья была на заработках, а зимой собирались и жили на то, что заработали. Наша перспектива – беднота, учебы нет. Меня ин- тересовала учеба, у меня были способности. Я себя убеждал, что найду себя только в России. 8 июля 36-го мы сговорились, что выйдем 9-го июля. Как раз ушли в поле жать жниво. Мне шел 19-й год, Новицкий Николай с 15-го года, и Хуко Александр, ему было 27 лет. Наша троица. Меня заставляли жать, но, поскольку у нас был договор, я кое-как отго- ворился. Забежал к двоюродному брату Павлу и сказал: «Мы уходим в Россию». А он знал, что мы готовимся. «Не говори матери, вытерпи дня три. Если нас не поймают – считайте, что мы перешли». Я зашел до Николая, Хуко был уже там. Мы уходили со своей деревни. Дороги мы не знали, но знали, что на востоке мы встретим нашу заветную страну. Взяли кусок хлеба и ушли с этим. Тогда уже убирали поля. Люди убира- ют и видят, что идет тройка. Мы дальше, дальше, и дошли до леса. А у границы – хуторная система, и были расселены польские осадники. Это было уже темно, мы пробирались между хуторами. Дошли до леса и слышим топот. Мы легли. Оказывается, проскакали польские погранич- ники, пять-шесть. Когда все утихло, мы поняли, что рядом граница. Под- нялись и пошли. Вышли на просеку. Березовый кустарник. Мы прошли метров 50, и перед нами столбы: проволока, натянута туго. Мы выбрали место у столбов и пробрались между колючей проволокой. По столбам перешли наверх, там опустились и оказались на советской территории. Отошли в сторону. Никого мы не встретили. Начинался рассвет. Слы- шим – невдалеке поют петухи. Мы поняли, что это деревня. Опустились вниз и увидели деревеньку. Эта деревушка – или Вивье, или Ивье. Захо- дим в деревню – никого нет. Встретили женщину, которая несла ведро с

молоком. Останавливаем и говорим, что из Польши, и к кому нам обра- титься. Она забежала в дом, сказала своему хозяину. Тот выходит, н ходу застегивает штаны. Я разорвал штаны на колене. Хозяйка дал мне иголку. Я заштопал себе штаны. Он берет двуствольное ружье говорит: «Пошли». Вот это была встреча с советскими людьми. Захо дим в лес и встречаем пограничников. Он оставляет нас и что-то ин докладывает. Пограничник затвором заляпал: «Один за другим – впе ред по этой тропе. Ни вправо, ни влево». Подходим к заставе. От дерев ни до заставы ходьбы часа полтора. Застава в гуще леса. Он доложил, нас садят в холодную. Заперли всех вместе и поставили часового».

Морозевич Лука Лукич, 1913 г. рожд.

Пружанский район, дер. Березница.

«Я перешел 1 ноября 1936 года. Я перешел в Ивенецком районе. От шел метров 300 от границы и просто сел. Там была польская проволока Я за этот кол взялся и перепрыгнул. Я психологически был доволен Сотворил такое чудо, думаю, что сейчас открыта дорога. А потом ду маю: куда пошлют работать? Может, думаю, опять в эти районы мен пошлют. Пришел строить коммунизм. За что боролись, на то и напоро лись. Невдалеке промелькнула женщина и исчезла. Я понял, что он пошла за пограничниками. Так и есть. В скором времени пришел солда тик. Это было под вечер, уже темнело. Он ничего не спрашивал. Отве мене на заставу и запер под ключ. Я сидел в одиночке».

К середине 1937 г. отношение советской стороны к перебежчика резко ужесточилось. Из Москвы за подписью Н. Ежова наркому вну ренних дел Беларуси в середине июля 1937 г. приходит приказ о начале 20 августа операции, направленной на полную ликвидацию так называ мой «Польской организации войсковой». Особое внимание с этого вре мени стали уделять перебежчикам. Согласно установке, «преступну цель своего прибытия в СССР эти «перебежчики» прикрывали разли ными мотивами и предлогами (дезертирство с военной службы, бегст от политического преследования, от безработицы – в поисках зарабо ка, для совместного проживания с родственниками и т. д.)». После это го приказа любой, перешедший границу, становился автоматически «вр гом народа».

Голубко Николай Николаевич, 1918 г. рожд.

Несвижский район, Городейский с/с, дер. Островки.

«Семья была большая. Отец болел. В Несвиже операцию ему не взяли делать. В Несвиже заведующий этой больницей, Лычковский, не стал операцию делать, что не выдержит. Его – в Столбцы. «Я повезу в Столбцы, может – там». Он пролежал, и нам предъявили большой счет. И привезли его домой. Отдали деньги, которые были, продали коня. Приехали, описали все. Отец умер в 27-м году. После этого была сильная бедность. С деревни четверо перешло. Мы вдвоем собрались. Слышали – говорят, что там хорошо. Ход был на Столбцы, чтобы перейти границу. И решили, бросили все. Павел Шукайло был второй. В семье у них гектара три было. У нас была сильно развита подпольная коммунистическая партия. И это нелегально орудовали. Они взад-вперед ходили. «Окно» у них было, перейти. Вот люди бежали туда. Уже двое ушли, двое до этого: и ни слуху ни духу. Все это держалось в секрете, и мы решили идти. При разговоре надумали перейти границу. В базарный день 21 августа (1937 г. – **Авт.**) собрались и пошли. Утром вышли, потому что я-то расстояния не знал. От Островка до Столбцов было 14 километров и, наверно, там 6 возле Колосова. Дорогой шли, вслепую. А получилось, что перешли границу. Ночью переходили. Дошли до Столбцов, а там уже забыл, какую деревню, значит. По рассказам, кто ходит, значит, какие деревни, чтоб ночью идти, потом спрятались и ночью пошли. Пошли, и оказалось – перешли нейтральную полосу. Нейтральная полоса была вспахана, чтоб любой зверь и все след оставляли. Польская эта охрана, пограничники, не заметили. Мы тут, а они шли вроде бы. Затаились и пошли дальше. Углубились, и нас задержали. Нас взяли – и в Дзержинск, Койданово».

Ужесточение пограничного режима на сопредельной стороне к концу 1938 г. привело к спаду переходов. Если за лето 1938 г. на участках Белорусского пограничного округа было зафиксировано более 650 задержаний (в год это более чем 2,5 тыс. перебежчиков), то в 1939 г. количество задержаний пошло на убыль. Это давало повод усомниться в четкости выполнения своих функциональных обязанностей тем или иным пограничным отделением. Поэтому в отдельных местах командиры-

пограничники шли на прямые провокации, чтобы вынудить молодежь на переходы.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Засулье.

«Раньше меня Горкач Николай Иванович ушел, раньше меня на какую-то неделю (начало августа 1939 г. – **Авт.**). И как раз во время сенокосу они ушли. И там наши сенокосы были под границей. Косим сено. Смотрим – идет Николай Горкач по сенокосе. К нам он не идет. Была так решетка – это была самая граница. До речки мы могли косить, имели право. А между проволокой и русскими столбами – это было, вроде, нейтральная полоса. Никто ее не трогал. Но на ту сторону речки мы не имели права проходить. А он шел по той стороне речки, той Николай. Идет и машет рукой. Мол, идите к нам. И потом, к счастью, я в Минске, после суда (ноябрь 1939 г., Минская городская тюрьма. – **Авт.**), потому что до суда мы одни с другими не встречались, такие знакомые. А после суда бросили в общую камеру. «Николай?!» – «О, и ты тут». – «Я тут». Давай с ним говорить: туда-сюда. «Чего тебя черт занес?» – «А чего ты махал, звал нас?» – «А ты знаешь, чего? Меня вывели, военную форму дали». – «А мы видели: идет Николай в военной форме!» – «Меня вывели и сказали: от и до. Отсюда на тот куст идешь». А сами сидели в кустарнике, держали на прицеле. Вот как было! И сказали махать. Вот как дело было».

Переходы с сопредельной стороны фиксировались вплоть до августа–сентября 1939 г. включительно.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Засулье.

«Если бы не НКВД, дальше деревни нигде не был бы. Родители у меня были сельчане, имели свое хозяйство. Отец и мать. Нас было девятеро, из них шестеро братьев и три сестры. Жили, хотя было свое хозяйство, бедно. По тому времени совсем срундово жили. Земли у нас было 28 гектар, у батьки. Но земля, вы понимаете, была песчаная из-под леса. Запахивалось гектар 7–8. А остальное был кустарник – так овец пасли. Не родило ни черта. Я был самый старший. До

13 лет я ходил в школу, ровно 4 года проходил. Дальше отец не пустил в школу. «Давай, – говорит, – за плугом и за лошадью». С 14 лет я пошел за лошадью: и день, и ночь. На хозяйстве раньше все вручную было. Молотили цепом, жали серпом. Вообще, работы было много. В 39-м году намечалась шумиха такая, военное положение. Немец уже полез на Данциг в Польше. А у меня возраст таки, что надо идти в армию. А поляки трохи прижимали белорусов, и мы все ненавидели польскую власть. Куды пойдешь – не добьешься в управлении. «Кацап», «хам» – и все. Обзывали. Был сосед, Кмит Владимир Александрович. Вот мы с ним сговорились. Мы как-то вместе работали, хутора рядом были. Работали, все разговоры вели: «Надоело». Сговорили и ушли. Дом нашего отца стоял в 970 метрах от границы. Я знал кажны шаг патрульных, пограничных. Через каждые два часа шли в дозор. Володя жил здесь, в деревне, а я жил там – на хуторе. Володя даже не сказал, что моя двоюродная сестра с ним пойдет, он ухаживал за этой сестрой. И мне ничего не сказал, что она с ним собирается идти. Мы сговорились на батьковом хуторе, болото там, а при болоте там кустарник. Вот сговорились: «Здесь мы встретимся». Он придет из деревни туда. Як раз солнце зашло в это время. Смотрю, идет мой Володя через поле и с собой ведет девку. Подходит ко мне и говорит: «Ты что? Это куда?» – «Пускай идe!» Ее девичья фамилия была Самохвал, а потом она Денисевич. Она уже умерла, ее уже нету. Звали Вера Михайловна. Володя на один год был старше нее. Денисевич на один год моложе меня. Где-то в этих годах. Вот и пошли. Я знал эту границу. Каля границы был кустарник, как раз у самой проволоки. Пришли. Видно, солнце взошло. Зачем ночью идти, когда мы знали, что можно и днем идти? Еще ночью можно наткнуться, а так знаешь, где они прячутся. Там вдоль границы была тропинка. Они шли один от одного, но вместе, метров двадцать. Потому что двоих могут схапнуть с кустарника. Я знал, в каком направлении застава, – и через этот кустарник, через тропу, там была выбранная тропа широкая. Эту тропу перешли (27 августа 1939 г. – **Авт.**). Говорим один одному: «Ну, все, дома!» Мы не знали, что это за «дом». И дальше идем под самый маяк до ихнего, под эту заставу. На вышке сидел часовой. Не знаю, может, он дремал, ти что. Подошли под самую заставу: «Стой! Кто идет?!» На украинском языке.

«Свои!» – «Яки хрен свое. Легай!» Легать так легать. Ложимся. А он берет трубку, поднимает, звонит в заставу. Звонит в заставу. Бегут, по нимаете, таки вот кабель на ремне, наганы нагөло. «Поднимайсь!» – н нас. Поднялись. Обшарили по карманам. У нас ничего нету. У меня что было: складной ножик и платок носовой. Все – правда, ремень на шта нах. Сразу ремень вырывают, платок забирают, ножик. Отобрали. Об ратно: «Легай!» Легаем. «Барс, порви!» – на собаку. Собака начинает наши костюмы – в полоску. Порвал. Правда, только чуть задело за тело Они уже приучены, чтобы за тело не брать. Накинулся на девочку, н девочку не пустили. «Сядь!» Посадили его. На нас: «Поднимайсь!» Оди впереди, второй сзади с наганами. «За мной!» Мы и пошли. Приводят н заставу и докладывают уже про нас: «Товарищ капитан! Задержаны окол такого-то столба. Собака споймала». А мы молчим. Нам вопросов н задают. Нам только козырьки на вочи натянули, чтобы мы ни черта н видели. Одного – в один угол, второго – во второй, третью – в третий Такая комната у капитана небольшая – метра три. Начинает капита делать допрос: «Как?.. Что?.. Зачем?..» – «Пришли на жительство Учиться хотим, работать. Можем здесь заработать, а у нас трудно... То-другое. Такие разговоры. Он записал там все. Вызывает нас – машину грузовую и в Дзержинск».

После 1935 г. ежегодно через советско-польскую и советско-латвий скую границу по территории Беларуси продолжало переходить в сред нем от 2400 до 2600 перебежчиков в год. Всего за четыре года это коли чество составило около 10 тыс. человек.

При этом надо учесть лиц, насильно перебрасывавшихся на террито рию СССР. В их число входили и выдворенные из страны люди. Это, ка правило, были антиправительственно настроенные граждане, являвши ся, по мнению полиции, врагами существующего строя.

Так, в 1928 г. таких лиц со стороны Польши было задержано 256 ч ловек, со стороны Латвии – 32. За январь – сентябрь 1929 г. таковы было уже 176 из Польши и 35 – из Латвии. Тенденция к увеличени численности выдворяемых проявлялась в течение последующих лет.

Сачук Никодим Лукич, 1917 г. рожд.

Столбцовский район, Залужский с/с, дер. Слободка.

«Сидели Головеские, я, Азарко, и вскоре посадили Каплана (осен

1936 г., подвал НКВД, г. Минск. – **Авт.**), он закончил мединститут и не мог работать в медицине. Через Пешкову он добился, жену Максима Горького, что она поспособствовала ему уехать в Польшу. Он так рассчитывал: «Я выеду в Польшу, а оттуда свободно выеду в Палестину». Он уже был пожилой, когда приехал в Польшу, это было в Барановичах. «Мне дали 24 часа пребывания в Польше. Я не знаю, куда идти, что делать. Конечно, за это время оформить документы я не смог, и меня арестовали. Привезли в Узды, где протекал Неман вдоль границы. Завезли меня до половины Немана, столкнули из лодки и командуют: «Плыви-ка в ту сторону». Меня забрали пограничники, и я оказался здесь». Он позднее был посажен в камеру к нам».

Общее количество задержанных погранохраной лиц данной категории за 1921–1939 гг. можно оценить приблизительно в 7 тыс. человек.

Легко выводится и общее число задержанных, включая перебежчиков.

	Годы	**Тыс. чел.**
Перебежчики	1921 – 1935	Более 37
	1936 – 1939	Около 10
Депортированные	1921 – 1939	Около 7
Всего		Более 54

Это целая армия; в основной массе своей эти молодые и здоровые люди сразу после перехода или впоследствии были осуждены и отправлены в лагеря.

ГЛАВА 7

Побеги из социалистического «рая»

Начавшиеся в стране социальные перемены никоим образом не обошли приграничье. Наоборот, наибольший процент высылаемых по отношению к общей численности населения приходился именно на эти районы республики. Как и везде, привыкшие подчиняться любой власти крестьяне в основной массе безропотно вверяли свою судьбу и судьбы своих близких в руки местных руководителей. Но были и те, кто не желал подчиняться диктатуре «народного» строя. Таких было немного. И единственным спасением для них было найти политическое убежище в соседних странах.

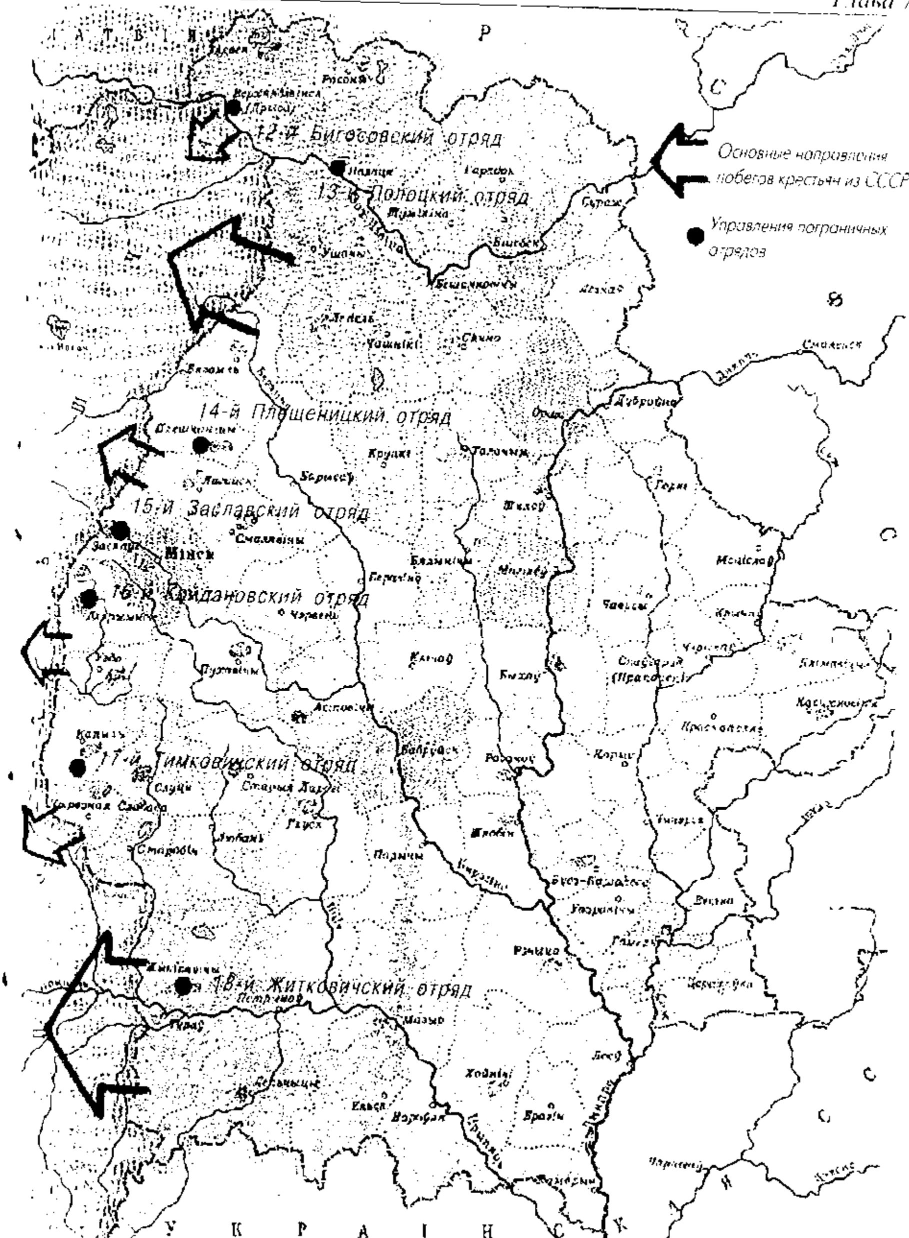
Переходы в основном осуществлялись из сельсоветов, непосредственно примыкавших к границе. Воспрепятствовать таким побегам пограничная охрана могла не всегда. Сказывалось хорошее знание крестьянами местности, структуры расположения пограничных дозоров, скрытость перехода и близкое проживание от границы: от нескольких десятков метров до двух-трех километров. К этому надо добавить, что большинство переходов происходило в ночное время суток.

Васьковская (Ляховская) Розалия Адамовна, 1914 г. рожд.
Узденский район, дер. Присынок.

«Поуезжали в Польшу. Богато поуезжали. Старые кидали семьи и уезжали. Не знаю куды, но казали: «За границу».

Экман Абрам Ицокович, 1916 г. рожд.
Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«Перейти можно было, если захотеть. А вообще, у нас уходили в Польшу люди. Не из местечка уходили, а из Минска. Это уже когда начались колхозы. Уходили за границу церковные люди, молодежь. Бородатые евреи большинство были. В Крайске церква была. А поп ночью убежал в Польшу со своей семьей. Это я помню хорошо, вся семья убежала».

Маршруты побегов советских крестьян в Польшу 1924–1939 гг.

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Тумилович Антон тоже перебежал. Он перешел в этот период, когда их выслали. Им объявили, что вас будем высылать. Сегодня уже послали подводы, а он ночью утек. Возле Кудинович, по направлению Несвижа. Исчез, и не видели. Где он делся – не знаю. В 29–30-м где-то, значит, это было. А Жирук – поздней. Жирук переехал в деревню Шестаки и оттуда ушел, уже не из нашей деревни. К нему ушел, они дружили с Антоном. Он был старше меня, этот Жирук. Он где-то был с пятого или шестого года. Утек в 32-м или в 33-м. Сын ушел за границу, тогда батьку выслали на Урал куда-то со всей семьей, потому что ненадежная была семья».

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Заики

«Был разговор, что одна семья – приехали их раскулачивать, а их уже и нет. Они запрягли лошаденку, Двина уже замерзшая была, и уехали. Уехали в Польшу, из нашего «Пограничного» колхоза (находится на станции «Бигосово». – **Авт.**). По рассказам, что семья должна была дополнительно высылаться, а их не нашли дома».

Миланович Виктор Петрович, 1916 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Петришковский с/с, дер. Векшицы.

«В деревне было дворов 35. Первого раскулачили Богумила. Вторых раскулачили Павичевых. У них три сына и дочь, и мать, хозяин умер. Так их в колхоз приняли, затем приехал с райкома представитель Фогель, еврей. И давай агитировать и требовать исключения из колхоза семьи, так как она кулацкая. Выгнали из колхоза. Они видят – их дело плохо, и они рванули в Польшу за границу. А когда они уходили в Польшу, я коров пас. Это было под осень 30-го. А тогда каждый пас своих коров. Я привел коров утречком рано, захожу и кричу: «Костя, выгоняй, гони коров пасвить!» Смотрю – все открыто, Кости нет, и никого в хате нет. Коровы их стояли в хлеве. Окна, двери раскрыты – никого нет. А мой отец был депутатом Анусинского сельсовета. Прибежал: «Тата, у Павичей никого дома нет. Куда-то убежали». Отец поднимается и приходит к их дому. Коровы есть, и больше никого. Отец должен был в таких случаях сообщить в Радошковичи, в комендатуру. Побежал туда сообщить. Оттуда приезжают, да с собакой. Приехали на лошади, на телеге. Собака вышла из хаты – и сразу к камню, он был перевернут, огромный такой, от мельницы, от жерновов отваленный. Наверно, там было спрятано золотишко. Собака понюхала и пошла, и пошла в сторону, к границе. А граница – полтора километра от нашей деревни. Собака дошла до границы – и все. Колхоз забрал их дом под контору, разобрали имущество».

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Сюда перешел даже дальний родственник – Андрей Козел с семьей. Он к нам не зашел. Он ближей к своему тестю пришел из другой деревни – там, за рекой. Ён в высылке был, як кулак, что ли. В общем, он в Березино жил – это на советской стороне, а на его хате, на его земле, построил человек хату, и он из-за обиды, что на его земле, – земля ж тогда была родная. Он за ночь весь сруб этот в речку скинул. Ему это срок дали – выслали в Сибирь. Но не знаю, ти всю семью выслали, или его одного. И сумел человек пробраться, он с семьей. У него дочки две были и жонка. Потом уже дочки переходили в хату, родня все-таки. Это ихняя мать – это моя двоюродная сестра. Значит, немножко родня. У своего тестя и жил. И на паству гонял, можно было прожить. И еще один мужик пришел. Я слышал, земля слухами полнится. В деревне говорят: пришел, звать его Банадысь, Бенедикт. Мой батька – они тезки. Он пришел до зятя и тут жил у зятя. И дожил тут век. Он родом из Бирюль».

Пограничникам в редких случаях, и то по «наводке», удавалось пресекать такие переходы. Так, в конце 1929 г. командованию одной из застав Тимковичского отряда стало известно, что в деревне Межино Слуцкого района несколько крестьян намерены перейти границу. Бойцы были подняты по тревоге и ожидали перебежчиков. Вскоре их заметили – они шли по замерзшему болоту. Пограничники попытались задержать крестьян, но в ответ раздались выстрелы. Бойцам прицельным огнем удалось прижать стреляющих ко льду. Крестьяне залегли и стали искать укрытие от шквального огня. Услышав выстрелы, начальник заставы поднял тревожную группу и отправил на усиление наряда. Далее было

предпринято прочесывание местности. До рассвета пограничникам уда- лось задержать нарушителей, которые прятались в разбросанных по мерзлому болоту стогах сена. Всего задержанных оказалось пять чело- век, из которых двое было ранено.

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Ляховичский с/с, дер. Суд- ники.

«Когда я приехал летом (1929 г. – **Авт.**), уже почувствовали, что аре- сты начались... В Судниках – Судников всех. Его, Казимира, дядю Ка- зимира... Август, самый младший брат, сын его, в Польшу бежал. Где- то на границе расстреляли. Застрелили на границе. Он на два года толь- ко меня старше был».

Предпринятые пограничниками беспрецедентные меры по усилению охраны границы, особенно в ночное время суток, заставляли местных жителей искать новые пути спасения – перебежчики порой шли на от- кровенные диверсии и провокации.

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Римаши.

«Перебегали, даже некоторые из них что в деревне нарочно подпа- лят, каб люди все сбегались тушить, а сами за границу уезжали. Это Белик переезжали. Колхозное уже что подожгут, а туда уже весь народ бежит. Часовые сбегаются на пожар. Тогда они смело переезжают. Всей семьей съехали».

Савицкий Леопольд Иванович, 1918 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Шайтеровский с/с, дер. Жигули.

«С нашей деревни один убегал. У него семья была: он, жена и тро детей. Он как-то поехал в этот Верхнедвинск. Это тогда местечко было городишко Дриса. И потом рассказывали. Я сам, конечно, не видел. Верхнедвинск по самой Двине идет. А граница шла по середине Двины. Он пошел вроде покупаться (1930 г. – **Авт.**). Купались, когда уже з

средину, то тут уже пограничники кричали: «Нельзя туда!» – и сразу предупреждали: «Далеко особо не заплывайте!» Ён разделся, остался только в одних трусах. И поплыл, и поплыл, и поплыл. Уже стал подплы- вать к границе. Пограничники зашумели: «Возвращайся!» А он на это не обращал внимания, поплыл. Переплыл на ту сторону. Там его сразу встре- тили польские пограничники. Он вышел и помахал рукой на эту сторону. И туда подался – там хутор недалеко. Повели его к хутору. Нельзя было сказать, что особо кулак, но более-менее был зажиточный. В скорости его семью тоже выслали из деревни».

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Язвины.

«Жил лесник тут у нас, фамилия Былина. И, стало быть, в колхоз уже люди заявления подают. Прямо приезжает, понимаешь, какой-то чело- век – и собрание. На собрание люди повинны явиться, каждый хозяин. Стало быть, что, а этот Былина, лесник, правда, неплохо жил. Будынок около этого леса. Ён заявление тоже подал. Ждал, когда его будут при- нимать в колхоз этот. И вот, он должен был посеять лен. После обеда запрягает коня. Садится, сын, берет борону, берет там насенне – этот лен сеять. Кроме заставы нельзя им никуда проехать, только через зас- таву. Подъезжают к заставе, а тут на куполе часовой, машет рукой: «Стой!» Стало быть, он: «Сейчас, – говорит, – придет начальник заста- вы, ожидай тут!» Этот Былина стоит. Выходит начальник заставы. На- чальник заставы, помню добра, Черемных фамилия. «Куда, Былина, едешь?» – «Знаете что, товарищ начальник, я, – говорит, – еду лен се- ять». – «А что это?» – «Насенне у меня, вот борона, – говорит, – вот сын и я. Он будет бороновать, а я буду сеять». Стало быть, жонка еще дома осталася и две коровы. Ён проехал под проволоку, на эту полосу, и зараз сын распрягает коня, запряг в эту борону и боронуе, а он сеет. Стало быть, что этот Былина, сын его Михась назывался. Мать еще должна ж прийти сюда. Вот мать иде, несет мешочек невеликий. Часовой: «Стой!» Орет на мать: «Куда ты, мать?» – «Мне, – говорит, – треба. Несу, сынок, семени им не хватит, еще семени досеять». Ён говорит: «А вот началь- ник выйдет». Выходит опять начальник заставы: «Мать, куда?» – «А вот несу семени, у них не хватает еще посеять. Мало взяли». Он зараз это самое: «Ну, иди». Тые два: он и муж. Уже вас втроем там. Она подходит.

Зараз этот Михась за топор, запряг коня, разрубил проволоку. Проволока раскатилась, мать – на воз. Поляки два приходят, за их – и поехали разом. А эти самые наши уже не имеют права стрелять. А второго сына – назывался Витя Былина – стало быть, его в Архангельск заперли. Он тоже долго в Архангельске был. С Архангельска пришел, границу перешел и попал в Несвижскую тюрьму. Его тут ухватили, но потом все равно пустили его в Польшу. Там батька и сын, и мать. Так-то перешел, сумел ведь хлопец. Но все равно в Несвижскую тюрьму попал, поляки посадили. А ушел старый Былина в этом году, як была коллективизация. Человек решил, бросил все свое. Рад он этому был – утечи. Наградили его. Был уже он там, на Полесье, тоже лесником, в Беловежской пуще. Знали, передают люди. Деревня была Велики. Был пикет еще, солдаты не на заставе стояли, а просто пикет. И уже при колхозе этом самом, як колхоз организовался. Собирали збожжа, жито, а солдаты стояли – два в кустах. Вы знаете, в этой деревне Велики, ее-то уже нема, ее знищили – и все. Ля границы соломы скирду наклали. И один человек – Главинский фамилия. У этого Главинского, вы знаете, два сына было. Один сын носил почту через Язвино и в Велики, Бронюсь назывался. А батька, уже, конечно – як бы утечи через границу этим временем. Подпалили стог соломы, люди тушить прибегли. А он – пара коней в краковские хомуты и через границу поехал ночью. И сегодня там. Этих хомутов краковских и сегодня нема. А одна баба захотела за границу. Ночью. Недалеко там речка текла, дрыгва. Это с Велик, что казал, уехал Главинский, она была. Так с испугу дитя оставила в коляске. Певня схватила и полетела через проволоку. Перепутала...»

Нередко помощь в переходах оказывали представители местной власти.

Король Анастасия Павловна, 1906 г. рожд.

Узденский район, Семеновский (Стальбовщинский) с/с, дер. Подъельники.

«Стали уже высылать (весна 1930 г. – **Авт.**). Нас выслал вредитель, офицер царский. Ён кулаков всех за границу отправил – из Подсадского был. Ён давно председателем был некоего сельсовета, дак ён что хотел, то и рабил. По сельсовету отправлял за границу. Ему уже дали количество кулаков. Ён уже их поотправлял. А нас, красноармейскую семью, схватил за место, прямо нахалом».

Труднее было перейти границу, если крестьянин жил в соседнем сельсовете. Приходилось проводить целые многоходовые операции, в которых участвовала почти вся родня.

Круц Мария Геркульяновна, 1914 г. рожд.

Логойский район, Гайнинский с/с, дер. Домаши.

«А лошади у нас были очень хорошие, племенные, и брата старшие два: Онуфрий и Антон. С третьего, а этот – с десятого. Один сказал: «Мы не поедем на Север!» Уже знали, уже высылали в 30-м году зимой. Две лошади у нас очень хорошо были, верхом. И вы знаете, не без помощи пограничников. Много переходили границу. Тут в Фаниполе была недалеко граница. И вот братья с теми людьми связались. Они знали, где, когда охрана, и они пересказали. А лошади хорошие две, а третьего брата не взяли. Третья лошадь плохая была. Те такие породистые – страшно ездить на них было. Мы особенно и боялись ехать. А они такие были виртуозы. Они ускакали осенью, такая была буря страшная. Назначили им те, кто жил на границе, друзья. И такая пошла буря, дождь, град. И они от сестры этой, которая бедная была, муж такой, что у него земли не было. Но он очень был такой талантливый, шил сапоги. Они неплохо жили. Так от нас ускакали на Фаниполь. Сестра в Домашах жила, только хутор тут больше. Так я пошла братьев провожать, прощаться с ними, туда, к сестре. Так вы знаете, этот брат, который утопился, так пел все, а этот плакал. А этот так плакал! И вот мы все – и сестра, и шурин этот плакал. Хороший был и провожал их. Они ускакали; верно, в 11 ти в 12 часов ночи. Лошади ладные были. Никто не знал. Только оставили письмо, чтобы я барышням разнесла. И вы знаете, у меньшего, Антона, девушка – не жена, а пришла. Она тоже перешла границу».

Искрицкий Иосиф Игнатьевич, 1910 г. рожд.

Солигорский (Старобинский) район, Старобинский с/с, дер. Кавшицы.

«Нас мать отправила в Польшу. Перед этим забрали отца за невыполнение плана. Забрали – и в Архангельск. Там погиб. Высылали та-

ких. Нам сказали собраться, чтобы были уже готовы к высылке. Тогда пришел наш наставник и сказал: «Что будет, как я вас туда не отправлю?» Наставник был Молибожка. Никто за нас не заступился – он заступился. Уже хату забрали, все забрали, уже выгребли. Живи як хочешь. Нам сказали сегодня: «Готовьтесь, завтра поедете». И других людей, соседей. Так те поехали, а за нас заступился наставник. Семья осталась, но мы с братом были уже в Польше. Это был 31-й год. А нас мать наперед отправила, побоялась. Думала, что пропадем. Мать сказала, что могут нас забрать: «Идите в Польшу, побудьте там пока...» Думалось «пока», а оказалось надолго. Граница недалеко, около Величкович. У нас жила сестра в Ровецком Лесу. Она уже померла. Это деревня Ровецкий Лес. Это старшая сестра, ее звали Оля. Собрала и отправила к соседям, не к сестре. В Польшу к дяде отправила. Проводник провел и отправил. Там было на болоте организовано, от снега, таял снег. Зимой замерзло оно. Проводник был, проводил, сказал: «Пойдсте туда, там живут люди». Мы вдвоем, никто не провожал. Мать отправила в другую деревню. Пришла, сказала: «Идите, он вас там заберет, заведет до границы». Мужчина зашел к сестре, забрал нас и повел. Не знали его фамилию. Там болото было, сено было. Стоги были. Мы в Польше зашли в деревню и зашли в квартиру. Не арестовывали. Зашли в Людвиково. У нас был «кордон», у них «стражница». Забрали и отправили. Перед этим допросили и отправили в Лунинец. Нас двоих».

Особенно невероятными кажутся переходы целых семей из глубинных районов республики. Немыслимые и страшные приключения обрушивались на этих людей, у которых было одно желание – поскорее дойти до спасительной границы. Идти приходилось ночами, по нескольку дней кряду. Расстояния преодолевали в несколько десятков километров, а то и все 80, как в описанном случае, а за плечами у хозяев – их семьи: жены и куча детей мал мала меньше...

Кудерко Исак Лукьянович, 1914 г. рожд.

Лепельский (Холопинский) район, Краснолукский с/с, дер. Дубовый Лог.

«Две семьи, понимаете, убегали. Коня, значит, бросили, а сами пошли через границу. Фамилия той семьи Шевченко, а моя – Кудерко. Шевченко тоже с Дубового Лога. У них большая семья когда-то была, но потом они разъехались. Еще живут его дети, в Борисове живет один, второй – где-то в Смоленске. Они младше меня... Мы были хлеборобы, землю пахали. Все остальные братья были младшие... Убегали весной 30-го. 10 классов закончил в Борисове. У Шевченко муж и жена, и детей – четыре человека. Мы были, как кулаки, понимаете, нас не выслали, только забрали имущество. Раскулачили, и потом вот это нас заставило уйти оттудова. У нас было 5 коней, коров было 8. Мы жили с конца деревни... Мы были уехавши. Отец уехал в Сибирь. Вообще, был брат в Сибири, он был сосланный и работал в сельсовете. Я помню, что мы приехали к брату, нам он сделал документы, и мы уехали в Россию, в город Моршанск. Там у нас какой-то родственник был. Это когда раскулачили. До Моршанска доехали и потом, значит, в этот Дубовый Лог, где я родился. Туда приехали. Тихо, чтобы никто не заметил. Доехали до станции Крупки. Договорились – такой Шевченко, у него лошадь была. Он с Дубового Лога... Когда раскулачивали, мы уехали в Сибирь: отец и я. С отцом я, вдвоем только. А эти – дети и мать – остались, тут жили, в Дубовом Логу. Мы, не знаю, сколько пожили – зиму в Сибири. А потом, когда весна стала, поехали в Моршанск. Побыли, а потом приехали в Дубовый Лог обратно. Вышли с Крупок, шли пешком, втихую... Все прятались, понимая, чтобы не схватили. Пришли домой, и потом ушли две семьи, ушли через границу, вот. Это каких-то 80 километров до границы. С этим Шевченко, у него была лошадь еще. А у нас уже ничего не было. Взяли лошадь, договорились и уехали. Помню, что отец пошел попрощаться с мертвыми на кладбище... Дорогой ехали, лошадь взяли, потому что малые дети были, на телеге. Здесь вот Бегомль, еще какие-то деревни. Дошли мы до реки Поня, есть такая. Это не доходя Бегомля, если со стороны Докшиц идти. Дошли до Пони, оставили лошадь и телегу. И дальше пошли. Пешком. Нас было 10 человек, и второй семьи 7 человек. Дети малые были. Сейчас моя сестра и брат – они врачами работают в Польше. Брат был с 30-го, совсем маленький. А мне было 16, когда переходили границу, пешком пошли. Деревня Комайск. Это уже в Польше ночью переходили... Я помню, на лошади «большевик» – так мы звали. Ехал. Мы попрятались на кладбище. Ехал пограничник быстро, верхом. А мы на кладбище спрятались, положилися. Мы лежали на кладбище. И он проехал, и мы пошли. Пошли в деревню Комайск, она и

теперь есть. Ночью мы прошли, перед рассветом. Мы перешли границу и не знали, граница это или не граница. Мы перешли границу и разложили костер. Это утром было. У нас уже перекусить не было чего... Помнится мне, что на в деревне, в Комайске, кормили деревенские. Это был праздник, кажется, Петра. Так называемого Петра и Павла. Нас взяли пограничники в стражницу. «Стражница» называлась. Взяли в Глубокое. Там штаб батальона польского».

Исход крестьянских семей в Польшу в начале 30-х гг., как правило, происходил в периоды ужесточения массовых репрессий. При этом чем непроходимей считалась территория, опоясываемая лесными массивами и заболоченной местностью, тем безопасней она была для переходов. Основными такими направлениями считались Полесское (Лельчицкий, Туровский и частично Житковичский р-ны) и Лепельское (частично Бегомльский и Ушачский р-ны). Именно здесь перебежчики могли в какой-то степени чувствовать себя в безопасности и совершать переходы по советской территории в несколько десятков километров. И чем дальше граница удалялась от этих направлений, тем проблематичнее было совершить побег.

Что касается общего количества перешедших советско-польскую границу в 1930–33 гг., то оно может колебаться от одной до нескольких тысяч человек. Согласно данным ОГПУ только из Лельчицкого района в Польшу с 1930 г. по 1 июля 1931 г. ушло около 200 хозяев и членов их семей.

Крестьянские семьи, гонимые страхом ссылки и арестами, уходили в соседнюю Польшу. Эти люди не были, как основная масса населения, активны в политической жизни и воспринимали все начинания новой власти как должное. Они хотели просто жить, но, не замечая этого, превращались во врагов строя. Иное дело, когда активный строитель нового общества постепенно разочаровывается в нем и со временем становится изгоем, которому в этом государстве места уже не находится. Жизнь ставит перед ним выбор: или в конечном итоге тюремная решетка, или уход в спасительную Польшу.

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, дер. Веселая (Пузово).

«Семилетку я закончил. А в университет поступить – надо иметь

среднее образование. Семилетка – это не среднее образование. На курсы поступить – это, брат, сложно. Так я поступил в педтехникум. В 28-м поступил. Первый год прямо трудно. Я комсомолец был, по комсомольской работе у меня были нагрузки. В Объединенную белорусскую военную школу ходил раз в неделю, политграмоту читал. 20 рублей стипендия. Обед самый такой дежурный стоил 50 копеек. А на 30 дней – 15 рублей. Это обед только. А завтрак? А ужин? Еще что-то купить. Учебников – никаких. Сам, откуда хочешь, бери. Пойдешь в библиотеку, там уже все места заняты. Стой, значит, пока не освободится. Вот начали колхозы строить в Пузове. В это время я в Минске учился. Когда мы уезжали на каникулы из техникума, нам сказали, что не вступим в колхоз — стипендии не будет. Это было с 29-го на 30-й год. В колхоз у нас в деревне никто не вступил. Мы учились вместе с двоюродным братом. Тоже Кулешом звали, Иваном. Отец не вступил в колхоз, не было колхоза. А Ивану Кулешу дали справку, что он в колхозе. Уже приезжаем туда, не в колхозе – значит, только 10 рублей. С дому в Минск никакой транспорт не ходит, да и посылать нечего было. Очень бедно жили. Дома. Так я два месяца держался, а потом заболел. Начала болеть голова. Я пошел к врачу. Сказали – в общем, истощение. На 10 рублях много не выдержишь. Потом там субботник делали, и потом каждый субботник и воскресник ходили. В общем, я с комсомолом не поладил. Там вышло так, что я выступил против. На субботнике, на стройке цемент возить вагонетками девчат поставили. А руководитель был, значит, один-другой, из старших курсов. Щепки носить поставили здоровых мужчин, а сами ходят руки в карманах. А они должны тоже принимать участие. Я тоже на щепках был. Вагонетка слетела. Девчата ничего не могут сделать. Я бросил, все сказал и пошел помогать девчатам. Так они: «Почему ты нарушил?» Все были на собрании, а я вышел и их отчистил. На общем собрании меня исключили из комсомола и еще поставили вопрос перед педсоветом исключить из техникума. Я видел то неравноправие. Мы получаем стипендию в общежитии 20 рублей и не знаем, что в первую очередь купить. А эти, фамилию забыл, сынки энкаведистов, они что хотели, то и делали. Им ставили отметки, жонка учителя, партийные работники. Один кажа: «Ха, ха, у меня 20 рублей только на „Нашу марку" уходит». Папиросы это такие хорошие, в коробках. А как я проживал на 10 рублей? Тогда была нехватка учителей. Брали, значит,

даже с семилетки. Так я подумал и пошел. Тогда было такое время, что в Наркомпрос – пожалуйста, заходи без всяких. Я пошел в Наркомпрос, и была там женщина. Говорю: так и так, не хочу в техникуме. Тогда я уже был на 2-м курсе. Я уже заканчивал. Говорю: «Пошлите меня, если есть у вас место, учителем». Она говорит: «Надо спросить, будут ли согласны в техникуме». Я говорю: «Где вы что будете спрашивать – посылайте». В общем, уговорил ее. И поехал я в Березинский район, деревня Шаверничи. У меня не было одежды такой верхней. Брат родной мне полушубок подарил, в Негорелом тогда работал в таможне. Я лежал как раз в общежитии, спал – подлезли, открыли окно и сняли с меня полушубок. Так я был голым. Не было в чем ехать, так я взял у друга куртку, старую одежду, у Ивана Кулеша. Поехал я туда. Село Шаверничи – три улицы. Кругом болото. От Дмитриевского сельсовета 7 километров. Двухкомнатная школа, 4 класса. Учитель и учительница. Но там такие плохие условия — хлеба нет. Так она кинула, а я уже на е месте остался. В начале ноября я туда приехал. Березина проходит, потом лес, как тайга. Там лесозаготовки производили, и там была контора. Контора Лесбела, и там я питался. Завтрак и обед – 20 рублей, учитель 40 рублей получал. Была комиссия, учителей проверяли. Меня тоже. Приняли удовлетворительно. А детей на экскурсии в лес водил. Площадку спортивную сделал. Играл с ними. Я любил спорт, а мне что ж, было 20 лет, молодой. Стал хорошо работать. Написал письмо этому Ивану Кулешу, что мне куртку отдал. Написал, что так и так. Подходит май месяц 30-го года. А там по селу шмон делали. Это, может, кто схавал зерно. В ульях хавали. Была специальная районная комиссия. У нас забирали учителей. Экспроприацию делали. Я один раз сходил. Мне стыдно стало. Нашли, не нашли – все равно ходили искать. Дети ихние у меня учатся, а я грабежом занимаюсь. Я плюнул и был таков. Второй раз приходили. Я сказал: «Я не грабитель, я учитель». Экспроприация – это ж грабеж. Так вот сказал и пошел. Этой вот комиссии. А еще один раз, уже перед самой Пасхой, это в Дмитриевичах, в сельсовете. Там школа. И туда пособирали всех учителей. А я на гитаре играл, я с гитарой пришел. Значит, вечер – там концерт. Делать все, чтобы отвлечь, чтоб не шли в церковь люди, а чтоб шли туда. Сами устроили так: во тут дорога шла. Тут была школа, это клуб был. А там, в лесу, на болоте стояло два стога сена, а уже сельсовет – все туды, дальше. А церко

была как раз насередине между теми и теми, когда уже началась всенощная. В Таверничах только три улицы, а там целый район собрался. Каждый нес с собой это все. И пораскладывали на дороге, на улице и везде – в церкви не вмещалось. Они что зрабили – пожарная приготовилась. А там, внизу, запалили два стога сена. Сами запалили, чтобы сделать пожар. Сделали пожар. Вся пожарная на лошадях – прямо на улице. А там все было заставлено. Люди як шарахнулися, як начали разбегаться кто куды. Устроили, чтоб сорвать это. А там был концерт. Никто не пришел, мы там сидели, и я завернулся да пошел. Но я хоть не религиозный, но это ж никуда не годится. Первого мая утром прихожу. Дают постановление: «За идеологическую невыдержанность и политическую близорукость снимаем Вас с работы». Коротко и ясно. Так учитель, который привез, кажет: «Ужс пришло раньше, но я ездил в Минск, хотел, чтобы до конца года поработали. Ни в какую». Это все из-за того, что я написал письмо брату. Комсомол узнал, так не знали, где я, и сделал. Я сейчас собрался и поехал. Заехал в Минск, в общежитие. Брату его куртку привез. Там еще ж были у меня деньги, трохи было. Четырех самых близких повел в ресторан. Заказал всем первое и второе. И на первое мая я на демонстрации был. Иду на демонстрации, и кто-то мне знамя в руки дал. Хожу со знаменем. Увидел один из этих «боссов», подошел, у меня из рук берет и передает. Рассчитал я, что денег мне хватит до Слуцка. В Слуцк я приехал. Вещички какие есть. Мне подсказали, что балаголы есть. Со Слуцка до Тимкович пешком шел, а они вещи довезли. Дома ничего я не сказал. Спросили: «Почему раньше?» Кажу: «Там закончили курсы раньше». Это май месяц. В деревне уже выслали одного несправедливо. Я стал возмущаться: «Пойду в политотдел и расскажу, законно вы сделали ти незаконно». Семья 20 душ. Из них трудоспособных только пятеро. Остальные несовершеннолетние. Законно это или нет?! В то время уже началось: если два человека подписали, что ты мешаешь коллективизацию делать – тебе все. Одного такого Крицкого взяли. Он два года в Архангельске где-то побыл. Потом пришел, побег. Потом еще раз взяли. Молодой такой. Кому-то мешал. И я почувствовал – это за мной нависает. Меня не потерпят здесь. А граница была в Пузово с нашей стороны, а Касюты – в Польше. Между ними канава – граница, а с двух сторон луг. Из Пузова выйдут бабы в огород, там выйдут тоже в огород – и начинают: «Марья, вот тая и тая

вышла замуж, а тая родила». Близко. Первого августа 30-го года пош
косить на сенокос. Наши и оттудова, из Польши. А граница была
канава, проволочные заграждения с той стороны, с польской. Я в како
то тумане ходил, как вот нависало что-то. Батька говорит: «Ты пойдеш
на делянки косить, а я пойду пахать». Я говорю: «Хорошо». Пошел
Пограничник – через каждые полтора километра. Подошел ко мне. По
здоровался, закурить дал. Нияких не было разрешений. Приходили и ко
сили. Сидят люди возле границы, возле канавы. Я говорю: «Отойдит
вы, потому что я границу буду переходить». Чтоб не были близко, что
на них не имели дела. А я – через канаву, канава сухая была. Переле
поднял проволочное заграждение и вышел в лес. А там косили тож
люди. Мне в голове закружилось. Вроде я во сне это делаю. Я лег
траве, на польской стороне полежал. Потом встал. Гляжу – стоит погр
ничник, где косили. Я и пошел прямо на него. Прихожу. Кажу: «Ден
добрый, пан». – «День добрый, цо поешь?» Это: что скажешь? Он нич
го не видел. Кажу: «Это я из-за границы перешел». – «Постой тут, обо
ди». У них – по два, у нас по одному, а у них по два ходят. Этот стоит,
другой пошел в село где-то. У них тоже застава польская. Остался во
один тут и я. Как ему вести – бросить границу. Так он: «Ты постой, а
пойду и скоро буду». Я стою, стою. Оттуда глядят. Я ни часового наш
го нигде не видел. Если переходить границу, то по польской стороне стр
ляют до тех пор, пока видно его. За километр – если видно. Я сам виде
как по одному стреляли. Он ползал, стреляли и не попали. Стою. Пото
приходят вдвоем: «Пошли». Этот остался, а той повел меня. У них п
иному. У нас застава, а у них это близко такой штаб. Меня сначала зав
ли в маленький домик – и давай расспрашивать».

Не обошли побеги и подразделения Красной Армии, которая на 90 пр
центов состояла из крестьян. Только достаточная удаленность част
от границы предотвратила массовые переходы красноармейцев за ко
дон. Известна попытка дезертирства, для пресечения которой пришло
провести целую войсковую операцию с применением различных сил
средств. Официальная история туманно описывает данный эпизод, к
торый произошел не то в 30-м, не то в 31-м г. (в зависимости от источн
ка) и коренным образом повлияло как на реорганизацию системы охр
ны в приграничье, так и на саму структуру комплектования Красн

Армии. Операция, проведенная силами УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа, являлась самой массовой за период с конца 1927 по 1939 гг. включительно. К ее участию было привлечено несколько сот пограничников и бойцов ГПУ, а также до тысячи местных жителей.

Началось все после того, как из воинской части Красной Армии дезертировали несколько военнослужащих. Согласно воспоминаниям Е. Колубовича, в одном территориальном пехотном полку, расквартированном в Слуцке и состоявшем преимущественно из белорусов, ГПУ была раскрыта подпольная войсковая организация, во главе которой стоял ротный командир П. Лютько, родом из деревни Процевичи Слуцкого района. Он после окончания Минской Объединенной белорусской войсковой школы им. ЦИК БССР был направлен на должность командира роты в данный полк. В разгар высылок Лютько организовал группу, в которую входили его товарищи.

Согласно плану, они намеревались поднять свою роту в Слуцке на восстание. Предполагалось, что их поддержат другие роты полка и местные крестьяне. Но попытка организовать выступление на Слутчине провалилась из-за предательства. Как только об этом стало известно П. Лютько, он с ближайшим другом, старшиной его роты, хорошо вооружившись, попытались перейти в Польшу. У самой границы их настигли пограничники и оперативники ГПУ. Во время перестрелки П. Лютько был убит, а старшина тяжело ранен, задержан и после допросов – расстрелян. Судьба остальных арестованных осталась неизвестной. Рассказал (октябрь–ноябрь 1930 г. – **Авт.**) об этом событии Е. Колубовичу «польский шпион», случанин, студент Минского Белпедтехникума Жуковский, с которым тот ехал в одном вагоне в лагерь.

Официальная версия этого события в истории пограничных войск несколько иная. В книге «Дозорные западных рубежей», изданной в Киеве в 1972 г., этот эпизод описывается так:

«Нередко приходилось пограничникам Белоруссии вступать в схватки с вооруженными бандами, вести борьбу с контрреволюционными кулацкими элементами. Так, в июне 1931 г. вновь появился на границе главарь ранее разбитой банды Лютько. В первом же столкновении с пограничниками его банда была разгромлена, и атаману пришлось спасаться бегством. В преследовании и уничтожении остатков банды особенно отличились пограничники Тимковичского отряда – начальник заставы А. П. Мочалов, отде-

ленный командир Н. В. Сема и боец П. Д. Могирев. За проявленное муже-
ство и отвагу они были награждены орденом Красной Звезды».

На самом деле все происходило иначе. Из УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа в Тимковичский отряд поступило срочное сообще-ние. В нем говорилось, что предположительно на левом фланге отряда со стороны Слуцка, трое неизвестных, вооруженных ручным пулеме-том, гранатами и револьверами, попытаются уйти в Польшу. Минск тре-бовал немедленно организовать перехват этих людей. При этом не скры-валось, что они достаточно подготовлены, досконально знают маршру движения, знакомы с местностью, имеют необходимое количество про-дуктов и боеприпасов. Особо отмечалось, что в случае боевого столк-новения неизвестные окажут отчаянное сопротивление.

Командование Тимковичского отряда немедленно приступило к подго-товке операции. Начиная с дальних подступов к границе, все население приграничной зоне было предупреждено о возможном появлении в их насе-ленных пунктах неизвестных вооруженных «преступников». Это незаме-дительно дало свои результаты: кто-то слышал разговор, кто-то видел сле-ды и подозрительных людей. Таким образом было подтверждено сообще-ние о нахождении беглецов в предполагаемом районе. Неожиданно для се-командование отряда столкнулось с трудностями организационного хара-тера. Количества личного состава, имевшегося в наличии, было явно недо-статочно для прочесывания местности. К тому же тылы участка лево-фланговой комендатуры пограничники застав знали слабо. В их служебны обязанности входила только охрана ближайших подступов к границе. Сроч-но в помощь было привлечено население приграничных деревень. Не бе содействия местного актива была проведена мобилизация мужского насе-ления всех возрастов из Новогорских хуторов, деревень Ананичи, Заболо-тье и ряда других населенных пунктов. Из старожилов, хорошо знающи местность, были созданы небольшие поисковые группы. Их разместили п тыловым участкам застав. Круглые сутки проходило патрулирование до-рог, соединявших населенные пункты. Были взяты под охрану места наибо-лее вероятного появления неизвестных. Крестьяне из числа бывших парти-зан в качестве доверенных людей были разосланы на хутора, располаг-вшиеся в глухих местах. Любая более-менее значимая информация неме-ленно передавалась на заставы, а оттуда – в отряд.

Но местные жители не являлись, по разумению командования отр

да, надежным щитом против проникновения беглецов в приграничье, поэтому на усиление правофланговой комендатуры были направлены подразделения войск ОГПУ и стрелковой части Красной Армии. Они организовали прикрытие дорог от линии границ в глубоком тылу, блокировали перекрестки и подступы к крупным населенным пунктам. Была организована настоящая облава.

В это время беглецы, двое суток назад оставившие свою воинскую часть, незаметно двигались по направлению к границе. Сотрудникам ГПУ удалось выйти на их след совершенно случайно. Из агентурных данных стало известно, что они ночевали в деревне Новины на чердаке одного из домов. К этому часу военнослужащие знали, что за ними организована погоня. Но до границы было рукой подать. Информация о появлении беглецов в Новинах стала известна на ближайших заставах.

Все эти дни заставы находились в повышенной степени боевой готовности. Наряды были увеличены до трех-четырех человек. Смены не проводились сутками. Пограничники отдыхали прямо на месте по очереди. Пища в дозор доставлялась два раза в день: утром и вечером. На заставе оставались дежурный командир, два пограничника, из которых один был поваром, и командирские жены. Военнослужащие посменно охраняли заставу и принимали сигналы. На границе было сделано все возможное для предотвращения перехода.

Лишь на пятые сутки поиска колхознику из деревни Горки удалось обнаружить в лесу трех неизвестных. Срочно в том направлении была выслана усиленная поисковая группа в составе оперативников ГПУ, пограничников и колхозников-старожилов. Беглецы, словно предчувствуя неладное, сменили место стоянки, и группа вернулась ни с чем. Части пограничной охраны продолжали находиться в напряжении. Только на девятый день в кустах лозняка вблизи линии границы, проходившей по реке Морочь, пастух деревни Новогорки заметил стоявшего на коленях человека с приставленным к глазам биноклем. Он тут же сообщил о случившемся в сельсовет и побежал на заставу.

Берега Морочи на этом направлении были сплошь болотистыми, труднопроходимыми. Опытный начальник заставы Мочалов хорошо знал свой участок, но даже он не ожидал появления беглецов на этом направлении, так близко от пограничной заставы. Плотность населения приграничной полосы была здесь значительно выше, чем в районе других застав, рас-

положенных на островах заболоченного Полесья. Жили здесь бывшие партизаны, составлявшие ядро актива заставы. Крестьяне близлежащей деревни Новогорки в полном составе вступили в колхоз. Антисоветски настроенного населения за эти годы выявлено не было. Но об этом беглецы и не подозревали, поэтому не знали, что забрели на самый надежный и потому менее охраняемый участок границы. Появление незнакомцев именно здесь для всех стало полной неожиданностью.

Мочалов поднял пограничников по тревоге. Пастух повел поисковую группу кратчайшим путем. Было принято решение окружить кусты. Неизвестно, как сложилась бы операция, если бы Лютько в этот момент не предали второй раз. Первый раз это произошло, когда кто-то из сослуживцев донес о существовании подпольной организации, второй – когда его товарищ, увидев приближающихся пограничников, вышел из лозняка и поднял руки. Он словно ждал их. Сразу сообщил, что двое других спят невдалеке, а его выставили часовым до наступления темноты. Не исключено, что этот человек специально показался перед пастухом с биноклем так, что тот просто не мог его не заметить.

Разговоры и шум разбудили двоих спавших. Спросонья они еще толком ничего не могли понять, но уже знали точно – их обнаружили. По заранее существовавшему договору они решили не сдаваться живыми. Разгорелся настоящий бой. Беглецы были окружены, но дрались отчаянно. Лютько установил на пне ручной пулемет и вел огонь по подходам к лозняку. В перестрелке его ранило в ногу. Видя всю бесполезность сопротивления, комроты покончил с собой, выстрелив из револьвера себе в висок. Его товарищ, отстреливаясь из нагана, пытался добраться до пулемета, но был убит наповал. Уже на допросе третий, предавший их, показал, что той ночью они должны были перейти границу. Боевое столкновение для пограничников прошло без потерь. Были захвачены трофеи: ручной пулемет, три пистолета, гранаты, много патронов.

За успешно проведенную операцию трое пограничников, непосредственно участвовавших в бою, – А. Мочалов, Н. Сема и П. Могирев – были награждены орденами Красной Звезды. Приказом полномочного представительства ОГПУ по Беларуси большая группа командиров и колхозников была отмечена Почетными грамотами и ценными подарками. Колхозу пограничной деревни в качестве поощрения был выделен комплект сельскохозяйственных машин.

Дезертирство из Красной Армии продолжалось. Хотя это были единичные случаи, командование пограничной охраны жестко реагировало на каждый такой инцидент. Близкие родственники бежавшего военнослужащего сурово наказывались: мужчины немедленно арестовывались, получали сроки и этапировались в лагеря, все остальные – высылались.

Фомина (Носевич) Елена Леонтьевна, 1916 г. рожд.

Копыльский район, Великораевский с/с, дер. Малая Раевка.

«Вышла замуж, 18 еще полностью не было. Отец не хотел, чтоб я за него выходила. А я что – дитя. В сельсовете не захотели расписывать, але знакомый уже сосед был председатель. Ума еще никакого не было. Уже я пошла в той сельсовет. Отец приехал с лесу – узнал, что в сельсовет пошла расписываться. Ой, плакал, бедный. За Федоровича вышла. До колхоза мельница у них была. Як я вышла замуж, ни мельницы, ничего не было. Я замужем прожила с ним 11 месяцев, и пришлось отстрадать. Он был с 12-го года, а я с 16-го. Дурость была, влюбилась. Вот старшего брата взяли в армию, до мене пошел. Он перелетел за границу. Черт его знает, чего он ушел с армии. Вот за это и мне пришлось страдать. Приехали и забрали. Не одного, тады много забрали. Забрали мужа. Отец жил с младшим братом. Матери не было. Втроих хлопцы жили, сестры были замужем. Мне 18 было – молодая, легко справлялась. Какое там уже хозяйство было в колхозе? Арестовали (1934 г. – Авт.). Приехали с погранотряда и забрали с младшим братом. Я осталась одна. Была в положении. Хотя одна. Я думала – младшего брата отпустят. Потом дочка родилась. Прожила там трохи. Тетка помогала. У него в хате жила. Меня оттуль высылали. Было дочке 11 месяцев».

Командование Красной Армии подобные факты еще раз убедили в неблагонадежности частей, сформированных по территориальному признаку, куда призывалось население из близлежащих населенных пунктов. После этого основной упор стал делаться на кадровые войска, которые отличались лучшим подбором командного состава и дисциплиной.

Небольшой всплеск уходов в соседнюю Польшу отмечается в 1933–34 гг. Как докладывал в ЦК КП(б)Б Начальник УПО и ВОГПУ ПП по БССР Радин: «В связи с рядом мероприятий, проведенных за последнее время правительством в приграничных районах Белоруссии, как,

например, очистка колхозов от кулацкого и враждебного элемента, паспортизация в 100-километровой пограничной зоне, а также репресии в отношении кулацкого элемента, который саботирует хозяйственно-политические кампании – усилились эмигрантские настроения и попытки со стороны антисоветского и контрреволюционного элемента нелегального исхода за кордон, особенно среди той части, которая имеет там родню». Побеги фиксировались по всему белорусскому пограничью, однако наибольший размах они получили в Житковичском, Туровском и Дрисенском районах. Крестьяне скрытно продавали имущество в обмен на золото, а за кордон переходили «налегке». Руководитель пограничной охраны отмечал, что в Логойском и частью Заславском районах распространяются слухи, что весной 1934 г. все население белорусско-польского приграничья будет выселяться вглубь республики. Поэтому как только над кем-то сгущались тучи, люди бросали все и переходили в Польшу.

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский с/с, хутор Абрагимовичи.

«Семья с нашего хутора убежала. Фамилия их Скритуцкий. Это уже было в этом, в 33-м. То есть отца тоже уже моего не было, ни дядьки не было. Эта семья, наутро встаем – нету людей уже. Взяли только, что в руки. А так и скот остался, и коровы остались. Там уже кабанчик какой. А так что в руки взяли и ушли в Польшу. Весной. У них было двое детей и старуха, четыре души было. Никто не приезжал. Скота тогда забрали в совхоз, а совхоз – это было подсобное хозяйство от погранотряда Плещеницкого. Одна семья, одна перешла, а так не слышно было».

Лейчинский Дмитрий Петрович, 1914 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Мястовский с/с, дер. Хабарово.

«Убежали, но это гораздо позже... Я знал только, когда уже отвоевался, приехал на родину. Вот тогда это все мне рассказали. Убежала одна семья. Фамилия Голосуй, Федор, отчество, конечно, не помню. Сыновей у него не было. У него было три или четыре дочери в нашей деревне. У этого Федора была приезжая швагерка, и ей дали земельный участок за счет леса, за счет лесхозной земли. Так вот, этот Федор взял эту швагерку с детьми, мужа не было у ней. Не помню, один ребенок или два – дети были, видимо, двое. И еще был примака так называемый. Значит, этому примаку брат сестры, которая взяла примаку, выделил один гектар земли, по рассказу. Так вот, этот Федор забрал швагерку, забрал вот этого примаку, и они ушли. Еще ж не все... У Федора было, я сказал, три или четыре дочки. За старшей дочкой из соседней деревни ухаживал парень. Пошла невеста, пошел и жених. Вот так... Зимой они перешли. Дом Федора был каких-нибудь 20 метров от реки... Видимо, в 33-м году они перешли. Мне впоследствии рассказывал житель Верхнедвинска (Дрисы), он и сейчас живет, что вроде пять семей ушло. Я знаю только о трех. Федор Голосуй, ягоная швагерка и человек, называли примаком, кажется, звали его Михаил, фамилию не знаю».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище. Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«С самих Калачей Борисевичи, два брата, убежали. Мы же принимали хозяйство это все оставшееся. Начальник заставы позвонил, что такое и такое дело, Борисевичи убежали, позвонил в сельсовет. Борисевичи бежали в 32-м, или может даже позже – в 33-м. А с села Понедельковщины Мирковские убежали, сколько их там было. Все убежали. Там хутор такой между Мышицами, и от заставы километр, километр от заставы жили. Мирковские все забрали, и скот. А эти, Борисевичи – нет. Все, что было, оставили. Только что одели на себя – и все, ушли с этим. Коровы, кони – это осталось все. Их два брата. Коровы, две лошади, коров, может быть, по две было. Они еще не были колхозниками. Бежали, потому что в колхоз гнали. Они и ушли. Это далеко от сельсовета. Но я знаю, что председатель поехал, принял все хозяйство, это колхозу передали. Помещения все остались в колхозе. Семья у него была большая. Они вообще жили неплохо. Они ночью ушли. Граница была близко – 500 метров. Лошадей не запрягали в телеги – шум будет. Там часовые были. Мирковские – другое! Эти совсем на границе жили. Там сколько их три дома, хозяйства. Они все братья, но жили раздельно, хуторками такими. Собрались и ушли. Борисевичи раньше ушли, а Мирковские позже. Последним Туромша ушел. Это все с нашего сельсовета. Мирковские забрали все, а у них – они не богато жили. Постройки – у крестьян было много построек – это все осталось. Мирковские три семьи ушли.

Войцеховский из Кондратовичей – его раскулачили и выслали. Ходили слухи, что деваха, которая была у них, она сбежала туда; перешла эту польскую границу здесь и где-то в Польше вроде там и жила. Потом сказали, что они вроде все перебрались в Литву, в Вильно. Это ходили слухи. Эти побеги – лишняя работа этим чекистам, которые охраняли границу. Сельсовет – это ни при чем. Прозевали – и все. Они все близко жили на границе, каждый день на ней, что им уходить. Мирковский за день мог пять раз сходить и прийти, никто и знать не знал. Полосу стали пахать в 34-м или 35-м, тогда уже было это видно. След был виден».

Если до границы было несколько десятков километров, переход превращался в целую операцию.

Валуева (Стацкевич) Наталия Ивановна, 1914 г. рожд.

Любанский район, Реченский с/с, дер. Дуброво.

«Когда пошли аресты, то у нас пять хлопцев – после поголовного арест всех мужиков их сыны собрались и пошли в Польшу. Там были Ананничи, деревня в этой Польше. Этого Барановского родня жила в этих Ананничах, и там был где-то переход через реку в Польшу. И они как-то связались, эти хлопцы, и вот этих Барановских Мефодий, потом Хотяновского Петрусь, он с моего года, мы вместе учились в школе. Потом Пилькевич Ян, он с 12-го года, старший был. Вот эти пять человек. И еще Рымашевский Николай Петрович. Пошли, бутылку перебросили через реку, связались с Польшей, и им назначили день перехода. Они пришли ночью в эти Ананничи, дядька – не знаю, который дядька – их переправил туда, в Польшу. И они там остались. Вспомнила пятого – Хотяновского Петруся брат, Семен. Это было в июне месяце, потому что 25-го июня день освобождения от белопо ляков праздновала деревня. В это время это все и получилось. Так эти люд пошли за границу. Это было в 34-м, кажется».

Начиная с 1935 г., побеги в Польшу стали более редким явлением, хотя и не прекращались вплоть до 1939 г.

Дудко Вера Николаевна, 1919 г. рожд.

г. Одесса.

«Я жила в деревне Масво (Семежский с/с, Копыльский район. – **Авт.**)

Был у нас австриец, из Австрии, остался от первой войны, женился. И поглядел, что вот такая суматоха, – взял, уехал. Утек, перешел границу и добрался до Австрии. Прислал письмо. Моему батьку прислал, бо они дружили. И батька боялся читать это письмо, он занес на заставу: «Нате, читайте и знайте, что этот самый, он мой друг был. Мы с ним дружили, мы с ним жили. А тут он так зрабил. Я ж не виноват». Убег в 37-м, мусить, году, по-моему. Он же ж жил, семья тут, дети, все на свете. А там, як стали высылать, как стали вот так брать, так он побоялся, что его тоже вышлют. Он убег один. Семья осталась тут. Фамилия Ураблик. Оставил трое детей и женку. А уехал, дак и уехал. Одно письмо прислал, як он туда утек. Он добрался уже до родины, то прислал, что «я уже на родине». Вот и все».

Трудно подсчитать количество семей, покинувших СССР и поселившихся в Польше. В любом случае, это была не одна тысяча... Но не в цифрах дело. Крестьяне, уходя, оставляли все: свою родину, где появились на свет и выросли; свою землю, которая у многих была уже отнята, но в которую они вложили столько своей крови и пота; свои дома, которые сами складывали по бревнышку; своих родных и близких... А в Польше им приходилось начинать все сначала. Местная власть, по возможности, устраивала своих новых граждан. Они становились на ноги и жили, пока в сентябре 1939 г. в Западную Беларусь не вступила Красная Армия. Убежав единожды, второй раз спастись они не смогли. Их арестовывали, присуждали им от 10 лет лагерей до высшей меры включительно, и семьи высселяли. В ходе только одной из четырех массовых депортаций, коснувшихся жителей Западной Беларуси и проведенных органами НКВД с 19 на 20 июня 1941 г., были арестованы и выселены тысячи людей. Вот о чем докладывал в спецсообщении нарком НКВД Л. Цанава в ЦК КП(б)Б 21 июня 1941 г.:

«1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских контрреволюционных организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другой к-р элемент – 2059 чел.

2. Выселено – 22353 души...

В том числе:

...2) членов семей бежавших за границу – 7105 душ...»

ГЛАВА 8

Маховик террора

Часть первая

1929–1931 гг.

УПО и ВОГПУ считались структурным подразделением ОГПУ и полностью от него зависели. Все задачи, которые ставились перед этим ведомством, распространялись и на пограничную охрану. Судебно-процессуальная база для действий в приграничье была получена в 1927 г., когда, ссылаясь на начавшееся обострение классовой борьбы, ЦИК СССР на третьей сессии 25 февраля принял всем известное положение о государственных преступлениях. В него были включены как контрреволюционные, так и иные особо опасные преступления против порядка и управления. Положение ввело дополнительные статьи, предусматривавшие ответственность за антисоветские действия (ст. 11 – об ответственности за участие в заговоре и ст. 14 – за саботаж без контрреволюционных намерений). Положение унифицировало состав контрреволюционной пропаганды и агитации. Теперь в него были включены все возможные формы пропаганды и агитации, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению советской власти. Каралось также изготовление, хранение или распространение литературы того же содержания. В статью об ответственности за сношения с иностранными государствами, кроме цели склонения их к вооруженному вмешательству в дела республики, была добавлена предположительная возможность помощи иностранному государству во время войны. Под эти статьи, при умелом использовании агентурных и свидетельских показаний, мог попасть любой житель приграничной полосы.

Для чисток, начавшихся в приграничье с конца 20-х годов, УПО ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа имело 7 мини-тюрем – по одной при каждом погранотряде. Они представляли из себя одноэтажные отдельно стоящие здания со всей тюремной атрибутикой. Количество камер в каждой из них было от 10 до 20.

Кривонос Антон Иосифович, 1899 г. рожд.

Минский район, Слободской (Лошанский) с/с, дер. Мацки.

«В Заславле (1930 г. – **Авт.**), за переездом он находился, за железной дорогой. Был там такой-то домик, так там были уже сотни людей. Не было места, где сесть. И нас туда».

Кудинович (Якубович) Анна Петровна, 1918 г. рожд.

Житковичский (Туровский) район, дер. Бечанская Буда.

«Так я про тюрьму (Житковичская, 1931 г. – **Авт.**). Только видела, что она была обнесена забором. Проволоку видела на заборе, больше ничего не было видно».

Езерская (Кныш) Анна Степановна, 1913 г. рожд.

Копыльский район, дер. Калиново (Кобыльшицы).

«Послали нас в Тимковичи (1933 г. – **Авт.**), в местную тюрьму. Тогда Копыль был местечком, а Тимковичи – просто деревня была, пограничная полоса рядом. Женщины отдельно. Мужчины – с той стороны, а мы – с этой стороны».

Русак Иван Михайлович, 1916 г. рожд.

Дзержинский район, Путчинский с/с, хутор Горуны.

«И сейчас в машину посадили и поехали в Дзержинск (24 ноября 1935 г. – январь 1936 г. – **Авт.**). Здесь была тюрьма такая деревянная, маленькая. Вот где сейчас на углу магазин, здесь рядом магазин через улицу. На этом месте была тюрьма: деревянная, несколько камер. Четыре камеры, кажется. Малый домик такой».

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Ляховичский с/с, дер. Судники.

«Тюрьма (Дзержинская пограничная тюрьма. – **Авт.**), помню, было клопов много, и два раза – утром чего-то похлебку давали и вечером. И так 10 дней прошло. Никуда не выводили. Нас несколько человек было. Так, временная, не совсем приспособленная, но убежать нельзя было. Камеры были…»

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Нестеровщина.

«Тюрьма была отдельно стоящая (тюрьма Плещеницкого погранотряда. – **Авт.**), дом барачный. Однотипный: коридор и несколько камер. Коридорные ничего, нормальные».

Штатная численность личного состава секретно-оперативных частей пограничной охраны была невелика. Два сотрудника при комендатурах (заместитель коменданта по секретно-оперативной части и оперуполномоченные или уполномоченный) и секретно-оперативные отделы (3-5 человек) при погранотрядах. Учитывая некоторое количество сотрудников при Управлении пограничной охраны, общее число число оперативников едва превышало 100 человек. Прежде чем стать чекистом-оперативником, человек проходил тщательную проверку. Эти люди являлись особыми фигурами, представлявшими собой государственную власть в приграничной полосе, и имели значительные полномочия.

Полоса охвата (22 км от границы) уполномоченных секретно-оперативных частей являлась охранной зоной округа. Под их контроль, за исключением районных центров, где за все отвечали отделы ГПУ, полностью подпадали Освейский, Верхнедвинский, Плещеницкий, Заславский, Койдановский (Дзержинский), Копыльский, Краснослободской, Старобинский районы. Частично – Полоцкий, Чашницкий, Бегомльский, Логойский, Узденский, Житковичский, Туровский и Лельчицкий районы.

Для оперативников приграничья существовало четыре группы лиц, являвшихся объектами политического преследования.

В первую группу входили люди, которые активно боролись за государственную или партийную власть. Они считались противниками существующего строя.

Ко второй группе относили идейных противников социалистического государства, готовых, на взгляд сотрудников ГПУ, в любой момент начать борьбу против строя, но не претендующих на узурпацию власти.

К третьей группе относились инакомыслящие, люди, по каким-то причинам не согласные с политикой властей, но не готовые предпринимать до поры до времени никаких действий, за исключением высказывания своих взглядов.

В четвертую группу включали потенциальных противников режим[а]

(бывших государственных чиновников, офицеров царской армии и т.д.). Они представляли опасность для власти в силу различных причин, прежде всего – социального происхождения.

Повальные аресты в пограничной зоне начались в 1929 г. и коснулись в основном национальных меньшинств: поляков, литовцев, немцев, латышей. Эта категория людей всегда входила в группу неблагонадежных, особенно недовольных действиями погранохраны. В их среде велись антисоветские разговоры, проявлялась неприязнь к новой власти и строгостям на границе. В 1928–1929 гг. из приграничья в дальние регионы России было выселено 2068 человек (членов семей); главы семей при этом арестовывались.

Мамонтова (Юхневич) Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Бигосовский с/с, хутор Заики.

«Я слышала, кое-кого соседей забирали. Говорили, что кто-то там ходил за границу, что-то приносил, или к родственникам наведывались за границу. Наша семья никуда не ходила».

Уласевич Регина Доминиковна, 1916 г. рожд.

Дзержинский район, Нарейковский с/с, хутор Толкачевщина.

«Селицкий пришел (зять. – **Авт.**), включился в хозяйство. Стали немножко силы набирать. Мужчине уже и брат подрастал. Были две лошади. На одной я верхом даже ездила в то время. А коров было штуки три-четыре. Вот так трудились потихоньку. Нашего Викентия приехали и забрали. Это была поздняя осень 29-го года. Приехали, из дома ночью забрали. Обыск делали. А у него уже своя семья. У него уже было две девочки, и когда его забирали, в положении была его жена, старшая моя сестра, третьим ребенком. Его забрали, и через каких-то пару недель она родила сынишку – третьего. Тут пошли к нему на свидание в Койданово».

Кривонос Антон Иосифович, 1899 г. рожд.

Минский район, Слободской (Лошанский) с/с, дер. Мацки.

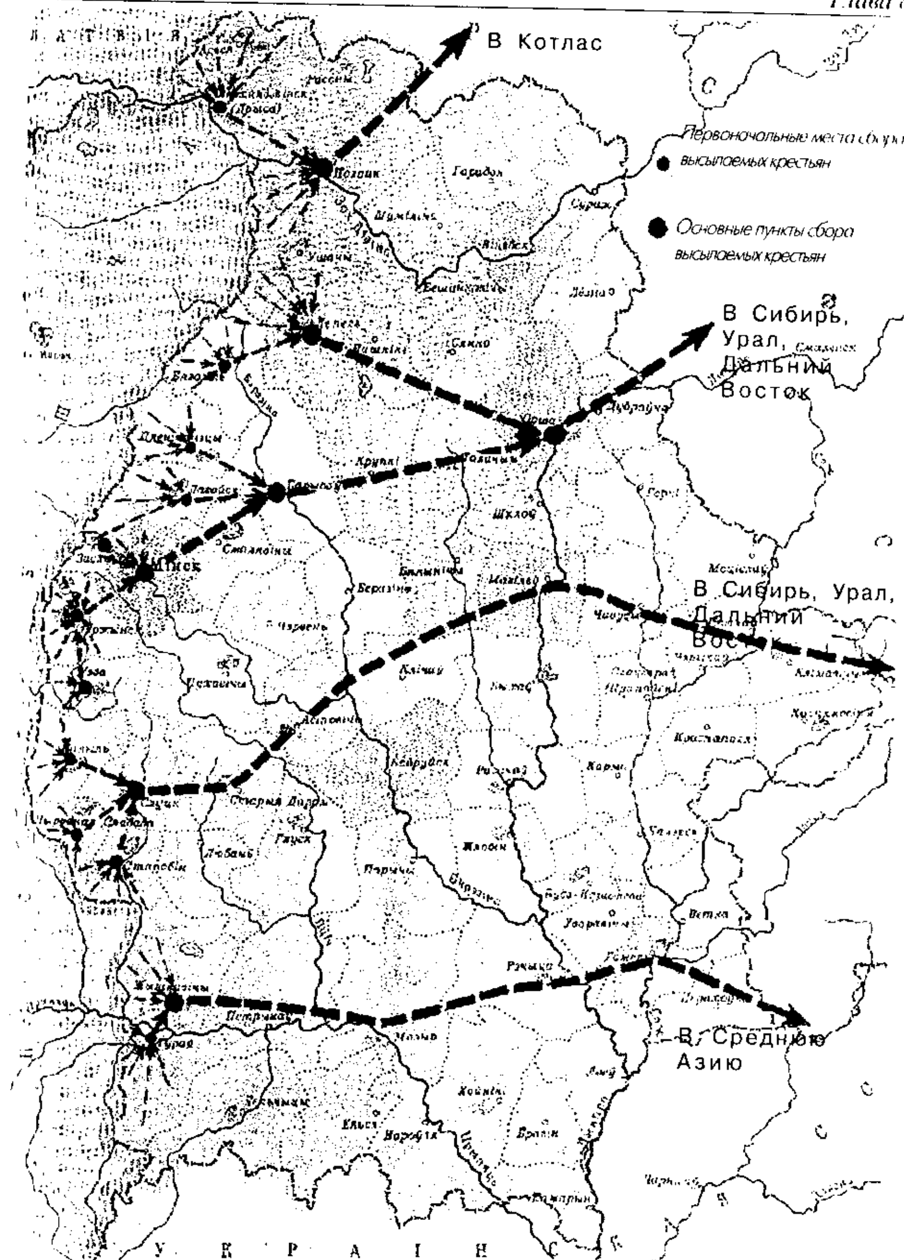
«Граница была, может, километров 10, может, больше. В 29-ом, 24 апреля меня арестовали. Из деревни тогда арестовали семь человек.

Из семьи взяли одного. И не знаю – почему? Отец был больной, я уже правил всем хозяйством. Из арестованных два было младших за меня. Они взяли сначала одного, потом второго взяли. Колонтай Игнатий Адамович, Колонтай Николай Викентьевич. Тогда сразу троих: батьку и двух сынов. Брек старший – уже, может, годов 25 было, это приблизительно так, и двух сынов его. Осталась старуха и дочка. В семье один был женатый – старший, а другой был холостяк. Батька их – Михаил Васильевич, и сыны – Николай Михайлович и Владимир Михайлович. Седьмой – Колонтай Николай Иванович. Еще меня взяли как понятого, когда ходили они арестовывать. Начали с Игнатия, на другом конце деревни жили они. Верховые приехали с погранотряда и арестовали. Они говорят: «Как ты в кассе взаимопомощи – пошли с нами за понятого». А потом всех обошли и меня последнего арестовали. У них список был. Обыск делали они у всех и все перевернули, все пересматривали, все искали. Чего искали – я не знаю. Пограничников человек, наверно, пять или шесть, я точно не знаю. «Мы будем у вас делать обыск,» – вот так говорили. Пешком погнали утром 24 апреля, еще ночью был сильный ветер, а утром снег выпал, и по снегу, глубокий был, сантиметров больше десяти. В погранотряд. В Заславле, за переездом он находился, за железной дорогой. Был там какой-то домик, так там было уже сотни людей, не было места, где сесть. И нас туда. С наших деревень ближайших не было никого. Неделю посидели в погранотряде, потом на поезд под конвоем завели в минскую тюрьму».

Романенко (Липень) Анна Иосифовна, 1915 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Старосельский с/с, хутор Новинки.

«Потом вдруг вызвали в район. Это было осенью 29-го. Повез старший брат – был у нас хозяином, он женатый был, у него уже ребенок был. Вызвали и арестовали отца в районе, в Заславле. А он же на одной ноге не мог, это 8 километров от нашего хутора было. Отец инвалид был, у него не было ноги одной, потерял в Первую мировую. Арестовали. Брат приехал домой, говорит: «Папу оставили на маленький допрос». Проходит там несколько дней, поехал брат опять туда, в Заславль, к отцу, а говорят: «Его перевели куда-то в другую тюрьму. Перевели, допросы будут делать». И все – буквально через несколько дней приезжает в сельсовет целая группа людей раскулачивать (Липень Иосиф Васильевич ПП ОГПУ по БВО от 29 февра-

Маршруты депортации из приграничья белорусских крестьян 1929–35 гг.

лия 1930 г. был приговорен к высшей мере. – **Авт.**). Так что отца нам не прилучили. У нас там хутора тоже высылали, то никого не прилучили. Вашкевичи два брата, далее Артынских отец с сыном, Шабуневич. Это наши знакомые хуторяне. Никого не прилучили. Маминого брата родного, Петрашкевича Николая Бернардовича, он жил около Минска самого на хуторе, тоже не прилучили. Всех постреляли».

Дубаневич Иосиф Михайлович, 1901 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Избищенский с/с, дер. Лесники.

«Батька уже сидел в Плещеницах. Нам присылают повестки. Мне, брату Антону и Ивану. Мы запрягли пару коней и поехали в Плещеницы в погранотряд. Цалко там был – украинский еврейчик. Он переехал [illegible] Плещеницы, мы знали его. Поставили у него коня. «Чего вы приехали?» – «Требуют». – «Утекайте за границу, а то посадят!» – «А за что?» – «Они не спрашивают – за что». Мы пошли, куда нас вызвали. «Идите, погуляйте». Мы пришли, коням дали овса, сами поели, чтобы без задержки сразу ехать домой – ведь до деревни 25 километров. Это был ноябрь 29-го. Цалко опять: «Так вас не пустят!» – «А за что?» – «А они не спрашивают». Снова пришли. Он поднял голову и говорит: «Дежурный! Посадить их на губвахту». Посадили. Эти кони переслал в Крайск, затем – [illegible] Лесники. Этот еврейчик переслал. Мы сидим. Там отправляются. Сарай большой. Со всех деревень согнали. Назавтра уже формируют колонну из Плещениц в Минск гнать. По четыре человека поставили. Где они столько коней, милиционеров набрали! Шашки наголо держали. Я [illegible] краю шел, молодой был. Болото, ни болото – все шел. Спрашиваю одного: «А если случаем спотыкнусь и повалюсь?» – «Голову сниму. А [illegible] буду знать, упал ты или утекать будешь?» – «Как утекать? Какой я виновник? Что, кого убили или ограбили? В чем моя вина?» Молчит. Пригнали в Минск, 70 километров. Тысяча была, может, две».

11 сентября 1929 г. руководство БССР докладывало в Москве: «Необходимо также принять во внимание наше приграничье, где этим летом для разгрома контрреволюционных польских кулацких гнезд выселено из Белоруссии 600 хозяйств и земля передана бедноте». Через 10 дней [illegible] ЦК ВКП(б) была отправлена еще одна докладная записка, где приводи-

лись цифры про выселение очередной партии «бывших землевладельцев и контрреволюционного элемента». В заключение в документе говорилось: «Бюро ЦК (КП(б)Б) просит ЦК ВКП(б) в связи пограничным положением: разрешить осуществить дополнительное выселение из Белоруссии бывших помещиков и крупных землевладельцев».

Согласно официальным данным, по всей республике в 1929 г. за всевозможные виды контрреволюционной деятельности было осуждено 1500 хозяев. Эта цифра вызывает сомнения. Ведь даже опираясь на собранный материал, можно отметить, что согласно воспоминаниям И. Дубаневича, в ноябре 1929 г. из Плещениц в Минск была отправлена колонна арестованных «тысяча было, может, две», а А. Кривонос упоминает, что в апреле 1929 г. в Заславском погранотряде «были уже сотни людей, не было места, где сесть».

Учитывая, что в официальные данные о количестве осужденных не были включены приговоренные к лагерям от трех до пяти лет с формулировкой «лишение свободы с высылкой» в Сибирь или на Соловки (а оно было один к трем в пользу «малосрочников»), выходило, что в 16 приграничных районах общее количество осужденных не опускалось ниже тысячи человек.

Вторая волна арестов началась после директивы ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах всеобщей коллективизации». Согласно этому документу, мероприятия секретно-оперативных частей пограничной охраны разворачивались по двум основным направлениям.

Они были четко обрисованы в соответствующем приказе ОГПУ от 2 февраля 1930 г. Там конкретно указывалось, что необходимо провести операцию и нанести «удар по кулацкому активу».

Все нежелательные лица подразделялись по двум категориям. Первая – контрреволюционный «кулацкий актив», против которого «должны применяться решительные меры наказания вплоть до ВМН».

Вторая – наиболее состоятельные крестьяне и их семьи, которые подлежали выселению в отдаленные северные районы с одновременной конфискацией их имущества.

Особое внимание уделялось, в первую очередь, районам сплошной коллективизации и погранполосы. В последней полными хозяевами считались оперуполномоченные УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси.

Именно они имели юридические полномочия определять, в какую из двух категорий попадет тот или иной зажиточный крестьянин. Для этого пограничники-оперативники начали проводить работу с активом, бывшими партизанами. Беседы проходили в правлениях, в сельских советах и прямо по хатам и частенько затягивались до первых петухов. Крестьяне не скрывали своего недовольства одним и сомнения в другом. Люди сомневались в пользе коллективных хозяйств. Результаты не радовали. Говорили о высказываниях недовольных властями крестьян, о запрятанном золоте, о родственниках за границей. Все данные собирались, систематизировались и докладывались высшему начальству. Пересказывались все впечатления: о встречах, о разговорах, о состоянии на местах, о переходах, о возможных связях с Польшей. На основании этих данных и производились аресты первой категории.

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Ляховичский с/с, дер. Судники.

«В семье было два брата, а третий брат был в Польше. В 20-м году переехал туда к родственникам, там и остался. Когда устанавливали границу, так они не вернулись. Остался здесь старший брат Вильгельм, он на 12 лет его старше. Две сестры тоже старшие, Леонида и Станислава... Там, в Польше, были родственники. Когда устанавливалась граница, они думали, что это временно, что это потом вернется. Они чувствовали, что какая-нибудь беда настигнет. Коммунистическая идеология была, даже сам Ленин был противник кулаков... У нас расстреляли Филипповича, здоровый мужик был, и Довнара, который на границе где-то жил. Как получилось, что они, когда в 20-м году, когда Рижский договор, и они решили ехать. Еще тогда граница прозрачная была: Филиппович, Довнар и ксендз их и решили: «Поедем». И поехали в Варшаву, добились свидания с Пилсудским. Когда открыли кабинет, так ксендз на колени сразу, а эти так к нему. «Просим нашу область не отдавать большевикам». А он кажет: «Господа, спасибо за вашу преданность, но мы ничего не можем сделать. Польша – страна бедная. Воевать уже больше не может». Поблагодарил-то – и все. И спустя 10 лет вспомнили и их всех расстреляли. А ксендз убежал... Это мы все знали. Потому что, когда Филиппович, Довнар, когда ехали туда, так они делились со шляхтой. Они не были в нашей камере. Филипповича толь-

ко гнали вместе. Но по камерам разным. Но потом всех расстреляли. Родственников их расстреляли».

Для исполнения этого приказа там же говорилось о так называемых «тройках», в которые должны были быть включены представители окружкомов ВКП(б). Их состав утверждался коллегией ОГПУ.

Официальное постановление Президиума ЦИК СССР вышло только через два дня, 4 февраля, и в нем указывалось, что на время проведения мероприятий, связанных с раскулачиванием, полномочным представительствам ОГПУ по Беларуси и его округам предоставлялось право на внесудебное рассмотрение дел с участием окружкомов и прокуратуры. Для нагнетания обстановки 11 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об Украине и Белоруссии». В нем сообщалось об имеющихся данных, что в случае «серьезных кулацко-крестьянских выступлений на территории Правобережной Украины и на Белоруссии (особенно в связи с будущим выселением с приграничных районов польско-кулацких контрреволюционных и шпионских элементов) польское правительство может пойти на вмешательство». В связи с этим Москва предоставила ЦК ВКП(б) и органам ОГПУ необходимые директивы.

В частности, УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси было предложено обратить внимание на политическую работу и военно-чекистскую подготовку с целью предотвращения выступлений антисоветского характера в приграничных районах. В семидневный срок предлагалось увеличить оперативный состав и маневровые воинские группы ОГПУ за счет незадействованных резервов до количества, необходимого для предотвращения любых массовых выступлений в приграничных округах.

Надо признать, что операция была проведена четко, без лишней суеты.

Стринкевич (Цыбульская) Ядвига Игнатьевна, 1914 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Нарейковский с/с, хутор Леднички.

«Отца нашего забрали. 23 февраля (1930 г. – **Авт.**) пришли, обыск зробили, ничего не нашли. Батьку арестовали – и в Дзержинск. Раз съездила матка навестить, и быстро его отправили в этот Минск. Так еще соседей побрали. Нашего отца взяли зимой, а двух Ячных осенью 29-го

забрали. И батьку в Вельск отправили, так умер в Вельску. Ему три года дали вольного поселения».

Жидович (Березовская) Нина Иосифовна, 1913 г. рожд.

Копыльский район, Слобода-Кучинский (Велешинский) с/с, дер. Вошкаты.

«Через некоторое время приехало НКВД, это Тимковская, пограничники. Приехали из Тимкович и батьку ночью забрали. Еще забрали Гурновича, але ж в тое время они забрали, уже, наверно, после нашей высылки забрали Гурновича того. А тады только нашего отца забрали одного, а Гурновича – после нашей высылки, мне уже писали. То же само пропал, як и наш отец. Еще там, в той хатке маленькой. Я вам не скажу, на чем они приезжали, бо ночь, что ж мы, дети, и ночью приехали: «Собирайся!» Дак вот ничего не взял, только оделся и пошел с хаты. Никого не пускали. Он так и пропал. Зимой. Я помню, холодно, мама говорит: «Одевайся теплее, одевайся». Он кажа: «Пустят». Кажа: «Я поеду, да, может, отпустят». Як забрали, так и не пустили. Мы дети. Мама плачет, а мы что – дети. Малые были».

Караневская (Коронец) Ольга Антоновна, 1908 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, дер. Гричино.

«Двух Логатских, брата моего забрали и сразу угнали в Архангельск. Родного брата звали Игнат Антонович, тоже Коронец. Перед высылкой мужчин арестовали. Его я еще видела, его прислали назад, когда мы сюда, в Котлас, пригнали его. Рассказывал, как мучили, да все чисто зря. Пришел, как палец весь. В Котласе пришел и мало пожил».

Врублевская (Цыбульская) Стефанида Игнатьевна, 1915 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Нарейковский с/с, хутор Ледники.

«Это было в феврале (1930 г. – **Авт.**). Мы молотим. Нам сказали: «Молотите, сдавайте яровое, а рожь пускай будет вам». Мы молотим, сдаем. Мы уже подали заявления в колхоз. Довольны уже. Думаем, хотя бы нас в колхоз взяли. Вроде бы уже и берут. Тогда молотим, смотрим – едут четыре верховых. А папа уже ждал – чувствовал. Остановились. Зашли все в

хату, все собрались. Тогда говорит жене брата старшего, Константине: «Сходи, понятого возьми, соседа». А тех соседей не высылали. Вторых – те были более богаче – так тех уже давно всех мужчин позабирали, а сестры были старушки. Так туды и сюды пошла, один Ячный и второй Ячный. Сходила за понятым за этим, тоже Ячный, Станислав, это уже молодой такой был хлопец. И обыск начали делать. Были карточки, папа служил когда-то в царской. Он не офицером был. Все позабирали. Потом, я любила песни всегда. Мама поедет в Минск, возьмет и купит пластинки. Позабирали и их. Только в доме обыск. А когда говорит: «А сейчас ты арестован». На отца. И сказал уже старшему нашему брату: «Запрягай лошадь. Вези в Койданово». Как мы все стали плакать, так один из них вышел с дому и говорит: «Может, я приду. Может, моего так отца». Он служил, видимо, в армии, солдатик. Потом, через недели полторы приехали, все чисто у нас забрали. Отец сидел в Дзержинске пока что. Брат ездил, давали свидания. Последний раз поехал, уже у нас все было забрано, но он отцу не сказал, чтобы он не печалился. Тут уже отца повезли».

Веремовская (Галенчик) Мария Иосифовна, 1912 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Рубилковский с/с, дер. Шагуневщина.

«Когда отца забрали, ему 57 лет или 56 лет было. Потом, вы знаете, приехали вдруг ночью. Приехали зимой, забрали папу 5 февраля 30-го года. Помню, плакали так очень. Забрали они его в Минск, в тюрьму посадили сразу. Забрали, по-моему, только его. Брали кого-то с деревни, сказали: «Вези нас». Сестра Нина уже стала сюда ездить, передачи привозили на Володарского. Уже зима была. Я еще была, как бы это считается, что малая. Сестра старшая возила ему передачу. Так, знаете, столько было в тюрьме людей, что пока она приедет с вечера, зима, и на улице очередь занимают. Иди, ночуй под зданием. Володарского и теперь стоит. Пешком до Фаниполя, а там уже поездом. Никакой телеги, где ж лошадей тут деть, переночуем уже, передачку. Передачку мою опять передавала, потому что не принимали ничего, сказали, что его уже выслали. И, правда, прислал он открытку, чтобы привезли ему пару белья, и кружку, и еще что-то он просил привезти, но уже не надо было (ПП ОГПУ по БВО от 9 марта 1930 г. осудило к высшей мере наказания. – **Авт.**). Их перед этим, чтобы немножко успокоить, сказали, что «вас вышлем, напишите записку, чтоб вам передали»

Открытку такую прислали по почте. Потом, через какое время нас уже выслали. Но они сказали, которые уже приехали, более старшие, но военных не было. Сказали, что отца вашего выслали, уже и вы поедете тоже. Мама больна, немолодая – 50 лет. Это теперь еще женщина молодая, а тогда – старуха. Мол, это вот: «Отца выслали, и вы поедете туда, где отец».

Роговенко (Бородейко) Александра Алексеевна, 1918 г. рожд.
Лепельский район, Пышненский с/с, дер. Клевзы.

«Семья осталась – отца забрали. Приезжали, раскулачивали и отца забрали. А мы остались все дети дома. А дядя был больной, так брата забрали. Дедушка умер, а их три брата – один женатый, а два неженатых. Так женатый эты был больной, так не взяли. Взяли брата его и сослали их в Архангельск – и в тюрьму. Зимой нас раскулачили (1930 г. – **Авт.**). С поселка Клевзы. Это там, где три домика были (арест прошел 2 февраля 1930 г., по постановлению тройки при ПП ОГПУ от БВО от 24 февраля 1930 г. Приговор – 10 лет. – **Авт.**). Назывался фольварек. Эти три брата фольварек откупили и жили».

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.
Дзержинский (Койдановский) район, Ляховичский с/с, дер. Судники.

«У меня отец жил еще, брат и сестры – две сестры. И так хорошо помню, 8 февраля (1930 г. – **Авт.**) приехал наш уполномоченный, я погоны не помню, тогда и солдат. Зашли в хату: «Ивановский?» – «Ивановский». – «Разрешите у вас сделать обыск». Это они к отцу обратились. Если бы по закону, так надо было потребовать документы, но мы ничего. Я мальчишка еще был. Но вот сделали обыск, все фотографии забрали. Они полномасштабный обыск сделали. Я думаю: «Что-то такое неважное, неважное дело?» Я решил выйти, по деревне еще пройтись. Я, как правило, зимой так никогда не ходил. А мне: «Стоп! Куда? Ну-ка вернитесь!» Со штыком на меня. Потом сделали обыск, но ничего не нашли. Фотографии там, второстепенно. Потом этот оперуполномоченный и говорит моим сестрам: «Девушки, убегайте, вам ничего хорошего не светит. Пока вы еще здесь – убегайте в город Минск, прячьтесь». А нам говорят с братом: «А вы, – говорит, – со мной!» И нас погнали. А они на лошадях, а нас вперед. Отца не тронули, он же старичок. Он как раз болел. В сельсовет приехали – Ляховичи, это два километра. Там какую-то отметку сделали и погнали нас в Дзержинск. Пригнали в Койданово в это. Так я 10 дней: отдельно брат в одной камере, я – в другой. В тюрьме меня, в пограничной тюрьме, считалась пограничная зона, хотя я никогда не был на границе».

Негласно проводилась изоляция глав семей, относившихся ко второй категории крестьян. Выборочным арестам подвергались «бывшие помещики, полупомещики, местные кулацкие авторитеты, кулацкий антисоветский актив церковников и сектантов». Непосредственно перед высылкой их семей они освобождались из-под ареста и присоединялись к родственникам.

Петровский Антон Доминикович, 1916 г. рожд.
Дзержинский (Койдановский) район, Демидовичский (Новосадский) с/с, хутор Шупино.

«Брата старшего арестовали и отца (середина февраля 1930 г. – **Авт.**). Их посадили в Дзержинскую тюрьму. Брат с четвертого года. Посадили их, а где-то через недели две-три подогнали пару подвод: «Собирайтесь, что есть». Повезли нас на станцию Фаниполь. Погрузили в товарные вагоны с решетками. Привезли из тюрьмы брата и отца. Привезли под конвоем и погрузили в вагон. Все это время они сидели в тюрьме».

Павлюченко (Лапкович) Мария Фабиановна, 1910 г. рожд.
Слуцкий район, Весейский с/с, пос. Ленички.

«Мы относились к шляхте, к католической вере. Жили люди век. Отца из дома забрали в Слуцк (1930 г. – **Авт.**), не знаю, две недели ти месяц он там был. Где теперь ламповый завод, там было название Пухарево, и там поместили людей, сбирали со всех сельсоветов. Потом уже окружили конные солдаты – и на вокзал. Под охраной погружали людей, чтобы не утекли. Но отца прилучили к семье. Всех позабирали мужчин, но прилучили, и мы поехали вместе».

Сивицкий Яков Иванович, 1911 г. рожд.
Полоцкий (Ветринский) район, Начский с/с, дер. Плиски.

«Дядьку-то арестовали в Плисках, увезли пограничники. Поездом привезли в тюрьму (Полоцкую. – **Авт.**), а из тюрьмы сюда, в Громы

(станция. – **Авт.**) привезли. За сутки до отъезда. Боялися просто т… чего приехали: «Сивицкий Николай Федорович?» – «Я». – «Собирайтесь… пошли». Он верхом, а дядя-старичок – рядом, и увел его. Таможня была… застава где-то на границе за Ветрино, по-моему, Загатье. Там застава… была. 13-го (февраль 1930 г. – **Авт.**) забрали старичка. Он был офице… ром царской армии, русской армии. Его забрали в одно время, но его… еще до этого забирали, то есть гонения были за ним. Он семьи не имел… он не женился. Первый раз его взяли в 25-ом. Пришли, взяли и дали ему… 3 года ссылки в Сибирь. Отбыл он 3 года. В 28-ом году он приехал. И… 30-ом году его забрали опять. 14-го на поезд посадили. К вечеру его из… тюрьмы сюда, и нас сюда – объединили».

Авральные аресты выматывали оперативников. В штате комендатур… числилось по два сотрудника, которым приходилось заниматься следствен… ными мероприятиями, касающимися так называемых неблагонадежных… проживающих на их территории ответственности, и одновременно рабо… тать с перебежчиками, нарушившими границу на этом участке. После за… держания и подготовки соответствующих документов арестованных пре… провождали в секретно-оперативные части отрядов. Следователи не спе… циализировались по конкретным видам преступлений. Тут же занимались и… «антисоветчиками», перебежчиками, представителями культа, «отказника… ми», не желавшими сдавать золото. Дела арестованных, относившихся к… первой категории, разбирались в срочном порядке и рассматривались трой… ками по внесудебному рассмотрению дел. Выносились приговоры от трех… лет до высшей меры наказания.

Для укрепления секретно-оперативных частей погранохраны прика… зом ОГПУ № 190/115 от 14 апреля 1931 г. все городские и районные… аппараты ОГПУ, располагавшиеся в приграничной полосе, передавались… в подчинение, а в дальнейшем объединялись с аппаратом находившихся… в тех же населенных пунктах пограничных отрядов и комендатур. Та… ким образом, начальники пограничных отрядов и комендатур УПО и… войск ОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси одновременно являлись руководи… телями органов ОГПУ на своей территории. В населенных пунктах, где… дислоцировалось руководство пограничных отрядов, никаких иных тер… риториальных аппаратов (районных или городских отделов ГПУ) более

не существовало, а начальники отрядов наделялись правами начальников оперативных секторов ОГПУ.

В Москве 11 марта 1931 г. была создана под руководством А. А. Андреева специальная партийно-правительственная комиссия, которая приступила к организации нового выселения зажиточного крестьянства, рационального его размещения и использования труда спецпереселенцев. Комиссия работала до марта 1932 г., и с ее подачи ЦК КП(б)Б 18 мая 1931 г. подготовил специальный документ всем секретарям райкомов и председателям райисполкомов «Об очищении территории БССР, как пограничной, от остатков кулачества».

В документе прямо указывалось: в целях предупреждения бегства «кулацких семей» – провести временную изоляцию глав и трудоспособных мужчин всех подлежащих выселению семей. В пограничной полосе эти мероприятия легли на плечи уполномоченных секретно-оперативных частей погранохраны и войска ОГПУ и проводились официально с 1932 г.

Выходу этого документа способствовало волнение крестьян в деревнях Стодоличи и Симоничи (Лельчицкого р-на), Лесковичи (Петриковского р-на), Ляховичи (Житковичского р-на), которые преподносились как результат польской пропаганды. Крестьянские выступления сопровождались байкотированием действий окружных уполномоченных, местных работников, вооруженным сопротивлением пограничным подразделениям. Беспокойство у руководства БССР вызвали волнения, которые начались в Лельчицком районе в начале 30-х годов. «Помимо мелких шпионских и контрреволюционных группировок» в районе была ликвидирована «польская повстанческая организация», которая насчитывала по чекистским подсчетам 103 человека, из которых 43 были осуждены к высшей мере наказания. В 1931 году в ЦК КП(б)Б сообщалось: «Практическая деятельность убежавших в лес выражалась в том, что группа в количестве 80–85 человек вооруженным путем пыталась прорваться в Польшу, но была отбита пограничниками... Необходимо отметить, что если бы этой группе удалось прорваться в Польшу, то тяга со стороны крестьян к переходам через границу еще больше укрепилась... По части деревень при проезде не было видно ни одной души, и эти деревни напоминали положение все равно как после боя с врагом. Часть крестьян днем работала на поле, а на ночь уходила в лес». Органы ГПУ

объявили «пятидневку» добровольного возвращения беглецов. После окончания оговоренного срока были организованны облавы в лесах Лельчицкого, Петриковского и Туровского районов. В результате операции, проведенной летом 1931 г., добровольно из лесов вернулись 44 человека, было убито 21, ранено 3, захвачено во время облавы 68, убежали 87. В этом же году ГПУ провело «Минскую операцию», в результате которой из приграничной зоны было выселено 860 семей (3928 человек). Однако, как отмечалось в документе, еще требовалось продолжить акцию и выселить дополнительно около 800 человек.

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский (Нестановичский) с/с, хутор Абрагимовичи.

«Приехал «черный ворон» (1932 г. – **Авт.**). На машине: «Собирайся». Собирайся так собирайся. И пошел отец. Привезли его в Плещеницкий погранотряд, а потом выслали на север».

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Новодворский с/с, дер. Ворошилы.

«Застава строилась примерно в километре от границы. Когда нас забирали, приехали на конях двух, и все: «Вы арестованы» (лето 1932 г. – **Авт.**). И погнали в Заславль, в район, согнали в амбар. А там уже людей нагнали столько, что ой-ой-ой. Брата моего домой отпустили, а меня – сюда. Я старше, знали, что он нигде не денется, пойдет домой. Мы же сидели три дня. Там трохи кормили. Были при Заславском погранотряде, и тут же этот амбар, можно сказать, метров 300. Военные этим занимались. Нас согнали более 300 человек. Не было женщин среди нас, одни мужчины. Целых три дня свозили. Подогнали состав и свозили всех остальных – семьи. Все это протянулось дня три. Никакого ни следствия, ничего. Свезли, погрузили в Заславле, только спрашивали: семья вот такая есть? «Тут». И отправили. Поехали потихоньку».

Невыносимые условия жизни в спецпоселках заставляли высланных самовольно покидать места проживания и возвращаться всякими недозволенными путями на родину. Первые беглецы на границе стали появляться уже во второй половине 1930 г. В обязанности оперативных работников входило выявлять бежавших из ссылки спецпоселенцев, изолировать и возвращать на прежнее место проживания. Чекисты моментально реагировали на любые поступающие подобные сведения и доставляли задержанных в отрядные тюрьмы. После выполнения формальностей их этапировали назад, на спецпоселки. В редком случае бежавшим удавалось выйти из тюрьмы…

Бабеня (Лазук) Надежда Нестеровна, 1918 г. рожд.

Копыльский (Краснослободской) район, дер. Мокраны.

«Приехали оттуль (из высылки. – **Авт.**) утеком и мама, и сестра старейшая. Два дня пожили, и приезжает этот самый Трус. Тут был старшиной сельсовета тогда. Попытал, что, як да чего. И уже назавтра приехали и забрали. В Филипповичах были пограничники. Мама и сестра, мы прямо на границе жили. От нас же ж виднее, тые села видны. Мокраны, наше подворье, и Мокраны – польские дак совсем рядом. Тут пошли свояки, расписалися за их, что они вроде отвечают за них. Пустили. А у старейшей сестры был тут хлопец вроде як. Он приехал, были они одноособниками с деревни Острова. На возе приехали сюда, в сельсовет, записываться к нам. Этот Трус не записал. Он же ж отсюль да в Новоселки, в свой сельсовет. Да записался там. Трус заявил. Забирают одну сестру уже в Тимковичи. Казали много, что поприезжали с высылки сюды, дак их снова побрали. Сидела две недели. А этот хлопец поехал в Минск, так он лично не добился, да подал заявление: значит, женился, записан. Уже казала: стали отправлять, всех отправляют, а меня одну покидают там в тюрьме. Звали старейшую Ольга. Уже кажет: «Что ж это, уже меня одну. Дрожу, сижу. Думаю, может меня тут забьют, ти что мне будут рабить, что меня покинули». Сидела, пока не пришел с Минску результат. Он подал заявление. Пришло это. Уже сидела она одна до Красного Успения. Может, до 29 августа якого. Мы с мамой плачем целый день. А тут пришло уже с Минска. Приехал конный верхом к нему сюды, в Остров, с Тимкович. Сказал явиться в Тимковичи. Так он и поехал тогды на Успение. Тамака уже его вызвали, все пытали, что неправда, что ты так за женку берешь. Это Трус этый напутал уже, каб выслать знов. Выручает так. «Она ж записана, она ж моя женка,» кажа. Да уже пустили так с Тимкович. Это уже наша тетка приехала,

кажет: «Ольку ж пустили. Была с Андреем там в гостях, да сразу к нему и поехали тогда».

Часть вторая

1932–1935 гг.

В приграничье стало опасно жить. Из управлений или штаба отряд поступали установки, которые исходили непосредственно из ПП ГПУ Беларуси. В них часто информировали о проведении спецмероприятий, требовали подтверждения преступных посягательств в приграничной полосе. Причем нередко поступавшая информация как малозначитель ная возвращалась к пограничникам-оперативникам в виде донесений, начинавшихся со слов: «По заслуживающим доверия источникам...» Редко на местах удавалось не раскручивать дела.

Жданович Василий Иванович, 1917 г. рожд.
Слуцкий (Краснослободской) район, дер. Бучатино.
«Ходил на подсобку тоже, на поселок Интернационал. Погранполос там работали: то козырьки делали, гвозди рубили. Работали в леспром хозе. Тоже эти схватили (1932 г. – **Авт.**), в комендатуру туда, погранич ники. Тогда какую-то облаву делали, вот и схватили. Поблизости, в ко дон, там переночевал, и назавтра как раз в Красную Слободу отвезли. Красной Слободе уже следователь выхватил наган: «Говори, а то пр стрелю!» Я говорю: «Не знаю». И все. Допрашивали. Один там ноч наверно, три сидел. Вызывает – и опять. Бить не бил, погрозил, но пот отпустил. И так вот живешь, так и смотри: вот приедут и схватят».

В большинстве случаев подозреваемым не удавалось уйти от «о ветственности».

Езерская (Кныш) Анна Степановна, 1913 г. рожд.
Копыльский район, дер. Калиново (Кобыльшицы).
«Хапали всех, это хапун был. Всех: дети, родственники далекие. Пришли ночью (ноябрь 1933 г. – **Авт.**). Я говорю: «Мне надо одеться», «Мы только вас еще спросим и назад привезем». Я почти оборванн

пошла. У меня ж была одежда. Сразу послали нас в Тимковичи. Абрамовичиха была – тут вот, недалеко, на хуторе жила. Муж, дочка и сын. Всего четверо. Мой батька был тоже, Степан Федорович, он с 75-го года, старичок. Но его скоро освободили. Он мало побыл. Ему и маме по три года дали».

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.
Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.
«В 33-м повально забирали: Острейко, Рымашевского Степана, Рымашевского Антона, Василевских. Их за связь с заграницей. Когда сделали границу, они пошли за границу, а потом вернулись назад, хорошие работники были. Там забили какого-то прапорщика на границе, и им пришили всем, кого арестовали, что они убили этого прапорщика. Это была неправда, потом разобрались. Приехал в сельсовет после войны кагэбист ко мне. Привез все папки, и я там был. Все реабилитировали их, что это все было ложь. Они не вернулись. Вернулся только я и Филькевич Антон. Этому Филькевичу пришили, он в деревне Березовка был, а я был бригадиром. Он шел и говорил: вот хорошая земля, я б тут хутор себе поставил и жил. Через три дня его забрали, что там, говорили, агитация против колхоза. В 39-м вернулся, со мной пришел».

Изотова (Гордей) Юлия Ивановна, 1916 г. рожд.
Копыльский (Краснослободской) район, Краснодубровский (Мокранский) с/с, дер. Задворье.
«Второй раз как раскулачивали, отца уже не было. А за отцом приехали ночью и забрали в ОГПУ (1932 г. – **Авт.**). Тогда и Сущевича забрали, Стручинского Федора, их уже никого нет. С нашей деревни взяли четыре мужчины. Никакого свидания нам не дали. А потом он присылал с Коми АССР, не знали о нем, пока не пришло письмо, никаких вестей не было. За хозяина остался старший».

Столь масштабные операции не могли быть проведены без привлечения агентурных работников. Вербовка последних в приграничной полосе не представляла особого труда. Уполномоченный, владея определенной информацией и зная особенности характера того или иного жите-

ля, легко производил вербовку. При этом применялся комплекс тактических приемов для получения добровольного согласия на сотрудничество. Основными поставщиками осведомителей являлись Общества содействия милиции (Осодмил), которые официально стали действовать с конца мая 1930 г. Весной 1932 г. Осодмил были реорганизованы в бригады содействия милиции, и к концу года в приграничных районах их насчитывалось 16, общей численностью почти в пятьсот человек. Методы привлечения к сотрудничеству были довольно разнообразными, и вербовка производилась различными способами.

Веремовская (Галенчик) Мария Иосифовна, 1912 г. рожд.
Дзержинский район, Рубилковский с/с, дер. Шабуневщина.

«Папа был председателем сельсовета Рубилковского. Он организовал школу там, у Шабуневщине. Потом приезжать начали из ГПУ (конец 20-х годов. – **Авт.**). У нас останавливались, ночевали. Не пили, не купали – и ночуют. И какие-то разговоры все время велись с папой. Не разрешали, чтоб мы слухали. Но часто они приезжали и говорили. С НКВД часто очень ночевал у нас этот сотрудник. Потом папу превратили уже в кулака (арестовали 5 февраля 1930 г. – **Авт.**)».

Рудак Антон Иосифович, 1914 г. рожд.
Логойский (Плещеницкий) район, Каменский с/с, дер. Хатынь.

«Это осенью с 32-го на 33-й год организовали колхоз, и меня выбрали счетоводом колхоза. Колхозик небольшой – 26 домов. Дали название «Чырвоная Зорка». Вызывают меня в НКВД в Плещеницы повесткой. Я подумал, что меня посадят. Это было в мае или в июне. Вызывают – иду. Хоть ноги колотятся, а идти надо. А когда шел, то встретился мне из деревни Селище Зюзюнок Игнат, моего возраста. Встретившись, мы поздоровались. Он вышел из отдела НКВД, отошел на метров 20 – 30 от этого помещения, и мы встретились. Сидит полковник: «Вы знаете, чего я Вас вызвал?» – «Нет, не знаю». – «Ты будешь у нас работать». – «Так я же работаю счетоводом колхоза. Я же не могу бросить свой родной колхоз и прийти сюда». Я все не могу сообразить, какая может быть работа? «Будешь ходить на собрания, на вечеринки, в колхозе, в бригадах. Будешь слушать, кто что говорит против советской власти, записывать и передавать нам». Это называлось тогда «сексотом». Не скажу, что не буду! «Хорошо, буду». Я вышел и все понял, чего Зюзюнок приходил. Не прошло трех-четырех месяцев – в Селищах того забрали, в Мокради того забрали. И начали забирать, человек десять забрали, пока я был в Хатыни. Я один и знал, кто этим занимался. Прошло три месяца – я никаких сведений не даю, не посылаю. Я должен их был приносить. Меня вызвали и спрашивают: «Почему Вы не работаете?» Спрашивал его заместитель, майор. Там стоял погранотряд, полковник был начальником погранотряда, и он же этим делом одновременно занимался. «Как же я не работаю? Я нахожусь всегда в бригадах, на собраниях, на вечеринках бываю. Слушаю, записываю. Но антисоветской пропаганды никто из крестьян не ведет. Я не слышал ни одного слова, чтобы кто-то из нашей деревни был враждебно настроен против советской власти». – «Так это же хорошо. Раз так, спасибо, клеветать не надо, если человек честный и преданный советской власти». – «А зачем я буду честного человека?.. Если бы действительно настоящий враг, конечно, я бы вам сообщил». Прошло еще некоторое время, опять я молчу. Я так и не нашел среди нашей деревни врага советской власти. Больше он меня не вызывал… Человек состоит из двух частей: белого и черного. Если белое побеждает, человек остается честным. Если черное – он плохой, он будет искать что-либо. Зюзюнок и был плохой, который все искал, кто ему что сказал плохо, кто что сделал плохо. Вот он и напишет. Зюзюнок был просто колхозником, пошел в армию и не вернулся. Потом, когда я поехал на курсы в Минск, я сообщил в отдел, что уезжаю на курсы учиться. Я предупредил, а то могли искать. Я предложил на свое место честного человека – Желобковича Петра Антоновича, он работал бригадиром в колхозе. Он вращался с людьми и очень справедливый, честный человек. Я уехал учиться, а этот Желобкович остался вместо меня. Он был мужем моей сестры. Никаких арестов у нас не было до самой войны. Если кто-то и болтал лишнее, так он не по злобе, а по наивности просто. Никакой оплаты за эту «работу» не было. Как только я съехал с Хатыни, меня больше не беспокоили».

Попадали под влияние особистов разные люди, и «работу» свою они делали по-разному.

Караневская (Коронец) Ольга Антоновна, 1908 г. рожд.

Дзержинский район, дер. Гритчино.

«Хуже всего – это комсомолки были. Эти все перли, на кого хотели. Комсомолки-девчата. Все такие были. Они все и подсказывали».

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Там были агенты такие – и вот плетут, понимаешь. Слушали и высылали. Обижаются все там на Рымашевского одного, он и не вернулся. Агентом был Зенкович этот, потом Крепский там нейкий был. Человек пять их было, все подписывали».

Фомина (Носевич) Елена Леонтьевна, 1916 г. рожд.

Копыльский район, Великораевский с/с, дер. Малая Раевка.

«У нас тут вельми одна продавала, Мария была. Она неграмотная. Кажет, теперь это рассказывает – палец приложит, да и все. И пошли люди. Носевич ее фамилия. Из средних таких, уже мужика не было у нее. Ей давали гроши добрые, дак она и продавала людей. У нас Носевичей много было, однофамилица. Было, по семь человек забирали (до 1935 г. – **Авт.**). Прилетит «черный ворон» ночью, похватает. И все она одна. Отец за границу уже попал вроде. За границей сестры там где-то в лесу у него жили, да вроде к ним ходил. Вот его за это забрали».

В начале 1932 г. в УПО и ВОГПУ началась реорганизация командного состава. В комендатурах были упразднены должности помощников коменданта по политчасти и по строевой части. Сократился начсостав в отрядах. Но эти мероприятия никоим образом не затронули оперативные службы, ни один из уполномоченных не был сокращен. Наоборот, за счет сокращения штата увеличилась численность чекистских кадров в погранохране. Это было очень кстати. Посевные и уборочные кампании в приграничных районах срывались на глазах. Новоявленные колхозники не желали трудиться сообща, гуляли, пили. Командование погранохраны пыталось вмешиваться. Особисты предложили начальникам застав приглашать к себе председателей колхозов и через них влиять на обстановку в хозяйствах. Все докладывали о проведенных беседах, но на следующий день все повторялось. В некоторых хозяйствах хлеба перестаивали, зерно осыпалось, урожайность падала. Все добро стояло бесхозным. Никто не смотрел за сельхозинструментом: в кучу сваливались нечищенные от земли плуги, косилки и бороны. За хомутами никто не следил, от потертостей у коней образовывались раны. Начался падеж скота. В приграничные колхозы приезжали представители из районов и округов: грозили, уговаривали, были инициаторами арестов. Пограничникам-особистам приходилось разбираться с любой информацией, до анонимок включительно. Все проверялось, и по результатам проверок шли доклады в штабы отрядов и окружные отделы ГПУ. В основном данные не подтверждались на местах. Общее мнение складывалось такое, что непосредственно по линии границы никаких осложнений быть не может. Следовало опасаться прорыва со стороны Польши и Латвии небольших групп (два-три человека), занимающихся сбором разведданных оборонного характера. Оперативники ездили по хозяйствам, наблюдали за настроением людей. Старались проводить беседы с глазу на глаз. Нужных людей часто дома не оказывалось. Крестьяне гуськом ходили за пограничником, поговорить один на один с кем-либо бывало трудно. Новая жизнь вызывала все больше нареканий. Нового создать еще не успели, а старое было уже растаскано и разворовано. Отряд информировался о состоянии каждого колхоза, о недовольствах на местах.

В 1933 г. с целью предотвращения «срыва весеннего посева, террористических актов над партийным и советским активом деревни и активной организованной подготовки к срыву уборочной кампании» ЦК КП(б)Б и СНК БССР специальным постановлением наметили весной «провести выселение кулачества из пограничных и укрепленных районов БССР».

Определялось и количество высcляемых – 500 семей с числом душ приблизительно в 2000 человек. Проведение операции возлагалось на органы ГПУ, в пограничных районах – на секретно-оперативные части погранохраны. Для утверждения списков высылаемых на местах создавались специальные тройки в составе секретаря райкома КП(б)Б, председателя райисполкома и райуполномоченного ГПУ. Операция должна была закончиться не позже 15 июня. Вновь мероприятия по временной изоляции глав семей частично легли на погранохрану.

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Очень много забрали, там потрясение было (1933 г. – **Авт.**). Это значит так: Позняка выслали с семьей, Былинов двоих забрали, Петрика Рымашевского, двух братьев Флерьянчиков, Василевского с семьей выслали. Там черт его знает, там какие были, всю деревню там растребушили».

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский с/с, хутор Абрагимовичи.

«Граница близко была тогда. Эта граница и згубила. При границы, напрямую. Знаете, очень было тяжело тогда жить. Очень преследовали. С погранотряда приезжали, в Плещеницах тогда был погранотряд. Была комендатура в Крайске. Заставы поблизости не было, километра три-четыре были заставы. Приехал «черный ворон» на машине: «Собирайся». Собирайся так собирайся. И пошел. Привезли отца в Плещеницкий погранотряд, а потом выслали на север. Бегучий, бегучий обыск. А что найдешь, что там было? Зимой. Харчи носили, мать носила, но передачу не принимали, и в скором будущем их переслали в Оршу, а с Орши – подальше, и все. Тогда очистили все хутора, да, в 32-м».

Краснодемская (Рончинская) Юлия Григорьевна, 1913 г. рожд.

Житковичский район, Брониславский с/с, хутор Марьяновка.

«Мы жили от польской границы в трех километрах. Мы жили за заставой километрах, наверно, в двух, а может, в двух с половиной. До 33-го двоюродного брата отца выслали, тоже Рончинский Степан. На этом самом хуторе жил. Его выслали с дочкой и с зятем. Он тоже хорошо жил. Мы там один одному помогали. Мы дружно жили. Потом у папы был родной брат, недалеко жил. Он уже пошел на ту высылку. Он приехал с солдатами. Папа ему все отдал. Приехали уже арестовывать папу, забрали братьев, а меня с мамой оставили. Увезли в Житковичи. Я ходила к ним, навещала, в тюрьме сидели. Когда пришли, папа, правда, встал перед иконой и говорит: «Слава Тебе, Господи, что я уже дождался этого времени, что никто меня мучить не будет». Обкладали налогами. А только такими, что все забиралось подчистую. Ходили, носили пере-

дачу, что могли. Даже было брату моему младшему Ананию всего лишь двенадцать, и этого, бедненького, забрали в тюрьму. Правда, пошла я, понесла передачу, и они отпустили его. Я забрала домой. А Николай, Ефрем, Андрей, Иосиф – эти были вместе с папой. Всех мужчин. А потом с высылки все пошли воевать. С такой семьи я осталась одна сейчас. Подводами мужчин в тюрьму. Кого взяли, а кого и гнали. Шла я, встретила их, вели отца, братьев: их вели с сельсовета, везли в тюрьму. А я к ним навстречу, в слезы. Меня оттолкнули: уйди, уйди, а то ты там будешь, конвой говорил. Братиха пойдет к своему мужу, несет и этим передачу. Я иду – и этим несу. Передают приветы. Только одно просят: «Не забывайте и берите одежду, чтоб было тепло». Недолго сидели, может, недельку».

С конца 1932 г. по начало 1934 г. в республике были выявлены «контрреволюционная повстанческая и диверсионно-шпионская организация в системе Наркомзема БССР и Белтракторосцентра», «Белорусский национальный центр», «Партия освобождения крестьян» и ряд других. Учитывая, что приграничье находилось под юрисдикцией особого отдела ПП ОГПУ по Беларуси, туда из Минска направлялись уполномоченные.

Майский Петр Семенович, 1904 г. рожд.

г. Сморгонь.

Член КПСС с 1932 г.

«Американкой» ведал особый отдел (оперуполномоченный 2-го отделения ОГПУ. – **Авт.**). На границе был пограничный отряд, вел границу - это пограничный отряд. Они оперативно подчинялись управлению пограничной охраны, УПО. Но по делам своей секретно-политической работы они подчинялись особому отделу. Тогда управление помещалось на проспекте Ленина напротив здания, где сейчас МВД. Оно после войны не сохранилось».

Раскручивать столичные дела на границе не очень-то и хотели. Выезжая на места, оперативники представлялись уполномоченными окружкома по посеву, по заготовке и т. п. Под этой удобной «крышей» они находили в нужном сельском совете необходимое содействие, имели возможность проявлять любопытство и не ограничивать себя в действиях. За сутки удавалось без особых трудов ознакомиться с хозяй-

ством, с состоянием техники и скотины, послушать разговоры и побесе-
довать накоротке с колхозниками. Донесения оперативники писали ту
же или на следующий день. Выводы на первых порах были одинаковы:
никого из Польши здесь не было, никаких повстанческих ячеек не со-
здано. Одна опасность – развал колхоза или срыв посевной кампании.
Через несколько дней приходил ответ от руководства: продолжать про-
ведение работы по нужному направлению. Пока шла переписка, опера-
тивники продолжали встречаться с колхозниками и единоличниками,
привлекали в работе сотрудников секретно-оперативных частей погра-
нохраны и местную агентуру. В приграничье осматривались местности,
по ночам проводилось патрулирование дорог и деревень. И вновь ничего
нового. Второе донесение готовилось более тщательно, показывал
объем проведенной работы и план мероприятий, намеченных к выпол-
нению. Вновь делались выводы об отсутствии нарушений. Но началь-
ство требовало, и оперативники сидели на местах, пока не высасывал
из пальца «тематические дела».

Сосновский Михаил Куприянович, 1913 г. рожд.

Лельчицкий район, дер. Жмурное.

«Там, в Лельчицах, сидел март, апрель, май, июнь – по июль меся (арестован в 1932 г. – **Авт.**). Там много народа было. За что сажал людей! У моей сестры Павлины ушел муж в Польшу, когда стали орга-низовывать колхозы. Он жил в Жмурном. Собрали собрание, уже к это-му времени колхозы были. Это в Жмурном было. Собрали собрани (1931 г. – **Авт.**). Я уже в городе работал в это время. Иначе бы я тож был бы на этом собрании. Брата мужа моей сестры, Синицкого, не был на собрании. В это время был такой объездчик Ольшевский, он бы членом партии. А это в то время было редкой штуковиной. Провод собрание, и в это время кто-то выстрелил в окно и убил этого Ольше ского. Все испугались, попадали на пол, лампа погасла. Кто как к двер быстрее ползет. Потом сказали, что убили Ольшевского. Начался ра бор дела. Всех, кто не был на собрании, взяли на заметку, потом арест вали их. Приехали из ГПУ на следующий день и всех их забрали. И Жмурного человек восемь забрали. И они дураки, у них кто-то стрел «Признавайтесь, или всех расстреляем! Кто-то из вас убил человека! Они погрозили и выпустили: идите, мол, домой. А они вместо этого ра

нули в лес, все восемь человек, все мужчины. Среди них и Синицкий. Так они ходили по лесу долго, а затем перешли в Польшу. 5 января 32-го они возвратились в деревню. Сразу после этого начался хапун. Забрали человек 20 из-за них, что приходили. Забрали тех, к кому предположительно те могли прийти или приходили. В Жмурном хат 30 было, не больше. Посадили в основном мужчин из тех семей, что убегали».

Согласно оперативным данным ОГПУ в 1932–33 гг. в Лельчицком районе была раскрыта разветвленная «контрреволюционная организация», которая состояла из 27 «повстанческих ячеек». К разным видам и срокам наказания были привлечены 168 человек.

Валуева (Стацкевич) Наталья Ивановна, 1914 г. рожд.

Любанский район, Реченский с/с, дер. Дуброва.

«Рассказывали – не знаю, так или не так. Кулачили, по-моему, Тишкевича, считали богачом. Приехали его кулачить. Деревня жила дружно. Женщины собрались, побрали кто что и выгнали эту комиссию. В Новой Дуброве был другой сельсовет. Новая Дуброва была Старобинского района, а мы – Любанского. Был другой сельсовет, и другие люди, другое начальство, и был погранпункт. И они приехали. И эти женщины собрались и эту комиссию вытурили из Дубровы. Старухи, женщины с вилами, колами, лопатами. Пришли и стали возмущаться: почему забирают человека. Они уехали, а через какое-то время приехали с армией. На Уречье стояли пограничники. Это было не в мое присутствие. Поставили посты в каждом дворе, чтобы люди не выходили, и Тишкевича раскулачили, забрали хозяйство. Эта ж армия забрала всех наших мужиков дубровенских. Забрали 44 человека. Отец мой не попал в этот список. Отец у меня с 1870-го года рождения, так он был стариком, и его не взяли. Еще к этому часу не было колхозов, ничего не было. Потом началась коллективизация, агитировали. Мужиков арестовали, погрузили на машину и увезли в Слуцк. А со Слуцка погнали на Минск. Их осудили по 58-ой статье. Сыновья у них были малые. У Тишкевича было два хлопца уже. Федор уже взрослый, а Валентин, Валиком его звали, был еще мальчиком, так его никто не брал. Только мужиков взяли, оставили всех мужчин. Остался весь 21-й год, дети, и далее – 23-й, 24-й… Я с 14-го года и была уже в семилетке. Забрали мужиков и всех выслали.

Большинство было в Казахстане… Они все вместе не попали. Весь Казахстан ими был усеян. Потом, когда сыновья стали подростками, стали их сыновей забирать. Это продолжалось с 32-го года по 38-й год. Все время брали и брали. Например, у меня был двоюродный брат, Володя Хотяновский (отчество Федорович). Его забрали и выслали в Сибирь. Он работал электромонтером, там он и погиб. Выслали в Казахстан – говорили, без срока. До войны никто не вернулся».

В отчете из Плещениц отмечалось: «В районе каждый год ликвидируется 2–3 контрреволюционные повстанческие организации. Не успевают ликвидировать одну организацию, как вырастает другая». Люди на границе знали друг друга хорошо. Стоило кому-то увидеть незнакомого человека или обнаружить подозрительный след, как об этом сразу же становилось известно в комендатуре. Граница развивала у крестьян особую бдительность. Они следили друг за другом. Если замечали что-то необычное, сразу докладывали об этом на заставу или в комендатуру. От глаза соседей не уходили всякие мелочи: почему-то не пригласили в хату, появились незнакомые гости, отмечается необычное поведение и т. д. После этого за взятым на заметку жителем устанавливалась слежка, и если необычное поведение имело под собой почву и являлось, на взгляд особиста, антисоветским выпадом, хозяина арестовывали. Под высылку можно было попасть за любой проступок.

Стельмах Валентина Лукьяновна, 1913 г. рожд.

Воложинский район, Гиревичский с/с, хутор Доминово.

«Березина недалеко. И вот летним временем парень, — была у них там вечерка, и они что-то там задрались – и этого парня решили поколотить. Он сбежал, видно, выпивший был, в нашу сторону (Польша. – **Авт.**). Он побежал сюда, и они перестали гнаться за ним. Мама моя утром встала. У нас был стог возле сарая. Она видит, что там лежит парень. Она добудила его. Он спросил: «Где я?» Мама сказала, он испугался. «Беги скорее назад, а то тебя тут схватят». И он ушел. И рассказывали, что за этот переход и его, и его семью вывезли».

Чекисты не гнушались и прямыми провокациями.

Рожков Федор Васильевич, 1908 г. рожд.

Слуцкий (Старобинский) район, дер. Чижевичи.

«Был вербовщик от погранотдела. Житель, на хуторе жил. И ходил, вербовал за границу переводить, в эти тяжелые времена. Когда это было раскулачивание. И, значит, один согласился, другой согласился, и молодой человек. Девушку пристроил, брать не хотел, тоже уходила. И что вы думаете? Значит, договорились все, осенью убрали урожай. Приехал к первому. Семья – жена и двое детей. Мать оставил, запряг коня, посадил жонку, детей и этого самого сукинова сына. На телегу. Заехал не за границу, а завез в комендатуру. Шито-крыто. Фамилию не знаю его. Давыдка звали. Другой – то же самое, и третий. Эти ожидают своего, потом собирались, чтобы денег накопить, этих денег советских. В то время там меняли. Польша меняла на золото все деньги, за исключением рубля, трешки и пятерки. А наши деньги, нарицательная стоимость – золотая валюта, написано было. Десятки были – бумага, как шелковая, как доллар. Вот подошло ехать к другому. На той лошади уже приезжает, как будто за то, что перешел через границу, он дал ему лошадь. А он его не за границу, а в «волчьи» руки. Приехал на этой лошади. «Вот, видите, лошадь мне дал». Забрал этих. Завозит их, посидели там у него в подвале, где в сарае скрыто. Потом время подошло. Ночью, говорит, вот они рассказывали, которые остались. Ночью: «Собирайтесь». Собрались. Кому грабли, кому вилы, вроде идем на сенокос – туда, на самую границу. А он имел, подлец, пропуск. Охрана-то стоит в лесу, она везде расставлена, где граница. Он имел пропуск, идет, ведет своих людей. И рассказывают: один такой, в летах был, старик уже, заходят, у них освещение, в подвальное помещение заходят, на заставу. И один говорит: «Добрый вечер, паночки». А потом разгляделся, что там большевики сидят. Зеленые эти плечи у них. Это смеялись. Потом прошло несколько дней, видели их в Старобине уже, их оттуда, с погранотряда – в Старобин. Со Старобина в Слуцкую тюрьму их уже вели. За переход границы три года давали, было немного. После этого отбытия – три года – не уцелел из них никто. Недоверчивый народ стал. На лошади, одного еще с Кривич, говорят, завербовал там. Он ходил здесь по близкой окружности и вербовал: кто хочет за границу – заведу. И вот где он кого. Прусского попа, был разговор, забрал, и тот согласился. На Прусах был поп. При границе

хутор его был. Оттуда его могли выселить уже, так он отдался целиком уже пограничникам».

Никифорова (Толстова) Татьяна Павловна, 1918 г. рожд.

Дзержинский район, Боровский с/с, дер. Лучицы.

«Граница была вот тут уже, Рубежевичи – это уже была Польша. И получилось так, что у отца братья все в Польше остались. После той войны, как поделили границу. А мы находимся в России. И потом даже были неприятности, придирались к отцу. А когда стали колхозы делать, говорили, что к нему братья приходят, как шпионы приходят. Не приходили никогда, ни разу не приходили. Когда колхозы уже сделали, отец был первый председатель колхоза. Так приходили его проведать. Какие-то сплетни были. Раз пришли вечером уже, вынимают польские папиросы, дают закурить. Отец говорит: «Я не курящий». Действительно, он никогда не курил. Что-то начал по-польски говорить, и чтобы переночевать. Отец говорит, что нет: «Я тебя отвезу туда, где ты переночуешь». А на стенке ружье висело, даже не заряженное, у отца. Снял: «Давай, топай!» Загнал его в сельсовет: «Вот тут пусть тебя возьмут и пусть ты тут переночуешь. А у меня ночевать ты не будешь». Потом, другой раз, може, была какая такая попытка. Но другому отец просто морду дал: «Нечего ходить и проверять меня!»

Между декабрем 1934 г. (убийство С. Кирова) и началом 1937 г. в приграничье был развернут «тихий» террор. В погранполосе продолжали подвергаться судебному преследованию и выселению граждане враждебного социального происхождения, служители культа, бежавшие из ссылки и замеченные в противоправных действиях.

Надо отметить, что еще в июле 1933 г. приказом полномочного представителя ОГПУ по БССР в помощь пограничной охране была подключена местная милиция, в обязанности которой входило выявление лиц, не проживающих в данной местности, проведение проверок документов, задержание не имеющих паспортов, контроль за точным выполнением пограничного режима, а также изоляция лиц, занимающихся контрабандой. К работе подключилось сразу более тысячи сотрудников милиции, что тут же сказалось на ужесточении контроля в приграничной полосе.

Кротович Сергей Иванович, 1910 г. рожд.

Узденский район, пос. Сороковщина.

«После отсидки (три года. – **Авт.**) я приехал домой. А тут приехал участковый милиционер (1933 г. – **Авт.**) – и давай отправлять на 10-й километр: «Пограничная сторона – не положено». А я в ответ: «А куда я поеду с батьковой хаты? Мне негде жить!» Он приезжает и вновь меня забирает, и дают мне еще три года за неподчинение властям. После этого сидел еще три года».

Роговенко (Бородейко) Александра Алексеевна, 1918 г. рожд.

Лепельский район, Пышненский с/с, дер. Клевзы.

«Встретили – может быть, обрадовались, а может, и испугались, что пришла выселенка, кулацкая дочка. А знаете, какая строгость была? Яны, может быть, испугались. Но яны меня подержали неделю, покормили. Но я не могла наестися. А потом у меня была родная сестра, жила под самой границей, восемь километров от границы – деревня Корчи, Веснецкий сельсовет, Ушанский район. Пришел таки нищий человек, яны его покормили, попросили, и он меня повел туда. Это километров 40 мы шли. Она не знала, что я иду. Обрадовались мы. Вот тут я прожила. У сестры была девочка взрослая, в школу ходила. Мужа выслали. Мы с сестрой год прожили. А застава недалеко, и доказали, что кулацкая дочка живет. Приезжает военный. Это было весной, я была у сестры в доме. Один военный верхом на коне, приехал с сумками. Вот какое такое дело: «Немедленно чтоб убралась, чтоб 30 километров от границы». Я в ту же минуту собралась и ушла. Сестре дали 50 рублей штрафу за то, что меня содержала год, что не сообщила. Сестра еще: «Ну, что тебе дать?» Дала мне курицу. Я курицу под паху – и пошла, 30 километров надо было идти мне в Лепельский район».

Учитывая белорусский опыт, к середине 30-х годов, после образования НКВД СССР, куда входили и ГУПО, и ВОГПУ, вышли специальные постановления ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. «О выезде и проживании в пограничных полосах» и «Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г.», в которых милиции предоставлялись широкие права в отношении проживающих в пограничной полосе.

Изотова (Гордей) Юлия Ивановна, 1916 г. рожд.

Копыльский (Краснослободский) район, Краснодубровский (Мок-ранский) с/с, дер. Задворье.

«Сначала приехала в Минск, попала в Мокраны (убежала из высылки в 1935 г. – **Авт.**). Мой двоюродный брат, Гордей Алеша, и этот самый парень, мой жених, поехали в комендатуру, чтобы разрешили жениться. Куда там! «Нет! Что вам, девочек здесь не хватает, и вы должны доч кулака брать? И притом из ссылки приехала». Арестовали меня – и Тимковичи. Были перебежчики – там эти, которые переходили границу. Потом отвезли в Красную Слободу».

К тому же в приграничной закрытой зоне было решено в двухмесяч-ный срок провести паспортизацию и перерегистрацию выданных ране паспортов. «Неблагонадежные элементы», которых, по оценке тогдаш-него партийного руководителя БССР Гикало, насчитывалось свыше 2 тыс. семей, подлежали выселению из приграничной зоны (первоначально пла-нировалось 213 глав семей расстрелять). На руководящих должностях в советском и партийном аппаратах округов предусматривалось утвер-дить «товарищей с опытом военно-чекистской работы». Не оставалась в стороне и личная «инициатива» местных руководителей. Из Орши, Витебска и Бобруйска в ЦК КП(б)Б были направлены ходатайства о введении в этих районах режима пограничной зоны («очищение от клас-совых врагов, введение режима прописки»).

Во время проведения паспортизации все данные о представителях национальных меньшинств или прибывших из-за границы (независимо от национальности) передавались в отделы НКВД, где только согласно этим данным выписывались ордера на арест. Так, за подписью началь-ника НКВД Витебской области П. Раднова во все районы области была спущена директива, в которой утверждалось, что там, где есть «латыш-ское население, то там обязательно должна быть контрреволюционная организация», которую приказывалось незамедлительно ликвидировать. Аналогичная ситуация наблюдалась и в чисто «польских» районах.

Десюкевич Иосиф Семенович, 1913 г. рожд.

Узденский район, дер. Могильное.

«Як у Комыло (рабочий Комыловского кирпичного завода, Дзер-

жинский район, 28 мая 1935 г. – **Авт.**) приехало семь человек. Комна-та метра три ширины и четыре – длины, маленькая. Уже два лесника взяли свидетелей при обыске. Чижевский лесник был, да там еще Комар был. Да этак: «Разрешите вам обыск сделать», – пограничники говорят. Дак они там плитку разбили, шукали все в середине. Чего они шукали в плитке да под полом? Этот пол весь взорвали, доски взорвали на полу. Я думаю: что это такое? Не чувствую никакой вины. Думаю: «Неужели это невинного человека могут засудить». Сам себе это думаю. Погнали меня на станцию Негорелое и в Койданово – это в Дзержинск. Верховые погнали. Я пешком. Дак разов три кинулся. Иду да задремлю, и гэтак кинулся. Пошел босиком. Тапочки взял, да в руках несу, бо песку насыпается. Каб думал, что я який виновный – ты что, дак я мог бы в лес утячи, каб я знал. Там и лес был. Они бы в лесе меня на конях не нашли… На станцию. Там другие уже конво-иры передали. Передали той уже охране, каб меня привезли. Привез-ли в Койданово».

Войтехович (Ивашина) Юзефа Никодимовна, 1914 г. рожд.

г. Минск.

«Я ходила троху в колхоз (дер. Крыловичи Дзержинского района, 1935 г. – **Авт.**). Ребенку было 8 месяцев, и арестовали мене. Забра-ли, и она осталась. Тут были кулаки в Юхновичах, и она некая род-ственница была вроде маме. Контрабандой занимались эти. Они ушли неде в Польшу. Иногда мама туда ходила и связь имела с этими род-ственниками. Они слали нам письмо, а батька взял да получил это письмо, дурак! За это письмо всю семью нашу забрали, что мы связь имеем с Польшей, с этим человеком. Приезжает милиция и забира-ет. Постучали в дверь. Приехали в выходной. Кажа: «Мы вас забе-рем, оденьтесь». А девочку соседке отдали. Муж же приедет вече-ром, так и заберет. Повезли меня, машина грузовая. А брат еще ту-така жил, тут – на Шкловой Горе. Звали его Казимир, еще молодой, неженатый был. Он пришел с гульни, его забрали утром. Меня и его разом везут, он уже был в машине. Поздоровались. Отца ж забрали раньше. Привезли в Дзержинск, а потом повезли в Минск через три дня в «черном вороне».

Русак Иван Михайлович, 1916 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Путчинский с/с, хутор Горуны.

«В конце 35-го, в ноябре месяце – там такая комнатка была, с одним учителем в этой комнатке мы жили. Вдруг постучали, заходят военные (арестован 24 ноября 1935 г., счетовод-делопроизводитель Татарщинской НСШ. – **Авт.**). Представились и говорят: «Мы сделаем у вас обыск». И начали в этой комнате смотреть. Что у нас – сундучок у меня был, там одежда какая, белая. У него тоже ничего такого не было. «Пойдемте с нами». И в карманах обыскали. Сами документов не показывали: «Пройдемте в помещения». Заходим мы в эту школу, а вывели нас двоих. Школа была недалеко, метров 10–20, может, от нашего жилья. Глядим – в этой школе еще знакомый учитель, фамилия Петруцкий, и учительница Андреевич. А я жил с Куницким. А Андреевич была замужем за Кошко. Андреевич-Кошко – она так и писалась. Куницкий преподавал труд, а Петруцкий – математику вроде. Нам объявили: «Вы арестованы». Андреевич преподавала польский. По-белорусски разговаривали, но преподавалось на польском языке. Между собой ученики на белорусском разговаривали, а на занятиях – по-польски. Между прочим, были даже с Наровлянского района, здесь, в этой школе учились. Жидковичский, как сейчас помню, с этого района был. Жили они в общежитии, в помещичьем двухэтажном доме. Школа была внизу, на первом этаже, а наверху – общежитие. Три класса, по отдельности. Мы понятия не имели: ни один, ни другой. И сейчас в машину посадили и поехали в Дзержинск. Здесь была тюрьма такая деревянная, маленькая. Вот где сейчас на углу магазин, здесь рядом, через улицу. На этом месте была тюрьма, несколько камер. Нас втроем завезли, по отдельности посадили. Потом начались допросы в 16-м погранотряде».

Секретно-оперативным частям УПО и ВОГПУ иногда приходилось проводить непривычные для них мероприятия. Так, высшему руководству органов НКВД БССР 17 июня 1935 г. поступил из Москвы приказ начать проверку благонадежности служащих всех советских, кооперативных, колхозных и прочих организаций. Особое внимание необходимо было уделить приграничью. Сотрудники секретно-оперативных частей приступили к сбору материалов, характеризующих работников по степени политической благонадежности. Для этого использовались уже имеющиеся в аппарате НКВД документы, агентурно-оперативная информация и данные, полученные от секретарей партийных организаций. Все мероприятия проводились в неофициальном порядке.

Почти одновременно, 27 июня, в Минск на имя наркома внутренних дел БССР Леплевского пришла секретная директива по началу подготовки к очистке приграничных округов и районов от антисоветски настроенных элементов.

Майский Петр Семенович, 1904 г. рожд.

г. Сморгонь.

Член КПСС с 1932 г.

«После того, как «выяснилось», что «связи» Николаева, убийцы Кирова, идут за границу, Москва снова закидывает ориентировками Минск. У них одно требование: «Незамедлительно очистить пограничную полосу от ненадежных». Вот мне (оперуполномоченный второго отделения НКВД. – **Авт.**) и нескольким моим сотрудникам приказывают выехать на польско-советскую границу и «очистить» пограничную зону от «подозрительных элементов». В те годы крестьяне, которые жили около границы, так ти иначе были связаны с панской Польшей. Пограничная же полоса, которая существовала немного более за 10 лет, часто разделяла родственников, что жили по разные стороны границы. А раз была хоть какая-то связь, значит, эти крестьяне и их семьи являлись ненадежными. И вот разъезжал я по хуторам. Отводил взгляд, чтоб не видеть нищету, в которой жили крестьяне. Затыкал уши, чтоб не слышать плач малых детей, объявлял, что они высылаются. Документы при этом не оформлялись, просто давали на сборы 24 часа. Как-то под вечер приехал я с несколькими бойцами к одному хутору. Зашел в хату… Я сразу с порога разъяснил причину своего появления. Хозяин нахмурил брови. Выслушал меня, тихо встал и тут же чуть слышно что-то сказал сидевшим за столом детям. Только тогда я обратил внимание на них. Они вместе, словно по команде, подняли на меня глаза. Взгляд этих мал-мала меньше детей облек мне сердце. В сердце что-то оборвалось. Впервые спросил у себя: «Зачем их высылать? Кому это нужно? Неужели это враги?» Чуть сдерживая себя, выбежал из хаты… На следующий день к хутору подогнали подводы, погрузили пожитки и отвезли на

станцию. Там их уже ждали вагоны. Тут же на месте формировались эшелоны, и отправляли на высылку».

Согласно этому документу, на пограничные войска возлагалась задача по выявлению и изоляции активных противников строя. Высылке из погранполосы подлежали более двух тысяч семей «антисоветского неблагонадежного элемента», из которых в Казахстан отправлялось 600 семей, на север России – 1400 семей.

Сделав соответствующий вывод из июньских указаний, 4 и 5 июля ЦК КП(б)Б принимает два секретных постановления: «Об укреплении охраны границы и очистке погранрайонов от антисоветских элементов» и «О проверке личного состава пограничных округов и районов».

УНО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа было поручено в кратчайшие сроки провести операцию по проверке населения приграничья. При этом определенная часть жителей подпадала под выселение. К такой категории относились лица, имевшие родственников за границей, бывшие царские жандармы и офицеры, «лишенцы», выходцы из кулацких семей, священники, бывшие уголовники, а также все ненадежные в политическом смысле элементы (троцкисты, зиновьевцы и т. п.).

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Рымаши.

«Граница рядышком была. Вот Несвиж, и вот наши Рымаши рядом. Там застава была, помню, начальник Капустин звался. Дак когда нас уже высылали, ён же уже за паспортами приезжал, забирал. А мама вельми плакала, что куды ж мы кинем все свое: и дом, и все. «Куда ж нас пошлют?» Дак он: «Бабушка, не плачьте, вы будете спасибовать тех, кто вас высылал». А мама: «А мой сынок, что ж мы будем спасибовать?»

Гайдученя Антон Викентьевич, 1921 г. рожд.

Минский (Заславский) район, пос. Гурий.

«Отец работал в райисполкоме счетоводом. Звали его Викентий Иванович. Сначала забрали отца. Ночью дело было. Его завели в погранотряд, и там сидел. Погранотряд находится в самом Заславле. Затем нам

объявили, когда нам отправляться. Сенокос был (лето 1935 г. – **Авт.**). За мной приехала бабушка. Ходил, плакал – это буду у бабушки. «Был домик, а сейчас живу вдалеке от родителей». Выслали из поселка нашу семью, из Заславля – несколько семей».

Каминский Иван Владимирович, 1923 г. рожд.

Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Бересневка.

«Граница была далеко. В Юхновке батька строил – не в Юхновке, а в Небышино – строил мост через реку Поню. После, як с колхоза вышел. Пока эти строили сарай для коров, для телят, для лошадей, для свиней – эти построили, пока были, он работал, а тады, як постройки кончились: «Бери, – кажут, – плуг в руки и езжай на поле». – «А не, – кажа, – у меня в руках только топор, фуган, рубанок. Я не пойду». Ну и пошел дорожным десятником. Пошел работать, ну так сразу с сельсовета приехали – налог дали, и большой налог. Это в 35-м году, в начале. Он сам ушел из колхоза на строительство дорог, десятником. И десятником на мост тоже пошел. Эти мосты строил, в Бересневке. Тогда из колхоза выпускали. Тогда этого не было. Вот принесли налог. Ён выплатил. Ему приносят опять… Ему, что ли, 150 рублей, а тады, други раз, еще вдвое болей приносят опять. Он говорит: «Я ж заплатил!» – «У нас документов этих нету. Значит – плати!» Ён взловался, взял при их порвал эти бумаги. Дня через три ночью – это было в 35-м году, это было в августе – приезжают. Там учитель был, активист Пантелеенко, ён в Минску рабил, ён там, в Минску, и умер. Пришли. «У вас, – кажут, – мальчик родился. Почему вы не зарегистрировали?» Отец: «Как? Я зарегистрировал!» – «А где паспорт?» Ён достал, дает паспорт. Только родился ребенок, чтоб в паспорте был. Пришли три военных, пограничники и он. Рядовые солдаты. Только было специально, чтобы забрать. Он дал, яны поглядели. «А женщин?» Ён – и женщин. «А старухин?» Мать мамина, бабушка моя жила с нами. Ён и бабушкин отдал. Они забрали: «Собирайся! Пойдешь с нами». Ён пошел. Поворачивается назад этот Пантелеенко: «Собирайтесь. Через три дня мы вас повезем отсюда. Можете все брать с собой, за исключением постройки». А август месяц, где-то 20-го числа было. Тут не возьмешь с огорода и туды, куды привезут, так не посеешь, не возьмешь. И повезли нас. Из Бересневки нас две

семьи. Нас и Шаметько Ананий. Так же самое столяр, так же само в Бегомле где-то работал, а в колхоз не ходил…»

Васьковская (Ляховская) Розалия Адамовна, 1914 г. рожд.

Узденский район, дер. Присынок.

«Нас в 35-м году в августе выслали. Приехали, объявили, что семья высылается из погранполосы. Взяли отца и двух старших братьев. Большего звали Борис, а другого – Виктор. Когда пришли за отцом и братом, то Бориса дома не было. Брат учился тогда в Дзержинске на рабфаке башковитый. Его взяли уже из Дзержинска. Потом нас выслали. В Негорелом нас сразу – в телятник. Мы стояли, и привели мужчин, целую череду. И моих троих: батьку и моих двух братьев».

Горошко Надежда Николаевна, 1922 г. рожд.

Минский (Заславский) район, Семковогородокский с/с, дер. Селюты.

«Мой бедный батенька: только на работу да с работы, на работу да с работы. Ни с того ни с чего загремела машина черная, крытая какая-то. Бах-бах в дверь. Моя мама родная: «Кто ж такой? Что так поздно? Зачем?» Папа выходит первый, конечно. Мы все встревоженные. Открывает двери, смотрит. «Одевайся», – говорит на отца. А сами все – закрытые глаза повязками резиновыми, чтобы мы не видели их. Это буквально наши пограничники с Заславля (август 1935 г. – **Авт.**). Отец говорит: «Куда и зачем?» – «Не разговаривай, сейчас же одевайся». На маму показывает рукой: «Подай пару белья». Мама плачет, слезы. Мы все, сколько нас, слетели, все к отцу, держали его: «Куда?» Папа: «Дети, дети, тихо. Это недоразумение, это ошибка, тихо». На маму: «Стефа, перестань, успокойся». Мама: «Николачка, за что? Что ты сделал?» Так взяли, руки завернули – и в машину. В повязках. Можно было сорвать – и все. Но их трое, а отец один. В грузовую такую крытую машину – и помчали. И мы ждем папу. Потом, через неделю, нам предложили тоже собираться. С погранотряда приходили. А куда, зачем собираться – мы не знали. Потом нам сказали, что сушите сухари, и вы поедете далеко на север. А у нас не из чего сушить, у нас муки нету, у нас нет с чего печь этот хлеб. Но люди посносили нам. Собрали мешочек сухарей. Нас и вторых Горошко. Василь Томашевич. Папин двоюродный брат.

Маму научили: у мамы родной брат же в самом городе Минске, а нас шестеро. Самая старшая я. «Ты, Стефа, знаешь что, спрячь их, усдь, каб тебя не выслали, и ты с детьми останешься». Мама уехала в Минск. Четыре дня у брата была своего. Пограничники приходили к нам, искали, спрашивали, допытывались: «Где мать?» – «Не знаем». – «Уехала куда?» – «Не знаем». – «Ну, как вы не знаете? – допытывались. – Вот будем вас бить. Посадим вас туды и туды». Я не сказала. У третьего братика спросили: «Поехала к дяде». – «К какому дяде?» – «К дяде Ване». – «А где дядя Ваня живет?» – «В Минске». А фамилию они знали мамину девичью – Сляшинская. Вот они и разыскали. Привезли нашу маму. И тут уже держали нас, охрана, никуда чтобы не сбежала, и чтобы мы никуда не ушли».

Участвовали в операции все: пограничники, войска ГПУ, местный актив, сельская администрация. Как уже было заведено, мужчин до начала отправки семей изолировали. Для этого временно отводили в приграничных районных городах всевозможные здания: школы, церкви, костелы, различные складские помещения или даже железнодорожные станции…

Чиж (Беньковская) Елена Карловна, 1914 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Душево.

«В 35-м году ночью врываются шесть человек. Председатель колхоза Аксеник был по фамилии. «Мы пришли к вам следить». Правда, Аксеник был человек неплохой. Это чтоб мужчины нигде не выходили, женщинам можно. Аксеник говорит: «Вас высылать будут». Теперь к утру солнце взошло, уполномоченный приехал, который зачитал нам уже всю инструкцию: как и что. Значит, мужчин арестовали обоих: мужа и брата. Дедушку не трогали. Нам сказали паспорта сдать. Паспорта сдали. Нам дали восемь дней сроку собраться. А мужчин увезли в Копыль, в костел. Их там было много, со всего района, полным-полно. С нашего сельсовета были, Старокопыльского. А вот особенно Бобовнянский сельсовет. Там прямо несчитано было. В костеле держали. Правда, я каждый день – кормить же не кормили – носила им есть туда. Свиданья давали. Пойдешь, напишешь заявление, резолюцию положат и свидания дадут. Тут же, на месте, волокиты не было. С 23-го на 24-е это. Ночью

взяли, а потом первого августа (1935 г. – **Авт.**) нас уже увозили. Так большие обозы везли в Слуцк, привезли к вечеру, а мужчин привезли раньше на машине».

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.

Копыльский (Краснослободский) район, дер. Бучатино.

«Уже стали высылать. Пришли ночью. Свой актив пришел. С военными пришли и сказали, что вот так. Старше меня были тетки. Ганна уже самая старшая была. Дак Ганна только попытала: «За что ж нас вы будете отправлять?» Бо сказали уже, чтоб за десять дней уже собираться на переселение. «Переселение добровольное. Распишись». Брат взял и расписался. Дак вот все казали, что не треба было расписываться. А ён кажет: «Я расписался – поеду, а вы не расписалися – все равно поедете». Так же и было. Кто расписался, кто не расписался – все поехали. Брата взяли, мужчин побрали всех, даже и малолетов. В Красную Слободу завезли туды, уже где волость была. Там школа велика – дак их в школу. И 2 августа (1935 г. – **Авт.**) приехали знов сюда, додому. Пришли, поглядели – у нас ничего не складено, и они все в мешки попхали: вилки, кочергу, все... Заехали в Слуцк, сразу на станцию».

Касперович Иван Петрович, 1916 г. рожд.

Копыльский район, Старокопыльский с/с, дер. Оборки.

«Приехало ОГПУ из Копыля в Старый Копыль. Это было 3 ти 5 километров от Копыля. Приехали – и в два часа нам стучат. Отец поднимается: «Кто?» – «ОГПУ». Заходят в хату, садят с винтовкой солдата. Говорит: «Никуда их не выпускать». А сами поехали дальше на машине. Никакого сна – лежим. Ждем, что нас ожидает. Мать стала собирать сумки. Утром рано подъезжает «черный ворон» с будкой. Меня, брата и отца всех троих в нее. Семья осталась дома. Забрали, привезли в Копыль, в костел. Когда приезжаем – тот, тот знакомый. Все мужики – полный костел. Там и молодежь, и старики. Когда мать пришла на свидание, передачу принесла, начальник сказал: «Готовьтесь, собирай, что у тебя есть. Продавай ти своим отдавай. Через две недели вывозить будем». Из костела в Копыль отца вызывали. У отца были награды за какую-то войну при царе. Вызывали на допрос: «Подпиши, что добровольно уезжаешь». А он: «Ничего я подписывать не буду. Выселяйте,

вешайте, но подпись ставить не буду». Так и не подписал. Потом, через две недели, нас на «черный ворон», мужиков. Привозят в Слуцк, на станцию. Прямо на станцию подвозят. Эшелон стоит. Подвозят наши семьи оттуда, из Копыля. Уже все в вагонах сидят. Нас тоже – в вагоны, с семьями соединили. Повезли (август 1935 г. – **Авт.**)».

Изотова (Гордей) Юлия Ивановна, 1916 г. рожд.

Копыльский (Краснослободской) район, Мокранский с/с, дер. Задворье.

«Это вот две деревни Мокраны, третья была под Польшей, деревня Мокраны. Совсем рядом, наша была дальше, там вторая была, а потом третья – рядом, под Польшей. Это жили мы на «кордоне»... У нас фактически земля и не подлежала этой ссылке. Мы работали, как ишаки, мы не видели личной жизни никакой... 48 семей назначили к высылке, уже они целую неделю собиралися. Мужчин пришли – забрали. Пришли, арестовали мужчин, дали сроку неделю, и они целую неделю собирались. А нас – две семьи. Добавили и дали нам три дня сроку... Потому нас на неделю позже арестовали, потому что этому старшему сыну строили дом. И они ожидали, чтоб мы кончили дом. Кончили дом, зробили печь, запалили печь, пустили дым. И, говорят, председатель сельсовета сказал: «Хай глядит: в яки бок дым иде, в таки бок он и поедет». И ночью мы под вечер отвезли печника, ночью пришли, арестовали. Батьки уже не было. Арестовали двух братьев. Один с 7-го года, другой – с 11-го. А нам дали еще 3 дня сроку, за 3 дня собраться, и все. И нас уже вывезли. Нас уже соединили с братами в Слуцку... Видите ли, если бы брат отделился, отдельно жил – значит, нас, уже сказали, не будут высылать. И мы уже в долги заходили, продавали все вещи, чтоб отстроить. Потом дом построили, и завтра заходить в дом, а ночью приехали – собирайтесь. Обоих наших и Василевских из деревни Калинино. С нами вместе высылали – Пуляк фамилия, Петрок звали. Нас где-то высылали, мусить, перед дождем, это Илья второго августа – значит, нас в конце июля. В общем, еще не жали. Люди собирались, так они знали. А мы ж не ожидали, что ж нам сказали, что вас не вышлют... Подогнали машину и погрузили нас: быстрей, быстрей, потому что граница ведь недалеко, чтобы там шума никакого не было. Повезли

вот сюда, в Слуцке. Вот в Огородники. Мы только сутки были там, пока вагоны подготовили. Там уже со всего района, с Краснослободского и с Копыльского были».

Филиппович Ядвига Александровна, 1907 г. рожд.

Логойский район, Кузевский с/с, хутор Новинки.

«Братья мужа дезертировали из армии и перебежали в Польшу. Там и остались, поженились. А потом устроили границу в Радошковичах, они остались за границей. Выходило, что наша армия, когда отступала, они осели где-то. За границей братья Томаш и Костик. Мы про них ничего не знали. Знали, что ушли, и потом сообщили через кого-то, что поженилися. Потом польская граница закрылась, и мы ничего и не знали. А к нам приехали (20 июля. – **Авт.**) и сказали: «У вас братья за границей». Милиция ти НКВД, кто-то с района приехали. «У вас братья за границей. Мы вас не выселяем, а переселяем». На хуторе была только наша семья. «Мы переселяем вас подальше от границы». Сказали, что завтра вечером приедем, чтобы были готовы. Багажа разрешили много брать. Со скотинки мы ничего не брали. Из Логойского района выселяли 27 семей. В поселок прислали всех с Логойщины. Всем не разрешали брать коров, только нескольким сказали, назначили взять, некоторым разрешили, но не всем. Мы из высылаемых были последние, мы уже в бане жили. Старшего брата раньше выселили, еще старшего – в 30-м году. Перед вечером приехали, не хотели, наверно, чтобы люди видели. В Смолевичи на станцию завезли, погрузили».

Выселялись даже чем-то не угодившие негласные сотрудники…

Рымашевская (Шаховская) Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.

Копыльский район, Бобовнянский с/с, дер. Рымаши.

«Был у нас тоже бедняк, ходил за границу. Жемпера эти, шали носил. Принесет, продаст, а после пойдет в заставу и заявит, кто какую вещь него купил. А его все равно выслали вместе с нами (1935 г. – **Авт.**). Ахрамович фамилия его. Ходил за границу, есть все равно люди, кото-

рые хочут одеться. Шали такие хорошие шерстяные польские носил. Кто что у него попросит – он принесет, а после заявит».

Операция была успешно завершена к началу августа 1935 года. Всего было выселено 1979 семей, что составило 9877 человек (из которых 28,3% – мужчины, 28,7% – женщины, 43% – дети). Отправлено десять эшелонов: семь – в Северный край, три – в Казахстан. Вместе с высылаемыми было погружено всего 270 лошадей и 527 коров.

Но этого в понимании командования округа было явно недостаточно. Поэтому под давлением УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ Белорусского округа 26 июня 1935 г. ЦИК и СНК БССР утверждают секретное постановление об установлении особого режима в 500-метровой зоне границы. Вслед за этим последовало принятое 14 сентября совместно СНК БССР и ЦК КП(б)Б секретное постановление «О переселении жителей из 500-метровой погранполосы».

Списки населенных пунктов, жители которых подлежат выселению, утверждались высшими органами НКВД. С подачи УПО и ВОГПУ в них было зачислено 774 хозяйства колхозников и 113 хозяйств единоличников. Семьи предполагалось расселить либо в границах района, либо в границах республики. При этом предполагалось, что скотину, дом, хозпостройки и прочее переселенцы своими силами перевезут на новое место жительства. Для этих целей государство предполагало выделить каждой колхозной семье, переезжающей в другой район, по 300 рублей, единоличникам – по 175. Те, кто оставался проживать в пределах района, получали по 150 рублей. Общая сумма, выделенная из фонда СНК на эти мероприятия, равнялась 600 тыс. рублей.

Игнатович Александра Адамовна, 1909 г. рожд.

Пружанский район, дер. Рудник.

«Сейчас поселка этого нет (пос. Кветка Минского (Заславского) района. – **Авт.**). Все уже снесли – как тогда уже стали шпионаж этот, так стали хутора уже свозить в одну деревню, потому что это тут «шпионили».

Лейчинский Дмитрий Петрович, 1914 г. рожд.

Верхнедвинский (Дрисенский) район, Мястовский с/с, дер. Хаброво.

«Всем жителям, которые жили у границы, приказали убраться, переехать кое-кому разрешили, но чтоб не было видно из Польши, где живешь. За километр-полтора, там леса сплошные были. Часть были такие, которым разрешили только в Оршанский район переехать, ближе не разрешали… После того, как этот Федор уехал (убежал в Польшу. – **Авт.**), с соседней деревни всех выгнали в Оршанский район. Там тоже деревня маленькая, еще меньше, чем наша – домов 12, не больше… Деревня Рубежи, и фамилии там в основном Василевичи».

Переселение затронуло 30 районов республики. Ответственность за проведение данной операции возлагалась непосредственно на начальников погранотрядов, председателей райисполкомов и секретарей райкомов. В их обязанность входила и организация разъяснительной работы. Эта руководящая троица должна была проводить идеологическую подготовку, крестьянам все происходящее объясняли техническими мероприятиями «в целях большего укрепления государственной границы и обеспечения личной безопасности самих переселенцев». Официально под выселение подпало 887 семей. В 16-ти районах переселение проходило в их собственных границах, в оставшихся 14 крестьяне направлялись за их пределы.

Часть третья

1936–1939 гг.

Процесс сплачивания и усиления репрессивных органов продолжался. Тотальной проверке подлежали все работники райисполкомов (за исключением председателей), сельсоветов, колхозов, МТС, все агрономы, бригадиры тракторных бригад, учителя, работники кооперации, местные работники милиции, прокуратуры, суда приграничных районов. Исключение делалось для сотрудников НКВД. Согласно инструкции, все мероприятия предполагалось проводить «строго конспиративно и не допускать оглашения». Для проведения данных мероприятий создавались районные «тройки», в которые входили председатель райисполкома, уполномоченный сотрудник ОГПУ и представитель Центральной контрольной комиссии народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции: председатель райисполкома вызывал к себе руководителей учреждений и под видом учета кадров давал последним на заполнение специальные анкеты. Руководители низовых структур в свою очередь обеспечивали заполнение анкет своими подчиненными прямо в своих кабинетах. Выдача анкет на руки строго запрещалась. Далее «тройка» через аппарат НКВД и местного райисполкома проверяла все приведенные в анкете данные. После этого на заседании той же «тройки» рассматривалась судьба того или иного человека. В силу решение вступало после утверждения его республиканской комиссией.

В 1936 г. согласно решениям районных «троек» только из 9 приграничных районов перевод в тыловые получили свыше 200 человек, из них за связь с заграницей – 125, как классово чуждые элементы – 63, как антисоветские элементы – 6, как лица, не оправдавшие себя на занимаемой должности – 23. Впоследствии большинство из них было арестовано.

Согласно приказу полномочного представителя ОГПУ БССР от 14 апреля 1936 г., все работники служб ОГПУ и милиции обязаны были устанавливать деловые контакты с командирами подразделений пограничной охраны, проводить тщательное изучение всех путей возможного движения и пунктов наиболее вероятного появления нарушителей границы.

В мае – июне 1937 г. по стране прокатилась волна политических процессов. Начало этому в Беларуси было положено на XVI съезде КП(б)Б (10–19 июня 1937 г.), когда 68 делегатов, выступивших в прениях, разоблачали «вредительскую работу контрреволюционных троцкистов, правых и национал-фашистских шпионов, диверсантов, вредителей». В речах прямо говорилось, что «враги строя» являются агентами всевозможных разведок и, как в таких случаях полагается, имеют своих людей и крепкие связи на границе.

Но некоторые выступления шли куда дальше остальных.

Каменштейн (секретарь Слуцкого окружкома):

«Товарищ Шарангович в своем докладе сделал с этой трибуны заявление, что в БССР мы имеем 100 тысяч единоличников. Где же мы имеем эти 100 тысяч единоличников? Мы их имеем в пограничной республике. Мы их имеем на границе… Эти 100 тысяч единоличников на границе должны быть весьма серьезно учтены».

Летом органы НКВД приступили к фабрикации дел по разветвленной сети «Объединенного антисоветского подполья» в республике.

«Выборочное обследование» 154 хуторов, размещенных в 7,5-километровой приграничной полосе Заславского, Минского и Узденского районов, которое было проведено в 1937 г. оперативным составом УПО и ВОГПУ, «выявило»: 75 дворов имели родных в Польше, а хозяева 118 дворов «составляют контрреволюционный актив, который ведет антиколхозную работу». «Контрреволюционный актив» был выявлен среди населения хуторов в приграничной зоне Копыльского и Старобинского районов. Отмечалось также, что «особое значение имеют хуторские хозяйства в деле подготовки польской разведкой повстанческих групп и организаций к моменту войны между Польшей и СССР». Свыше 100 жителей хуторов Старобинского района были привлечены к ответственности по делу повстанческой организации «Белорусская революционная партия». На территории этого же района была «раскрыта» повстанческая организация, «созданная агентами польской разведки»; то же самое было «выявлено» и на хуторах Ветринского, Краснослободского, Ельского, Бегомльского и Лельчицкого районов. В отчете НКВД отмечалось: «Если нужно, количество этих примеров можно значительно увеличить... По делам польских шпионов и повстанческих организаций нету почти ни одного, где бы не проходили как активные участники жители хуторов, а сами хуторы – как явочные квартиры и пункты переправ». Такие дела составляли до 70% от общей массы. Одновременно с ликвидацией всех «шпионских гнезд» был взят курс на разгром последних хуторских хозяйств путем так называемого «стягивания».

Центр «контрреволюционной организации», согласно проведенным следственным мероприятиям, находился под влиянием польских и немецких разведывательных органов и имел особенно много агентов в приграничных районах. Все это повлияло на решение секретно-оперативных частей расширить зону особого внимания с 500-метровой полосы до 7,5-километровой и в то же время автоматически ставило под сомнение проведенные ранее мероприятия по очистке приграничной полосы от антисоветски настроенных элементов.

Этого было достаточно для вынесения обвинений некоторым партийным чиновникам, работавшим в приграничье, хотя повальных арестов на границе не проводилось.

На Пленуме ЦК КП(б)Б, состоявшемся 29 июля 1937 г., в котором участвовали представители ЦК ВКП(б) Яковлев и Маленков, в основном выступали партаппаратчики, занимавшие руководящие посты в приграничных органах власти.

Так, председатель исполкома Слуцкого округа К. Желудков начал с рассказа о делах в округе, но его тут же стали перебивать, задавать провокационные вопросы. Попросили сдать партийный билет. А Маленков в конце бросил: «Поляки за вас управляли округом». Как только Желудкова исключили из партии и вывели из состава ЦК, он сразу был арестован.

Дальше председательствующий предоставил слово Домбровскому, ранее четыре года работавшему секретарем Дзержинского райкома партии. Выступление Домбровского также прерывалось репликами Маленкова и Яковлева.

Яковлев: «Вы прямо скажите, как вы превратили этот район в центр польских шпионов?..» Маленков: «С кем вы связаны по старому времени, с кем встречались?» – «Имел знакомство с начальником погранотряда Мартыненко». Нарком НКВД БССР: «Мартыненко – шпион, он арестован». Вопросов было еще много. Домбровский был исключен из партии, выведен из состава ЦК КП(б)Б и тут же, на пленуме, арестован.

Но это было только начало. Ситуация обострилась в августе 1937 г., когда из НКВД СССР на имя Б. Бермана, наркома внутренних дел республики, и начальников областных управлений пришел указ № 0048Г от 11 июля о начале широкомасштабной операции по ликвидации «... фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР».

Для этого с 20 августа 1937 г. предполагалось развернуть широкую чистку антисоветского элемента, входящего в так называемую «Польскую организацию войсковую». Вся операция должна была закончиться в течение трех месяцев, к 20 ноября.

Оперативный состав УПО и ВОГПУ, насчитывавший около сотни человек и державший до этого в напряжении все приграничье, приступил к активным действиям.

К операциям Управление пограничной охраны и войск НКВД БССР подготовилось основательно. С образованием двух погранотрядов количество мини-тюрем в округе достигло 9. При этом новые тюрьмы строились со всей полагающейся для них атрибутикой.

Гаманович Михаил Севастьянович, 1923 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Стенка.

«Тут, в Березино была тюрьма такая. Деревянная тюрьма, там обшито досками. И потом в этой тюрьме, вот этот самый Григорий (товарищ, с которым Гаманович М.С. переходил границу в 1938 г. – **Авт.**)... Там было камер где-то 15. Там окошко, и в этом окошку там решотки есть с окна, и потом засыпают там чем-то, чтоб праз это окошко ничего не попало. Вот вставки, вроде «намордники», деревянные... Тюрьма – там был забор, так, примерно, забор высокий был, с метра два, досками сквозь. Вышек не было, просто тюрьма, и все. Была калитка».

Общая вместимость тюрем достигала 1800 человек при около 140 камер предварительного заключения (КПЗ).

Каждый погранотряд состоял из двух-трех комендатур плюс 22-я отдельная комендатура, подчинявшаяся напрямую Управлению погранохраны. Всего более 20 комендатур, в каждой имелось по 2–4 КПЗ. Общее количество камер достигало почти 70, в них могло содержаться одновременно до 800 человек. Прибавим к этому 2 контрольно-пропускных пункта и с десяток резервных рот (около 40 КПЗ на 400 человек).

Каминский Иван Владимирович, 1923 г. рожд.

Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Бересневка.

«В этом подвале, когда были пограничники, была конюшня (резервная рота, Бегомль. – **Авт.**). А после оборудовали на тюрьму. Это где-то в 33-м или в 34-м году. Это уже при мне, и уже батьку когда забрали, так батька там в подвале и сидел. Нас везли мимо, забор высокий. Я стоял, через забор трохи видно было. Они в решетки глядели все (август 1935 г. – **Авт.**), снизу, с подвала с этого».

На заставах также было оборудовано по одной КПЗ – это около 350 камер общей вместимостью почти 3 тыс. человек. Таким образом, УПО и ВНКВД БССР начало операцию, имея в распоряжении почти 600 КПЗ на 6 тыс. человек.

Агентура была поднята на ноги. Сотрудники секретно-оперативных частей давали четкие указания, по каким направлениям проводить соответствующие работы.

Игнатович Александра Адамовна, 1909 г. рожд.

Пружанский район, дер. Рудник.

«Местные писали: Лис был, и Климантович, и Шилак. И вот они сколько у нас людей посадили, и все эти стукачи писали ложь. Просто собаками были. Начиная с сентября 37-го, тут 4 или 5 взяли (пос. Кветка, Минский (Заславский) район. – **Авт.**), а в Сельцах взяли 3 или 2 только».

При этом поводом для ареста могла служить любая мелочь или личная неприязнь.

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Что получилось? Приехал Иван Зенькович с Колосовщины, а батька его тоже Иван. Этот батька сторожем был у меня. Я его словил, он нес 30 килограмм овса. Батька был сторожем на конюшне. Кони стали худать. Я попильновал и словил его. Забрал этот овес. Привел к председателю колхоза, Перепелкин такой был, его на правлении сняли с работы и оштрафовали на пять трудодней. Когда его Иван приехал в отпуск (он окончил летную школу в Ленинграде), он ему пожаловался, и они собрали материал. Вот этот Король был свидетелем, что ко мне приходили из-за границы шпионы. Этот Жирук с деревни Колосовщина, что утек – так он сказал, что Жирук приходил ко мне в разведку. Написал такой материал. Жирук утек в 32-м ти в 33-м. Сын ушел за границу, тогда батьку выслали на Урал куда-то со всей семьей, потому что ненадежная была семья, что сын может приходить. Они написали ложное заявление – Зеньковичи, батька и сын, потом Скуратович был такой, лодырь, один не ходил на работу. Я оштрафовал его на правлении. Еще Ходоровский такой был. Я их оштрафовал, что один гультай был, а этот зерно воровал. А Ходоровский был подпольный работник НКВД, он собирал сведения. Я ему ничего не делал, но почему-то он участвовал в написании этого материала. Жена Ходоровского пришла на бригаду и говорит: «Ты стерегись, тебя посадят, потому что мой с Зеньковичем на тебя второй день материал сочиняют за пригревком». Там такая пуня была. Я не знал об этом. Я сказал начальнику заставы Сибринову, что на меня материал составляют. Он говорит: «Не бойся, тебе никто ничего не

сделает». А через три дня после этого, когда я сообщил, приехали к
меня арестовали (27 августа 1938 г. – **Авт.**). А до этого еще в Коло
совщине выслали Мецко – тоже ничего не имел, на молотилке по
найму нанимал людей».

В закрытом письме четко указывалось, что организация с цент
ром в Москве имела «мощные ответвления в Белоруссии и на Укра
ине, главным образом в пограничных районах, и ряде других местно
стей СССР». Не оставались незамеченными и польские национальны
сельские советы, и районы в приграничной полосе, о которых такж
было упомянуто в документах. На границе начались повальные аре
сты.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

*Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Се
лище.*

Кандидат в члены партии с 1935 г.

«Аресты, массовое дело было в 37-м году. 24 августа это дело было
Арестовали половину этого сельсовета. Я пришел на работу и узнал
Брали всех – и молодых, и стариков, всех подряд. И ни один из них н
пришел. Никого никуда не пускал, никаких сведений ни об ком не давал
никто об этом не говорил».

Рукас Василий Иванович, 1915 г. рожд.

Украина, Запорожский район, село Беленькое.

«Я служил в Встринском районе Полоцкого округа, в отдельной Вет
ринской комендатуре. У нас в расположении комендатуры штаба, у озе
ра, было бывшее имение Путьковщина, и был большой сарай, куда сво
зили гражданское население (август 1937 г. – **Авт.**). Набивали сара
людьми от 20 лет – как мужчин, так и женщин – до 80 лет. Им предъя
вляли шпионаж, диверсия».

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

*Логойский (Плещеницкий) район, Крайский (Нестановичский) с/с,
хутор Абрагимовичи.*

«Мама была рядом, с той стороны. Когда отец женился, тогда еще не

было той польской границы. Вот он взял ее с деревни Батурино – это уже за границей – и жили здесь. У нее родственники там были. Маму тогда забрали, в 37-м. Тады не одну тут женщину, тогда 5 женщин, таких старух, забрали. 15 августа ночью они приехали, разбудили. На маму: «Собирайся». Что мы – давай плакать, детвора. Они ее в этот «черный ворон» – и повезли. И тогда пять женщин за одну ночь. Вот с этой, Козица, женщину, Христовскую, забрали, хутор Собачино – тоже старуху забрали. Гуринович Катерина. Потом кто же еще… Малиновская Фаина Адамовна».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище.

Кандидат в члены партии с 1935 г.

«В 15-м пограничном отряде был осенью в 37-м году. Там у меня был начальник отдела в отряде. Знакомый мужик был. Можно с ним переговорить. Там по одному делу был. Я говорю: «Битком набили эту свою тюрьму». – «Да, – он говорит, – и конца не видно». Ефремов фамилия его. Ответил – и все. Деревянная тюрьма. Там долго не держали. Следственный отдел был в погранотряде. А потом – в госбезопасность, в Минск. У этих людей ни совести, ни чести нет. С тобой вот будет сидеть, кушать с одного куска, с одной тарелки, сволота, и будет это дело делать. Там, я считаю, вообще порядочных людей нет».

Игнатович Александра Адамовна, 1909 г. рожд.

Пружанский район, дер. Рудник.

«Приехали мы, как раз умер Ленин, мне было 15. Мы сюда, в Союз приехали. Нам семь гектаров дали земли, да вот тут поселок Кветка был (Минский (Заславский) район. – **Авт.**). Сейчас поселка этого нет. Сначала забрали маму, а меня забрали 13-го (сентябрь 1937 г., арест производился пограничным отрядом. – **Авт.**). Маму зробили шпионкой, а там, у поляков, был ее брат, тоже был коммунист. А меня уже укрывательной. Трое уже у нас тут стукачей сказали, что я вредина, не хотела идти в колхоз, на работу. Я вышла замуж, больная была, и дитя у меня болело. Этот уже сын больной был. Маму забирали ночью. Приехали на «черном вороне» и уже посадили. Дети за ней бегли, плакали, трое детей

было от другого отца, малолетние. За мной приехали вдвух днем. Я еще шла, смеялася с теми людьми. Я кажу: «Что ж вы, пускай бы приехали до меня, взяли коня. А то вы едете, а я иду». Иду, и смеются, ничего ж я за собой не чувствую, и вдруг меня забрали. Як забрали, так чуть не два года просидела под следствием. Муж работал в колхозе, толком не прощалась. Потому, я думаю, может быть, по поводу мамы допрос сделают, а я завтра приду. Меня в Заславье привели. Недалеко от станции мы сидели, просто дом был. Там сидели эти уже арестованные. Уже «намордники» на окна дощатые натянули. Мы даже не видели неба».

Во время следствия по сфабрикованному делу «Объединенного антисоветского подполья в Белоруссии» было «выявлено», что центр этой организации «широко развертывал и безнаказанно проводил практическую контрреволюционную деятельность в пограничных районах БССР [...] Несмотря на то, что двадцать девять пограничных районов Белоруссии являются запретной зоной с особым режимом, в них оседало значительное количество быв[ших] кулаков, как ранее репрессированных, так и скрывшихся от репрессий, церковников, сектантов, бывших активных непосредственных участников антисоветских вооруженных восстаний и их пособников, контрабандистов и укрывателей шпионско-диверсионного элемента. Эти контингенты, оседая в пограничных районах, имели и всяческим способом систематически поддерживали организационные и родственные связи с Польшей, являясь одной из надежных баз польских и немецких разведывательных органов». В выполнение оперативного приказа наркома внутренних дел СССР Н. Ежова только по этому делу в приграничных районах было расстреляно 1210 человек и 2066 осуждено на разные сроки заключения.

Членов семей репрессированных в приграничье оставлять, как указывалось в докладной республиканского НКВД, было опасно, так как это «может дать врагу известную базу для продолжения активной шпионской, диверсионной, вредительской и другой контрреволюционной деятельности».

Основания для этого имелись. Так, согласно оперативной информации, в Житковичском районе такие семьи находились на грани нищеты: жили в хозяйственных постройках или полуразваленных домах, голодали, болели, не могли устроиться на работу, не имели средств к существованию. Из этого органы НКВД сделали вывод, что «нахождение этих семей раскулаченных и осужденных с подобным имущественным положением на территории пограничного района совершенно недопустимо, ибо [...] они сами являются самыми злостными контрреволюционерами, агитаторами против всех мероприятий партии и правительства. Необходимо принять срочные меры к освобождению района от подобных лиц».

По приказу наркома внутренних дел БССР Б. Бермана все члены семей репрессированных подлежали депортации в отдаленные места СССР.

На 20 октября 1937 г. по 1-й категории в 29 приграничных районах республики было репрессировано вместе с семьями 4483 человека, по 2-й – 7623.

Несмотря на все проведенные мероприятия в Москве считали, что операция затягивается. Поэтому из столицы вновь пришел приказ № 00693 от 23 октября 1937 г., который начинался словами: «В результате операций, проведенных по полякам, немцам, корейцам, харбинцам и другим, следственным путем установлено, что разведками почти всех государств, наряду с методами вербовки шпионских, диверсионных и террористических кадров непосредственно на территории СССР, широко применялся метод переброски своей агентуры под видом перебежчиков».

Вновь были развернуты следственные действия. На этот раз временные сроки проведения мероприятия не указывались.

Экман Абрам Ицокович, 1916 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«Брата забрали, который меня устроил в книжный магазин. Буля имя, он с 6-го года. Работал в продовольственном магазине продавцом. От погранотряда магазин, был в центре Плещениц. Оттуда его забрали. Вызвали, и как вызвали – закрыли магазин, и больше не пришел. У брата я жил. Это было в 37-м. 28 октября меня арестовали. Сидел в КПЗ в этом погранотряде. А брата раньше забрали месяца на три. Я помню, там в погранотряде был военный такой, Шевченко. Он носил две шпалы, но он очень дружил с моим братом. Он любил это дело, так он придет домой, возьмет бутылку в долг. А денег нет. Я помню все эти дела. Потом он получает зарплату и рассчитывается с им. Ему это надо было

каждый день, так он с братом и дружил. Так я ходил к нему на дом. Во он жил тут, в домике по Октябрьской. Просили у него хоть передачу передать: «Не беспокойся, он сытый. Там кормят хорошо. Он скоро вер нется, не беспокойся». Он так меня успокаивал. Его сразу как забрали он там не сидел. Только ночь может переспать – и все. Этот Шевченк меня обманул. А третьего брата уже забрали со мной вместе, там, Крайске. Он на лесопилке, чернорабочим. Его звали Фоля, он со 2-г года. Дети там остались, так дом у него был свой. На работе его тож вызвали, и как пошел, так и все. Сразу меня в камеру, одиночку, пото нагнали еще человек 15 под вечер. Так сидел и плакал. Думал: сейча отпустят. Я пошел напрямую через погранотряд».

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. С лище.

Кандидат в члены КПСС с 1935 г.

«Потом начали в декабре, потом в январе 38-го года очень мно брали. Я попал во вторую волну (декабрь 1937 г. – **Авт.**). Бывши председатель сельсовета попал в первую волну, Жуковский Емелья Меня арестовали в день выборов. В 11 часов вечера. На работе дел было. Зашел начальник штаба Веретейской комендатуры и участко вый милиционер, арестовали – и все. У меня оружие было. Я сраз им не отдал. Мне положено было, браунинг бельгийской системы, разрешение на него. Без разрешения оружие носить нельзя был Сельсовет имел оружие – винтовки. А работники должны были име разрешение, как положено оформленное. Я сопротивление при аре те немного сделал. Потребовал у них ордер на арест. Не было орд ра. Я говорю: «Никуда не пойду». Он пистолет вынимает. Я ему к дал под руку, пистолет милиционера в потолок. А этот начальни штаба Шевченко: «Привяжи его к оглобле». Он меня впереди пос дил, а сам сзади на сиденье. Такая легкая повозка, и лошадь хор шая – и в Логойск привезли. Потом привезли в Борисов (начало янв ря 1938 г. – **Авт.**). У меня сестра здесь в Логойске живет, она с 17-г года. Тогда она еще девицей была. Когда приехала на свидание к мне, то ничего не взяла. Одну пару белья. А тогда ж, знаете, бель не такое было, а сшитое с материи. Она заделала сюда, подпорола

заделала. На бумажке на этой, на курительной, и написала мне записку, что 15 января Андрейченко из Веретейской комендатуры, лейтенант, арестовал отца, Кирилла, тоже Воловик фамилия, троюродный брат мой, и моего дядьки сына Якова. Троих – и все, никого и по сей день».

На 20 декабря 1937 г. по решению тройки НКВД БССР было приговорено к высшей мере наказания 1210 человек, а 2066 посажены на различные сроки в лагеря. Всего с 24 августа 1937 г. по 1 января 1938 г. было изолировано «польских шпионов, диверсантов и участников повстанческих организаций» 12052, из которых примерно пятая часть была арестована в приграничных районах республики.

Очередная волна массовых арестов последовала в начале 1938 г. Выбор жертв был оставлен на усмотрение оперативных работников погранохраны. Их поощряли за превышение плановых показателей раскрытых дел.

Бычинский Владимир Тимофеевич, 1913 г. рожд.

Копыльский район, Слобода-Кучинский (Велешинский) с/с, дер. Кель.

«Были выборы назначены. Я списки составлял в Верховный Совет. Пришел домой, у меня и печать была. Я дома вечером рабил, знаете, в сельсовете: тут вот придут, тут придут. А это ж надо писать, это ж расписывать все аккуратно. Так я домой все это брал. Вечером сидел, писал – до часу, до двух ночи. Вот в апреле месяце НКВД заявилось к нам (1938 г. – **Авт.**). Член сельсовета постучался. Свой человек. «Открывай». Ничего не объяснили, показали ордер. Меня и отца взяли. Батька был слабый очень, старый уже. А за что пошло, знает – клевета? Батька мой на фронте в Гражданскую, а мать жила в западной, Салтановщина такая есть. Материна сестра замуж туда вышла, когда не было ниякой границы, ничего не было. Там нас двух родила, я и брат, и родила там девочку. Жила там мать, мабыть, два года, ти что, и потом захотела назад приехать туда, где батька жил. Сестра говорит: «Вот твои два хлопца, бери, а девочку мне оставь, хай у меня будет. Хай у меня будет, покамест тебе трудно, покамест батька не придет с войны». Мать так и зрабила. А кончилась война Гражданская, бах – граница, и все. Она там

так и осталась. До границы приезжал, помогал матери. Я ее и не помню. Понятия о ней не имел. Письма шли, присылала уже тетка. Это материна сестра рассказала, что мать твоя там живет. Дальше приезжал дядька, это материной сестры мужик, через границу – разрешали. Недалеко была граница. Да тут во, Салтановщина недалеко. Жил, и написали, сфабриковали те, кому не нравилось, что я в люди вышел. Батьку, вроде, написала письмо дочка, прислала. На батьку написали, что он имеет связь с Польшей. А раньше этой Польши боялись, как черт ладана».

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский (Нестановичский) с/с, хутор Абрагимовичи.

«Мы ночью были при конях. Я еще с хлопцем был. Наутро, на заранку, приезжают два военные, нашли нас. Мы недалеко от деревни были. Пасли этих коней. Приезжают на пароконке: «Ты Малиновский?» – «Я». – «Поехали с нами». Что ж, приезжаем домой. А дома был брат и три сестры младшие. Я самый старший. Мать уже арестовали в 37-м. Приезжаем, сейчас открывают куфар. Что там искать? Там тряпки лежали. Посмотрели, тут детвора стала плакать. На меня: «Собирайся». На повозку – и в комендатуру (27 мая 1938 г. – **Авт.**). Одного привезли. Обыкновенный дом, только что военные находились. Привезли в эту комендатуру и потом посидели много часов, яких трех-четырех дня. Сейчас вызывают. Опять повозка. Такого арестанта везут – и одного. Сзади с винтовкой верховой, и меня в Плещинский погранотряд».

Казалось, идеологическое единодушие обеспечено, но вместо повсеместной поддержки белорусский народ выказывал полное безразличие к советской власти. От участия в выборах в Верховный Совет БССР, которые состоялись 26 июня 1938 г., в Дриссенском пограничном районе отказались 34 человека, в Стародорожском – около 500. Подобные случаи имели место и в других районах. Безразличие местного населения давало повод вновь искать зачинщиков и подстрекателей, виновных во всех неприятностях.

Клепацкий Иван Миронович, 1903 г. рожд.

Лепельский район, дер. Малые Дольцы.

«Тады мы разделились на четыре бригады, в колхозе сделали. В нашей бригаде было больше посеву, а меньше трудоспособных людей. Они ж там жали вручную, 6–8 соток сожнет, а платить не платят. Ничего не давали. А я конями – 4–5 гектаров. Три коня запрягал хороших. А я их обогнал, и мне премию привезли. Просто туды, на поле – и вручали. За то, что жал, а посеву больше. А сжал я раньше их. Вот лопуха и забрали. С моего ареста брали. Так там Прокей Моржинский был, подавал на меня. Он пришел с армии, отслужил. В войну его убили, и брата его убили. Эти на меня подавали. А у меня, видите, так сложилось. У меня брат был где-то за границей, двоюродный. Я его и не знаю совсем. Ён с границы приехал, где-то был в Сибири и приехал в наш колхоз. Хату дали. А ён жил раньше каля Докшиц. Клепацкий фамилия. Приехал, месяц-два в колхозе побыл, погоревал, украл два коня и утек за границу. Это было в яком году? Як меня забрали. Утек с совхоза, два кони забрал, и четыре сына было у него. Малые дети, может, было годов 13 одному. Сторожей было два. И сторожи не видели, як ён два кони взял, взял четверо ребят, ночью погрузился зимой и уехал. Тот сторож подавал, что вроде я сторож, а этот Моржинский по злобе помогал. Того сторожа засудили, Кавецкого, на 10 лет. Я не встречал даже этого двоюродного брата. Я к нему не ходил, я его не знал. Они мне, каб я встречал, сразу дали 6 годы. Суд был в Полоцку. Значит, Кавецкий этот подал, и Моржинский с ним подавал. Вызвали меня. Я ответил: «А почем я знаю, як ён пришел? Может, еще штук десять есть за границей». Мне ничего не дали. Сторожа только одного судили. У нас такие вот были аресты – побрали, побрали, побрали. Побрали, и не вернулся вообще никто. Человек около 15 вместе с нами. Тех брали раньше нескольких, а после и со мной разом много там таких знакомых забрали. Я знаю одного с Подгай – Маковского, теперь Живанского, Самойлова. С Березники есть – Робутков, теперь Пухальского. Пухальский со мной сидел. Вася сидел долго со мной. А так я конюхом стал после суда. Потом пришли вдвух (15 июля 1938 г. – **Авт.**), председатель колхоза и этот, который арестовывал. Пришли – я ля коней, ля кринички, где теперь в колхозе база. И вот они пришли ко мне и говорят: вот, так и так, Вы арестованы. «Дак а як, за что?» – «Ну как, пойдем к Вам». Я за километр от дома был, я пошел с ними домой. Он тогда документы поглядел, за документы за мои».

Приграничье опустошалось. В деревне Тонеж (80 дворов) после про-

веденных арестов все мужское население составляло 3 человека. В колхозе «Красноармеец» Плещеницкого района в 1937 г. трудоспособных мужчин было 29, из них в конце 1937 и начале 1938 года арестовано 23. Несмотря на это, выявление врагов в приграничной зоне продолжалось. Даже после проведенных арестов новый руководитель НКВД БССР А. Наседкин (с 22 мая 1938 по 17 декабря 1938 г.) в начале августа 1938 г. информировал секретаря ЦК КП(б)Б П.Пономаренко: «До сих пор в пограничных районах республики проживает значительное число бывших кулаков, сектантов, участников банд, эсеров, бундовцев, лиц, связанных с Польшей, и др. антисоветского элемента».

В категорию неблагонадежных лиц стали включаться баптисты, еврейские служители культа, актив костелов и простые верующие. Секретно оперативным частям удалось выявить в пограничной зоне Минской области дополнительно ко всем высланным и арестованным еще больше тысячи человек «антисоветского элемента», в Полесской – около 800, в районах Витебской области – около 1300. В докладной секретаря ЦК КП(б)Б П.Пономаренко от 4 августа 1938 г., направленной на имя И. Сталина, отмечался провал кампании по организации красноармейских колхозов и предлагался вариант с созданием второй линии охраны границы в виде 320 спецхуторов. В этой же докладной на основе данных НКВД БССР сообщалось: «В Белорусской ССР 16 пограничных районов, из которых 14 граничат с Польшей и 2 – с Латвией. [...] В пограничных районах и районах, расположенных вблизи границы, в настоящее время выявлено около 600 человек бывших кулаков, 900 человек церковно-сектантского актива, 550 человек участников политбанд, 200 человек бывших эсеров, 280 человек бывших бундовцев, 150 человек чинов бывшей жандармерии и полиции, 75 человек бывших офицеров царской белой армии, 79 человек сионистов, 65 человек еврейских клерикалов, 8000 человек и членов семей репрессированных органами НКВД. Все эти элементы, безусловно, являются базой для шпионско-вредительской и террористической работы иностранных разведок [...] В пограничных районах вскрыт ряд антисоветских повстанческих формирований и большое количество диверсионно-вредительских групп в колхозах, куда преимущественно входили бывшие церковники, сектанты и другие социально-чуждые элементы». И далее – «[в] целях дальнейшего улучшения работы, хозяйственно-политического положения пограничных районов и усиления госграниц от проникновения нарушителей» партийный руководитель БССР обращался в ЦК ВКП(б) и непосредственно к генсеку: «Разрешить выселение из погранрайонов за пределы БССР семей репрессированных, контрреволюционные и повстанческие элементы и лиц, имеющих близкие связи с Польшей и Латвией».

С 1 апреля по 1 октября 1938 г. «польских шпионов, диверсантов и участников повстанческих организаций» было арестовано 5666 чел., из них каждый пятый был взят в приграничье.

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Застава Оступ, а комендатура была в Нарутах, за Кудиновичами, погранотряд – в Тимковичах. В комендатуре был такой Куницын, он меня арестовал. Заезжал ко мне, пакеты какие-то передавал, знал меня хорошо. Меня все хорошо знали... Приехал Куницын, и с этим Зеньковичем Иваном выпили, и в ту же ночь приехали и меня забрали (27 августа 1938 г. – **Авт.**). Иван не приходил. А он взял уже других понятых, этот Куницын, пьяный, и велосипед-то забрал. Он приехал в четыре часа, выпивали до 12, и приехал, и арестовал меня. Говорит: «Ну вот, так надо, ничего, тебя допросят и пустят. Я не могу, – говорит, – тебя не арестовать, мне поручили. Мы с тобой знакомы. Ты не обижайся, но я думаю, ты придешь домой». Два кубика в петлицах у него. Подняли, акт написал и велосипед изъял. Я растерялся и ничего не сказал ему. Нигде велосипеда не было в бригаде, у меня только. Брат мне привез. Он забирает, но жена молодая пошла в прокуратуру, то не отдали бы. За мной приехали на машине, «черный ворон» ходил. Они такую операцию провели по всем деревням. Пришла машина крытая, меня туда – и повезли. Там уже были с Рымашей, человек пять сидело в машине. Против моей хаты стоит машина, пришел, и там сидели два часовых с автоматами. Открыли, подтолкнули, и я полез. Баба плакала, помню, сердце закаменело. Я с ней простился – и все. Приехали еще в Кудиновичи, забрали, Киуло фамилия, он завмагом работал, и разом сидели мы с ним. Познакомились с ним. Привезли и разом заперли. В Кудиновичах еще кого-то забрали. В Раёвке кого-то – в общем, набрали человек 30. В Куковичах взяли. Забили целую машину, у них это этап такой был. Приезжаем в Тимковичи. В Тимковичах я просидел ночь. Там сделали анкету. Допро-

сили, сколько было земли, сколько было лошадей. Все минус и минус в анкете. Земли не было. Лошади вообще у меня не было, и инвентаря никакого не было».

Лойко Виктор Степанович, 1908 г. рожд.

г. Дзержинск.

«13 августа 38-го года я только приехал с пожара (старший смены пожарной части в Дзержинске. – **Авт.**). В деревне где-то был пожар. Поужинал, и только легли мы спать, в час ночи вошли двое, пришли, сделали обыск. Сказали, что арестованы. Около церкви был погранотряд. Думаю: «А что они будут спрашивать?» Пожарная охрана и погранотряд рядом был. Видно, приезжают с Минска солдаты, они отдыхают целый день, а ночью с деревень возят людей. По сто человек брали за ночь. Мы с братом вместе были. В погранотряде долго нас не держали. В Минск отправили. После нас в Дзержинске никого не брали. Это был самый последний набор – 13 августа».

Всего по результатам «польской операции» с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. было арестовано 21407 «польских шпионов», диверсантов и участников повстанческих организаций. Следствием вскрыто и ликвидировано 467 шпионских резидентур, 13042 шпиона, 2679 диверсантов, 4425 повстанцев и участников ПОВ. Маховик террора работал безотказно. А. Наседкин в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко вновь предлагал: «Возбудить ходатайство перед СНК СССР о выселении из приграничных районов за пределы БССР семей репрессированных контрреволюционных и повстанческих элементов и всех лиц, имеющих родственные связи с Польшей и Латвией».

Обстановка накалялась. Казалось, еще немного – и в приграничье останутся одни женщины да малые дети. Но в связи с очередной сменой руководства НКВД (в конце декабря 1938 г. наркомом был назначен Л. Цанава), как в Москве, так и в Минске неожиданно для всех аресты на границе, да и во всей республике, стали постепенно сворачиваться.

ГЛАВА 9

Секретно-оперативные части

Признание обвиняемых считалось основным в системе доказательств. Обвинения в контрреволюционных преступлениях в приграничье были связаны в основном с агитацией, пропагандой, всевозможными заговорами, политическими организациями различного толка и т. п. Доказательной базы для секретно-оперативных частей было явно недостаточно, или она вовсе отсутствовала. Поэтому все дела старались сводить к признаниям самих обвиняемых. Предоставлять признательные показания или отказываться от них, согласно уголовно-процессуальному законодательству тех лет, было правом обвиняемого, а не обязанностью. Он имел полное право молчать, отказываться от дачи показаний или говорить неправду. Его нельзя было принудить к иному поведению законными, процессуальными средствами. Закон запрещал применять к подозреваемым и обвиняемым физическое и психологическое воздействие для получения показаний. В статье 136 УПК РСФСР 1923 г. прямо говорилось, что «следователь не имеет права домогаться показаний или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер».

Конечно, сотрудники секретно-оперативных частей погранохраны имели возможность другими способами, не прибегая к насилию, провоцировать дачу необходимых показаний. Однако надо признать, что в конце 20-х – начале 30-х гг. следователи старались избегать подобных инцидентов. Искали официальные пути для освобождения задержанных даже в тех случаях, когда те отличались податливостью, были темны, безграмотны и могли подписать любые показания. Это, в первую очередь, касалось людей, перешедших с польской стороны.

Вилькот Кирилл Григорьевич, 1914 г. рожд.

Вилейский район, дер. Клыни.

«Привели в пограничное какое-то управление (Плещеницкий погранотряд, октябрь 1930 г. – **Авт.**). Нас посадили в комнату. Переночуем в

этой комнате, а днем нас выводят – дрова им режем. Там мы были два дня, в Плещеницах. Мы пилили – кололи солдаты. Нас кормили хорошо. Спрашивали: чего перешли, кто тут есть в России. Сказал, что у меня брат есть в Минске. Мама меня не увидела на рынке, пришла домой и написала старшему брату письмо. Они переписывались: «Куда-то ушел Кирилл. Ищите его там». А он меня видел во время войны. Приходил домой, так я еще в люльке лежал. Это было в 14-м году, когда война была немецкая. Он примерно знает, куда должен идти. Он стал звонить в Борисов, там был пересыльный пункт. А мы были в Плещеницах, в Борисов не поступали. Он днем позвонил в Борисов. Там ответили, что такого нет. А ночью нас привезли. Погрузили на машину, не грузовую. Я век машину в глаза не видел. Сел на эту машину, и едем. Едем, и коня нет. Часовой сидит. Я спрашиваю: «Слушай, кто нас везет?» Он смеется. Стал объяснять: «Ты не видел машину в глаза? Там стоит мотор, который работает и везет нас». В Борисове были казармы военные, военных убрали, их освободили. Перебежчиков было много в это время. Там была контора, где допрашивали. Из Минска был представитель. Днем меня допрашивали, и тут на меня документы получили. На следующий день утром меня вызывают. Спросили: кто тут есть у меня. Я рассказал. «А документы у тебя какие-нибудь есть?» Ничего не было. В то время паспортов не было. Метрики только. Я пойду ее просить, так спросят: зачем тебе метрика, для заграницы? Я не пошел за метрикой. Только три злотых, что мне дал хозяин, и все. Дали мне за рубль или два. И больше у меня ничего нет. Следователь говорит: «Брат твой вчера звонил. Тебя еще не было. А сегодня вечером я буду ехать, так я тебя заберу». А у брата фамилия Вилькот. Он тогда, в 30-м году, работал в милиции, был подполковник, в оперсекторе работал. Он работал на Ленинской улице, как с Советской идешь, так направо была милиция. В форме милицейской ходил, две шпалы носил. Привез уполномоченный, посадил на станцию. На извозчике добрались до станции. У него с собой документы. А я не был ни разу на станции, паровозы в глаза не видел. Я прожил в деревне – машины не видел, не то что паровоза. А тут кричат: «Граждане пассажиры, такой-то поезд подходит». Я не понимаю, откуда кричат. Поезд подходит. Он завел меня в вагон, на верхнюю полку посадил. Дал мне конфеток-подушечек грамм сто-двести, «Сиди, а я пойду. Знакомого надо проводить». Я сижу и думаю: «Хоть

бы мне его не потерять, а то куда я денусь?» Не он меня смотрит, а я его. Приехали в Минск ночью. Он с вокзала куда-то звонит: «Машина пусть за нами приедет». Так отвечают, что поздно – все ушли домой, никого нет. Машина, мол, есть, но шоферов нет. Это по разговору. Он из телефонной будки с вокзала звонил. «Придется нам пешком идти, нет никого». – «Далеко?» – «Нет. Сейчас через сквер, и там уже видать». Он пошел вперед, дал мне бумаги. Я за ним бегу как собачонка, чтобы не отстать. Он за мной не смотрит. У меня стали разлетаться бумаги. Я остановился и давай их собирать в кучу. Он далеко ушел, оглянулся, что меня нет, и стоит, не бежит искать. Смотрит, где я. А я бегу сломя голову, только бы его не потерять. «Чего ты отстал?» – «Да бумаги распадаются». – «Ну, давай потихоньку пойдем». Дошли. Привел в кабинет на второй этаж. Дежурный там сидел. «Пусть этот парень у тебя ночь пробудет, а утром приду и разберусь с ним». Я остался, а он ушел. Сижу, молчу. Чего этому дежурному в голову ударило, или я ему помешал. Посидел я, может, часа два, все разошлись. Он звонит куда-то и говорит, чтобы забрали меня. Пришел часовой, забрал и повел в тюрьму. Ночью, в час или два. От НКВД вниз, а затем на горку. Повел пешком часовой. Привели в камеру. А там в этой камере раньше сидел, два дня тому, с нашей деревни – Дубинский фамилия, Василий. Он батрачил, у него никого не было. Он один был: ни отца, ни матери. Брат у него был здесь, в России. Где-то работал в Слуцке. А мой брат знал его брата. Так когда меня искали в Борисове, вызывали, искали по казармам (он знал, что я в Польше: «Куда он может пойти?»), так он вместо меня обозвался. А мой батька его крестил, этого Василия. «Его отец меня крестил, так, может, меня…» Так его заместо меня забрали в Минск. И меня – в аккурат туда. «Я вот только сегодня приехал». Было людей много. Там человек 15 было. Только хлопнула дверь, он меня увидел. Он говорит: «Ты, наверно, выйдешь раньше меня. Так ты скажи брату своему, чтобы тот сообщил моему брату, что я здесь. У него есть адрес. Пусть меня отсюда заберут». День сижу, два сижу. Там были тоже перебежчики. Брат придет в НКВД: «Так когда вы его отпустите? Или давайте мне с ним свидания!» – «Вечером отпустим». Не отпускают. Назавтра снова идем, и вновь обещают освободить. Так он ходил восемь дней. На восьмой день меня вызывают. Темно уже, поздно. Вызвали в НКВД к этому же самому следователю. «Вот только-только

был брат, но он ушел на работу, не дождался. Куда тебе дать адрес? Брата на работу ти домой?» – «Пойду искать на работу – приду, а он пойдет домой. А потом и дом не найду. Вы лучше мне расскажите, как мне домой к нему попасть». Он жил тогда на Обувной улице. Он мне рассказал, как идти. «Там будет стоять постовой милиционер. Ты не стесняйся, спрашивай. Бумажку подай и спрашивай. Он покажет, куда дальше идти». Иду по городу. Никогда не был, только ночью. Как из клетки меня выпустили, мне интересно, радио кричит. Я задираю голову, верчусь по сторонам. Люди идут, я в кого-нибудь стукнусь. Глядят на меня с удивлением. Дошел я до первого перекрестка. Мне надо было повернуть налево. Сначала Комсомольская, а затем вниз. А там уже Обувная будет. Я еще не сказал: «Милиционер». А пробурчал: «Полициянт…» Я не привык. Он посмотрел, понял, откуда я. Рассказал, как мне добраться. Вежливо. Правда, дошел. Нашел дом, дом пятый. А квартиры четыре. А дом деревянный, и не знаю, как дальше быть. Один дом. Какие там могут быть квартиры? Пойти в дом, но я в таком виде дряхлом. Во всем крестьянском. Зайти стесняюсь. Хожу по улице. Рассчитываю, что кто-нибудь выйдет – так я спрошу. Из соседнего дома вышла женщина, направилась в мою сторону. «Скажите, пожалуйста, где тут Вилькот живет?» – «А вот с той стороны. Пойдем, я Вас проведу, покажу». Взяла, как мальчишку, за руку и повела. Заходим. Он с работы еще не пришел. Жена молодая, интересная женщина. И еще ее сестра жила у них. Веранда, стекло, видно, что сидят. Мне стыдно стало. Женщина открыла дверь и говорит: «Я вам гостя привела». А я за дверь спрятался, стою. «А где гость?» – «А он шел сзади. Куда делся?» Они выскочили и заметили, что я за дверьми спрятался. Они затащили в хату скорее. Они скинули к черту эту одежду. В ванну, вымыли. Одежду дали: и нижнюю, и верхнюю. Братова дала. Что длинно было, она подрубила, машиной подхватила. Я не имел с двумя другими братьями связь, только с ним. Один работал в Остроглядах, в совхозе Брагинского района. Директором совхоза был Викентий. А второй работал в то время в совхозе Василевский, санаторий сейчас Васильевка, за Новобелицей недалеко. Илья работал на опытной сельскохозяйственной детской станции за парком Челюскинцев. Домик стоял, так он был главным в этом хозяйстве. Пришел к братовой. Они меня обули, одели. Всю мою одежду скинули, рванье вынесли. У них были дочка и сын. Они в школу ходили. Две комнаты и кухня, веранда. Дом состоял из четырех квартир, одноэтажный. Переодели: «Посмотри в зеркало. Ты себя узнаешь?» Приходит брат: «Я только оттуда. Сказали, что тебя выпустили». Поужинали, чаю попили. Порасспрашивал. Я рассказал. Легли спать. Я как лег в эту постель чистую, так я до следующего вечера не мог проснуться. Одежда крестьянская, идешь – как рашпилем по спине. А тут все мягкое, заводское. На следующий день пошли, мне сказал следователь назавтра прийти к нему. Я пришел к этому следователю. Он мне дает документ на право проживания в СССР, что теперь я подданный Союза. «Ну, иди». Я и пошел».

Малашонок (Таляронок) Надежда Алексеевна, 1912 г. рожд.
Докшицкий район, Крулевщинский с/с, дер. Журавлево.

«В Плещеницах (осень 1931 г. – **Авт.**) – там с недели, можа, были. Одноэтажные. Сидели, нас кормили там потрохи. Выпустят нас: «Выходи». Мисочка, ложечка, там черпачок нальют. «Заходи!» Там бревно такое. На бревна садишься и ешь. Давали хлеба. Тогда мы там падали… Сидели там, кормили нас. Не ходили свободно. Закрывали. А кушать на улицу вызывали. Приносят нам битоны ести и нас выпускают… Тогда пришли машины, и нас – в Минск… Всех в Минск забрали. Там уж в красноармейские лагеря. Потом допросы были. Тут же всех допросили, в Минске. В Минске, может, с месяц побыли. Ничего не делали, сидели, и нас кормили хорошо. Потом распределили кого куда. Многих даже на север отправили. По всему Советскому Союзу. А нас – в Гомель. Нас было в Гомеле 12 человек (всего перешло границу 72 человека. – **Авт.**). Гриша, мой швагра, и сестра, и я, и его сестра и там еще несколько человек, уже я их не помню. А нас уже вместе. Мы работали вместе. Нас в Гомель отправили уже с Минска. Дали нам документ – и выезжайте. Поехали мы в Гомель, и там нам… Гриша руководил нами, так я и не знаю, куды ходил, что ён. Нас прямо на работу поставили. Распределили нас там, дали общежитие. И мы жили в общежитии. Грише дали комнатку со своей женой».

Со временем сотрудники секретно-оперативных частей все чаще стали прибегать к незаконным методам ведения дел, толкать людей на самооговоры. При этом способов получения признания было несколько:

- угроза насилия со стороны следователей;
- манипулирование психологическим состоянием обвиняемого (повышенной внушаемостью, желанием оградить близкого человека, взяв его «вину» на себя, и т. д.);
- прямые провокации при проведении допросов;
- облегчение условий жизни во время следствия;
- прямые физические меры воздействия.

До середины 30-х основной упор следователи делали на получение признания в обмен на снисхождение во время допросов или при вынесении приговоров. Нередко подозреваемые верили всему, что им обещали. Иногда удавалось убедить обвиняемого в том, что против него собрано достаточно улик, чтобы согласиться с ними. Особенно легко было работать с перебежчиками – некоторые из них давали показания против себя на начальном этапе следствия, прямо на погранзаставах или в комендатурах.

Морозевич Лука Лукич, 1913 г. рожд.
Пружанский район, дер. Березница

«Отвел меня на заставу (перешел границу 1 ноября 1936 г. – **Авт.**) и запер под ключ. Я сидел в одиночке. Не понимаю, зачем они меня держали. Сначала составили протокол: откуда и зачем? Держали недели, чуть ли не три. Все это время сидел один, никого. Помню этих вшей. Солдаты хорошо относились. Начальник заставы вызвал меня: зачем, как, почему? Провокаций с их стороны не было. Один раз вроде дознания – познакомиться захотели – и отправили назад под охрану. Только сказали: «Мы все проверим». Видимо, они держали меня, чтобы проверить. До первых снегов был на заставе. Просидел я на заставе. Затем отправили в Новоборисов. Машиной грузовой повезли. Вместе с солдатами ехал, под охраной».

Невгень Устин Васильевич, 1910 г. рожд.
Гродненский (Скидельский) район, дер. Конюхово.
Член КПЗБ с 1934 г.

«В мае 36-го года переходили. Переходили вдвоем. Мы перешли границу, так сами не знали – как. Найдя пачку от «Казбека», мы поняли, что мы в Советском Союзе. Пошли до заставы, здание с красным флагом. Идем дальше. Видим, откуда-то выходят бойцы: «Стой! Чего вы тут? Кто? – посыпались вопросы. – Оружие есть?» – «Нет». Доставили на заставу. Там начали допрос. Мы же требовали представителя из ЦК КПЗБ, так как у нас пароль. Допросили – и в Заславль. Военные допрашивали. Спрашивали только: «Чего пришли? Кто прислал?» – «По паролю идем». – «Какой пароль? Нет никакого пароля!» Он дал подписать бумагу, в которой говорится, что мы не сами пришли, а нас задержали».

Сазанович Павел Алексеевич, 1912 г. рожд.
Клецкий район, Краснозвездный с/с, дер. Бабаевичи.

«Обыскали карманы несколько человек и запустили на заставу (17 мая 1936 г. – **Авт.**). Ждали, пока приедет начальник заставы. Спросил, кто и откуда. Застава называлась Локовичи, кажется. В тот же день и допросили. Затем нас отправили в Филипповичи. Мы были в этот день вдвоем. Мы шли пешком, а двое верховых нас сопровождало. Там, в Филипповичах, допросили. А из Тимковичей за нами приехали. Допрашивали: один меня, а другой – моего друга. Прямо в Филипповичах. Спрашивали: зачем перешли и какие причины перехода. В Тимковичи повезли меня одного, а друга не взяли. Я, когда сидел, то думал, что друга моего назад отправят. Однако в Тимковичах, уже когда следствие закончилось, я его увидел, встретил. Везли меня в Тимковичи на легковушке. Думал, что все впереди, открылась дорога для учебы, работы. Думал, что проверка уже закончилась. Ан нет – привели прямо в камеры, в КПЗ. Вели меня одного и посадили в одиночку. Целую ночь меня допрашивал следователь, с которым ехал. Там допросы стали гораздо обстоятельнее: зачем пришел, кто послал? Там уже все расспрашивали. Сразу я сидел один в одиночке. Вызывали очень мало, довольно редко, но следствие длилось несколько месяцев. В Тимковичах – там не помоешься, белья не поменяешь. Как отправляли в Минскую тюрьму, завели в маленькую будку, «баней» называемую. Попарились – и нас в Минскую тюрьму. А мошек и насекомых на нас была тьма. Следователь не подсмеивался, не ругал сильно, не заставлял неправду подписывать. Когда все было уже позади, при нашей последней встрече, сказал: «Следствие Ваше закончено, но что с Вами будет, я и сам не знаю».

Продуктивность работы с польскими гражданами сказывалась и на цифрах служебной и боевой деятельности погранохраны НКВД Белару-

си в промежутке с 1921 по 1935 гг. Среди нарушителей, задержанных на границе, было выявлено 4902 шпиона, 550 диверсантов и 13656 контрабандистов. Целая армия преступников… Только в 1929 г. на участке 17-го Тимковичского погранотряда из задержанных 399 нарушителей границы 196 оказались «разведчиками».

С советскими гражданами поначалу тоже не церемонились.

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.

Дзержинский (Койдановский) район, Ляховичский с/с, дер. Судники.

«В Койданове раз вызвали (февраль 1930 г. – **Авт.**): «За что вы арестовали? Я ж ничего не делал?» А мне уже 19 лет было. «Ничего! Пойдешь куда надо». И меня отправили в Минск».

Но постепенно, когда стал требоваться сбор доказательной базы, следователи столкнулись с определенными трудностями. В приграничье к этому времени хорошо знали, чего можно ожидать от сотрудников секретно-оперативных частей, и поэтому в иных случаях следствие терпело фиаско…

Русак Иван Михайлович, 1916 г. рожд.

Дзержинский район, Путчинский с/с, хутор Горуны.

«Нас втроем завезли (24 ноября 1935 г. – **Авт.**). Там четыре камеры, кажется, было. Малый домик такой. Там в камере были перебежчики из Польши. Погранотряд в Дзержинске, и тюрьма эта была. Все перебежчики. Они спрашивать стали. На меня один говорит: «Ты подброшен, чтобы узнать, что мы разговариваем». Прямо так и говорит. Двое евреев из Вильно, они вдвух перебежали границу. Один, значит, в другой камере был. Когда в туалет водили, окошечко вот так вот. Возле окошечка проходили. Этот, значит, по-еврейски разговаривает, а тот медленно идет. И вдруг нам потом объявляют, что у вас группа. Были мы там пару дней. Вызвали и повели в помещение погранотряда. Завели, посадили за стол и говорят: «Вам предъявляется обвинение в том, что вы сколотили группу». И называют этих всех людей: я, Куницкий, Петруцкий, Андриевич, Спицевич, зав. районо, Петрова, уполномоченная по

образованию с министерства. Она навещала школу, Спицевич навещал, он как зав. районо. Мы их не видели, нам сообщили, что мы с ними организовали группу для агитации против советской власти. 72-я статья – агитация против советской власти, 76-я – групповая. Об этом никакого понятия не имели. «А вот Анисович (там рабочий был) сеял, так Вы говорили: «Ты мужик, дурны мужик». Так я говорю: «Я не говорил, я читал стихотворение Янки Купалы». – «А! Так ты насмехался над советской властью!» Меня и учителей троих осудили, а этих троих освободили: Спицевича, Петрову и Андриевича. Суд освободил, Верховный суд Беларуси. Раза четыре-пять тягали на допрос в Дзержинске. В тюрьме евреев тоже допрашивали. Он говорил, что Виленскую гимназию закончил, который в моей камере. Говорит: «Я кончил вместе с этим, который рядом сидит. Там работы нет, – говорит. – Мы думали, здесь перейдем и, может, дальше будем учиться». Это он стал мне доверять. Собственно, пацаны, какие мы были там, по 18 лет. Говорит: «У нас безработица. Учиться больше нема як. Нас, евреев, – говорит, – вообще не принимают учиться». Допрашивали их, пугали, но не били. Один раз в неделю принимали передачи. В январе только в Минск переправили. В Минске продолжалось».

С середины 30-х следователи начинают применять запугивание обвиняемого репрессиями по отношению к его близким, давая понять, что, оговорив себя, он спасет свою семью. Иногда обвиняемые признавались в определенных фактах, которые, на их взгляд, не имели никакой антисоветской направленности. И на самом деле эти факты не содержали ничего порочащего советскую власть, и отрицать их было бессмысленно. Но часто подобные признания в процессе следствия передергивались и истолковывались в искаженном виде, что давало возможность предъявить допрашиваемым политическое обвинение.

Десюкевич Иосиф Семенович, 1913 г. рожд.

Узденский район, дер. Могильное.

«Привезли в Койданово (28 мая 1935 г. – **Авт.**), на допрос вызвали в этакую канцелярию ихнюю. Здание этакое, особо важный отдел. Там, в Дзержинску, меня вельми долго не держали – да сюда, в НКВД, в Минск. Уже в Дзержинску спрашивали: «А ты получал с Польши письмо?» Дак

я говорю: «Получал. Если я виноват, то вы меня наказывайте за это письмо». Мне дали статью 120-ю: переход польской границы».

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.
Логойский (Плещеницкий) район, Крайский (Нестановичский) с/с, хутор Абрагимовичи.

«В Плещеницком отряде (конец мая – начало июня 1938 г. – **Авт.**) просидел две недели. Посадили в одиночку, в тюрьму. Деревянная была, специально была сделана. Одно окно – и все. Просидел я недели две. Вызывали на допрос: «Ти знаете того, ти знаете того?» А что я, пацан, мог знать, про которых спрашивали – старше мужики. Они тоже высланные. Кого знал, я ответил. «Ти приходил кто с Польши к родителям?» Я говорю: «К маме никто не приходил». Ругать не ругали особо – на стул, на кант посадят, чтобы резалося. И все. Тогда ночью вызывают. «Черный ворон» стоит на дворе. И в Борисов, в тюрьму».

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.
Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«А Морозов, начальник погранотряда, уже держал показания этих свидетелей, и подчеркнуто там было (конец августа 1938 г. – **Авт.**). Он, значит, имел право. Он говорит: «Сколько разов за границу ходил?» – на меня. Я говорю: «Не ходил, товарищ начальник». – «Какой я тебе товарищ – гражданин». – «Ни разу не ходил».- «А к тебе приходили шпионы? Тумилович и Жирук были?» Я говорю: «Никогда не были». – «А ты с ними дружил? Вместе на вечерки ходили?» Я говорю: «Как же я дружил? Они были более-менее зажиточные, а я батрак, служил у них. Да я младше за них». Я говорю: «Брат мой, может, более-менее с ними гулял, а мы отдельно с группой». – «Они к тебе приходили!» Еще несколько вопросов: «Ладно, посидишь – все скажешь!» Все – в камеру. И нас стеснили и утром, в пять часов – на этап. Приходит «ворон», и нас так, Бог ты мой, наклали, как селедки – один на один. Где-то человек 35–40 со всего района, с Краснослободского, и повезли в Слуцк. В нашей деревне, в Колосовщине, было арестовано 17 человек. Из них почти никто не вернулся. Трудоспособных всего было под 40 человек».

Учитывая, что для получения признаний от обвиняемых требовалось только голословно и в расплывчатой форме, без указания точных фактов, времени и места происходивших событий подтвердить существо вопроса, раскручивать такие дела было легко. Особенно среди перебежчиков, которые без особых усилий поддавались на провокации следователей и наговаривали на себя «страшные вещи»…

Сачук Никодим Лукич, 1917 г. рожд.
Столбцовский район, Залужский с/с, дер. Слободка.

«Застава в гуще леса. Здесь нас заперли всех вместе и поставили часового (10 июля 1937 г. – **Авт.**). Ночью нас стали вызывать на следствие по одному. Допросили. Спросили: где работал? Кто отец? Зачем переходили? Что Вас побудило покинуть Польшу? Мы там просидели три дня. Нас допрашивали ночью, на вторые сутки нас уже рассоединили. Меня держали в избе, похожей на баню. Ничего, кроме пола деревянного, нет. На третий день нас собирают на машину, приводят с разных мест и садят в кузове. Затем последовала команда: «Всем лечь! Головой к кабине!» Вокруг нас сели охранники вооруженные, и машина пошла. Привезли в Дзержинск. Как сейчас помню, проезжали мимо памятника Феликсу Дзержинскому. Про себя подумал: «Вот и Дзержинского увидел». Привезли и рассадили по камерам в тюрьму при НКВД. Но перед этим сделали обыск. Одноэтажная тюрьма была. Нас водили по двору к кабинетам следователей – небольшое расстояние. Когда мне открыли камеру, там сидело четверо, и первый вопрос: откуда? Я рассказал. Услышал смех: «А мы тоже оттуда». Они все сидели с неделю, и уже велось у них следствие. «Волчок» открывается, и несется: «Сачук Никодим Лукич, выходите». И под пистолетом ведут меня на допрос. Эти допросы шли, примерно, больше месяца. Допросы были похожи. Только один раз пришел Борисевич, он был моего возраста, и говорит, что следователь его побил: «Признавайся! Кто тебя прислал сюда шпионить?» Такие вопросы и мне задавались: «Кого Вы знаете с полиции? Кого Вы знаете с подпольщиков? Кто Вас прислал? Какое Вам задание дали?» Эти вопросы были для меня как гром среди ясного неба. Лгать я не мог. Я им объяснял, что меня заставило перейти границу, как я пришел: «Я из большой семьи. Мы жили в бедности. Всего не хватало. Я вынужден был искать себе место в жизни. Я решил перейти в Россию, чтобы жить хорошо». Так я ему отвечал на каждый вопрос. Он, правда,

подошел и один раз ударил кулаком по лбу: «Признавайся, что ты шпионом сюда заслан». Все подписывал. Я же не знаю, что он пишет. Не плохого, думаю, он не напишет. По-русски я не понимал. Отец много занимался русским языком. Но от руки написано – ничего не могу понять. Я просто верил ему. Я добросовестно расписывался. В Дзержинске пробыл долго. Три месяца были здесь. Проходит время, и меня вызывает следователь: «Ваше следствие закончилось, и отправляем его на Особое совещание в Москву». Подумал: «Вот и хорошо». Потом вывели нас, уложили на машину. Нас везли человек около двадцати на одной здоровой машине. Привезли на Володарского в тюрьму».

Волович Степан Степанович, 1914 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Старый Свержень.
«Мы туда, к ним, сами и пришли (17 июля 1939 г. – **Авт.**). Там стоял солдат со штыком. «Стойте!» А мы: «Что такое?» И арестовали. Привели, тут же, на месте, нас описали: кто такой? На заставе уже. Взяли подметки отрывали, глядели уже там, что шпион, можа. Правда, покормили супом добрым. И нас на машины, головы вниз, нас только двоих. А охраны там, может, человек пять было. Повезли в Дзержинск. В Дзержинске, может, недели две или три. Там избивали сильно. Нас вдвоем привезли туда и кинули. Охрана там уже своя, там уже следственные. Нас уже рассоединили. Сразу же. И ночью – все на допрос. Дня два, наверно, сидел в одиночке. И спать не давали. Через минут 15 бегут, смотрит, ти стоит. «Поднимись! Поднимись!» Вот такое дело, и тут в на допрос. Перед допросом не давали спать. Потом уже допросы. Это, наверно, уже неделю или полторы. Раза четыре, может, в день водили на допросы. Так мне как дал ногою. Я поужинал. Так у них обед ничего был в погранотряде. У меня это все и вылетело. Как он там не порвал кишки, я не знаю, серьезно. Жуть! Заставляли подписать, что шел колхозы палить. В следствии: «Как шел? С кем? Как жил в Польше?» Первоначально мне там вроде взрывать мосты: и смех, и слезы. Что ж бачат – я инвалид. Так мне дали эти клещи лезти. Так я полез – оборвался. Видят – не. «Нет, ты не шел взрывать, что-то шел другое делать». Давали эти клещи, одевали – и на столб. Залезу ли я там срывать что-то. Так я этой ногой залез, а эта тянется не гнется. «Так, отменить! Так ты лжешь?» А я согласился на столб, обрезать, что ли, черт его

знает что. Специально за город нас не вывозили, в городе тут, на площадке. В Дзержинске били и по бокам, в основном в живот. Потом приехал «воронок», завезли в Минск».

Но самым жестоким способом получения признательных показаний оставалось прямое физическое воздействие на подследственного. Это стало практиковаться в секретно-оперативных частях с начала 1937 г. и продолжалось до осени 1939 г.

Рукас Василий Иванович, 1915 г. рожд.
Украина, Запорожский район, село Беленькое.
«Не более одной недели держали, и дело заканчивалось: шпионы, диверсанты (22-я отдельная Ветринская погранкомендатура, располагалась в бывшем имении Бутьковщина, сентябрь 1937 г. – **Авт.**). Путем сильных побоев, издевательств: карцеры, стойки по три сутки без сна – и их дела заканчивались. Эти люди в основном малограмотные, но были и председатели колхозов, и парторги, и очень стойкие. Но все равно путем избиения, издевательств подписывали то, что им составляли в протоколах допросов. В этом здании, это бывшее имение – очень красивый дом, лицом на запад. Очень надежное, в нем подвалы капитальные. Сверху с одного причепка был вход в подвал, в камеры. С другого причепка дома были построены карцеры – два кирпичные, метр на метр. И не на полный рост. Прореха вверху в кирпич и дверка. Кто надумает признаваться – пусть стучит в дверь. Был один председатель колхоза – лет ему 35 – выдержал там 18 суток. Потом еле живого вбросили к нам, и все подписал под избиением. Так же и парторг, но тот меньше был в карцере. Кто пять, кто семь дней выдерживали. Верили в справедливость, но все равно подписывали. Вбросили одного мужчину, лет 55, к нам в камеру. Сутки молчал. Не мог прийти в себя, а здоровый дядя. Потом начал плакать. Мы стали у него расспрашивать. А он говорит и плачет. Поднимет свою рубаху и показывает: на нем и спина, и бока, и руки все в синяках. «Я, – говорит, – подписал, что я шпион». Он тракторист сам. Сначала он был в том карцере, а потом сильными побоями заставили. А у следователя были специально здоровые вышибалы. Говорит: «Лежу, як корч, а мне говорят: «А кличка, у шпиона должна быть кличка». Снова на меня носками лежащего, и сказал: Корч. «От так бы

и давно, – говорит. – А то довел себя». Обычно ведут следствие – сначала заводят, кто не был на допросах. А потом стали вкидать к тем, кто был на допросе, узнают: «Гады, убивают». Подписывают сходу, бесполезно возражать. Особо как посмотришь на женщин. Им давали «стойки», там же, в карцере, на сутки, двое и трое. Меня вызывали каждую ночь (младший командир пограничных войск. – **Авт.**), и я видел, как у них там ноги наливались. Лопала кожа – жуть! Меня лично бить не били, а дуговая лампа в глаза – и бесконечный допрос: рассказывай. Обзывали кем хоть, а больше – троцкистом и так далее. Это была, как я понял, зачистка – 20-километровая зона. Надо было, по-видимому, их убрать. А чья это была затея? По-видимому, это была заранее продуманная стратегия».

Гиравка Василий Макарович, 1923 г. рожд.

Ушачский район, Лутовский с/с, дер. Илино.

«По рассказам, в Старом Селе учился один на попа. Забылась его фамилия. Он потерялся розуму. Потом говорили, по рассказам, в Кубличи попал на погранзаставу. Он неполного ума. Его пограничники как словили – и «баню» ему дали. Думали, он притворялся, что переслали его. Да, попыталися в Старом Селе. А в Старом Селе председателем был Куленок, рассказал – его отпустили. Тогда ему говорили: «Пойдем в Кубличи?!» Борони Бог – убегал от всех. «Баню» добрую дали, допрос надо было снять…»

Гаманович Михаил Севастьянович, 1923 г. рожд.

Докшицкий район, Тумиловичский с/с, дер. Стенка.

«В камере и по два сидело (Березинский погранотряд, лето 1938 г. – **Авт.**). Такое дело, слушайте, и даже вот что было… Потом ко мне подкинули одного перебежчика тоже. Подкинули одного молодого парня, лет 20 ему было, и вот что. Его поставили на четверо суток стоять. Его на допрос водят, а потом приводят, и он стоит… Стоял, стоял. В «волчок» наблюдал надзиратель. А потом он где-то суток трое отстоял. Опухли у него ноги. А потом раз – качнулся, свалился. Потерял сознание. Надзиратель подбегает: «Поднимайсь!» Он не поднимается. Как дасть ему носком в грудь. А он мертвый! Он уже умер, не выдержал стойки, упал и кончился. Он тоже перешел границу, так же, как и я. Гэный, который умер. Откудова родом – ничего не известно. И как зовут, я не спрашивал, не разговаривал. Забрали его – и все. Вынесли, а куда его… Он же неподотчетное лицо, неизвестный просто. Совсем выкинули его – и все…»

Красовский Петр Иванович, 1918 г. рожд.

Логойский (Плещеницкий) район, Крайский с/с, дер. Двинаса.

«Вот в погранотряде в Плещеницах, где теперь спорткомплекс, тут уже идиоты, идиоты высшей степени. Все наезжие такие, дак у них просто всякая потеряна совесть. Ночью вызывают и ночью начинают издеваться. В Борисов в тюрьму отвезли (начало июня 1937 г. – **Авт.**). Борисовские энкэвэдисты – молодые еще хлопцы, их еще самих совесть мучила. Думали: что ему давать искусственное обвинение? Потом меня – к этим следователям из погранотряда. На допрос привозят в Плещеницы, в это самое КПЗ. Пограничники – это офицеры. Тогда уже приходит этот «воронок» под КПЗ – и сюды. Только ночью слышишь: ай-ай-ай. Привели. На столе лежит пистолет. Але ж я не дурачок, пистолет лежит незаряженный. Ён думает – может, будет посягательство на пистолет. «Куришь?» – «Не курю». Все: туды-сюды. «Ну, дак чем ты занимаешься? Контрреволюцией? Белорусские журналы читал, больше ничем не занимался?» Я говорю: «Я и белорусских журналов этих не читал». – «А почему стенки обклеены?» – «Дак матка ж, Боже мой, стара, где было что достать? Кто их читал?» – «Хорошо. Это все ерунда, – говорит. – Во-первых, зачем ты их привозил? Зачем ты их хранил?» Я говорю: «Дак где вы обыск делали? Где у меня нашли? Ведь уже такой тщательный обыск был. Нигде ж у меня ничего не было. Почему ж хранил?» – «Хорошо, скажешь. Иди сюда», – на меня. Дверь открыта. «Сунь пальцы сюда, в дверь». Дверь открыта, щель же есть. «Ложи, ложи, ложи». Я еще подумал: туда ложить? «Ложи, ложи, ложи». А ён, як я только вложил, ён мне все четыре вот так. Як начал жать, так мизинец, он маленький, вырвался, только немножко. А этих до сих пор вот и видно. Прижал, дак мне темно в глазах стало. Я сразу упал. Ён мне тогда сапогом туды, в бок, сломал мне ребро тут одно. «Поднимайся!» Где же подниматься, я потерял совсем сознание, потом сюды – в ключицу. Вот тут вот ключица у меня, видите. У меня и теперь рука болит. Тут у меня столько увечий! Пальцы – только белые косточки торчали,

остальное осталось в дверях. Так двинул, а я своим же грузом как упал, уже потерявши сознание, дак они сами по себе. Дверь же держит прижавши, а я як упал, дак они оборвались. Он еще мне: «Поднимайся!» И сапогом в бок. Потом говорит: «Смотри, чтоб я этого не слышал, чтоб это между нами было». Я говорю: «А что мне делать и что мне кому говорить? Я приеду в тюрьму, меня спросят. Что, там люди не знают?» – «Скажи, что ехал – (тады ж всяких автобусов не было нияких, а вот полуторка, лавочки этыя постелят, кто их тебе прибивал) – скажи, что, мол, ехал, за лавочку держался, за ту досочку, и руку там тебе прижало». Я говорю: «Добро, сказать – скажу, а як люди поверят – это дело, конечно, их». Я ему не подписал все равно. Я говорю: «Я не могу подписать. Вы меня убейте, я не могу, потому что я этого не делал. Я никакой контрреволюционной литературы не привозил, вы ж нигде у меня ничего не нашли при обыске. Никто ж не знал ничего». Я говорю: «Вы лучше меня знаете». Это уже почти что предпоследний допрос. Это уже было летом».

Экман Абрам Ицокович, 1916 г. рожд.
Логойский (Плещеницкий) район, пос. Крайск.

«Говори и рассказывай, кем ты завербован? Какой буржуазной разведкой?» (Плещеницкий погранотряд, октябрь 1937 г. – **Авт.**) Я к границе не ходил. Мне диктуют все эти бумаги: «Говори, рассказывай». Слезы-то льются. «Не будешь признаваться – будет хуже». Думаю: что я могу ему говорить, когда я не ходил никогда за границу? Били по шее. Потом посадили на табуретку, и я сидел вот так – вытянутые ноги. А долго сидишь – падаешь. Болит же. Там несколько разов повалился. Он мне сапогами туда-сюда и кончил это дело и отправил меня в другую камеру. А там уже лежат все эти знакомые, человек 20 крестьян. За дрожжи там Сильвестр сидел, потом Навойчики. Он гармонистом был. Так, бывало, я его зову в клуб, когда я там работал завклубом, и в воскресенье играет так. Так танцуют – больше народа. И вот таких сидело много. И мне сказали: «Если ты что-то наговоришь на себя, тебя сразу бить не будут». И я стал наговаривать на себя: что я так книги не продавал, бюст Ленина держал в бочке. Они так в бочках и стояли. Привозили, чтобы не ломались, в бочки запакованные. Такую ерунду. Тетради там списывали, списывали там крестики от портфелей. Я их не снимал.

Они были в портфелях. А раньше портфельчики были школьные, а там ключик крестиком. А их было указано снять. Фактически мы их и сняли. Но я наговорил, что не снимал: «Там же директор был член партии – спросите у него!» Его не взяли – Давидовича. А меня вот забрали, и женщина осталась там. Я и наговорил. И отвязались от меня. И сидели мы. Этот Шевченко (следователь. – **Авт.**) меня обманул, что там хорошо, что хватает еды и так далее. Я пробовал, какая там еда, а потом хлеба, кипяток и баланда. Держали немного там. Следствие кончается. Посадили ночью человек 20 и нас в тюрьму в Борисов отправили».

Кроме самих недозволенных методов воздействия, применявшихся оперативниками во время следственных мероприятий, на арестованных давило и то, что эти избиения происходили непосредственно на глазах прокурорских работников. Так, доподлинно известно, что в течение лета 1937 г. до конца лета 1938 г. прокурор пограничной охраны и войск НКВД Соколов и его заместитель Сильверстов были осведомлены о происходящем в следственных кабинетах. В этот же промежуток времени, выезжая на места для разбора дел, председатель трибунала погранохраны и войск НКВД БССР Томанский неоднократно слышал заявления обвиняемых, что они подвергались физическим мерам воздействия.

Извращенные пытки над арестованными со второй половины 1938 г. стали прекращаться, хотя рукоприкладство следователей по-прежнему оставалось основным аргументом в доказательной базе обвинения.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Засулье.

«Привезли в Дзержинск (27 августа 1939 г. – **Авт.**). У них, понимаете, штаб – как у нас в Столбцах, так у них там в Дзержинске. Привезли туда. Там уже сразу в тюрьму. Там какой-то сарай, этот сарай – длинный коридор, и по одному в эти комнаты пораспихали. Там уже начало НКВД. И там нас держали неделю. Там уже начали прижимать: «Зачем?.. Что?.. Как?.. Шпионишь!» – «Не». Стали пугать. Резинкой пару раз попало в Дзержинске. Шланг резиновый. У них, у следователей. Диваны, и на диване под подушкой лежал шланг. И через голову влупит так. Шесть дней там. Не все время били, не хочу говорить. Там уже нас собрали человек 30, всех перебежчиков. Вывели на плац около их сарая.

Наручники кожному зажали сзади, и нас в машину, полуторную, «газон» давнейший. Поперек, как дрова погрузили. Две доски по краям, четыре солдата по углам – и тарара на Минск».

С конца 20-х дела, проходившие через оперативных работников погранохраны, отправлялись на рассмотрение в особые совещания при НКВД СССР, НКВД БССР, Военный трибунал Белорусского военного округа и т. п. Решение выносилось в зависимости от «тяжести совершенного преступления» и колебалось от минимума – перехода границы (3 года ИТЛ) – и до обвинения в шпионской, диверсионной и т. п. деятельности, а это «тянуло» на срок от 10 лет ИТЛ и до высшей меры наказания.

ГЛАВА 10

Дамоклов меч погранохраны

После создания в сентябре 1922 г. Отдельного пограничного корпуса и переподчинения этого соединения ГПУ в рядах погранохраны была проведена первая чистка. Особые отделы ГПУ по охране границы начиная с осени 1922 г. до весны 1923 г. провели проверку командного состава погранчастей. «Бывшие белые», «социально чуждые», военспецы и лица, на которых имелся определенный компромат, выявлялись на местах и увольнялись в запас или переводились в другие рода войск как не соответствующие требованиям службы на границе. Начиная с 1925 г., в течение полутора лет в рядах УПО и ВОГПУ ПП ОГПУ по Беларуси были произведены еще четыре очень крупных чистки кадров с выдвижением на освободившиеся места социально надежных военных, в большинстве своем окончивших пограничные школы. Используя выпуски окружной и Высшей погранщколы, УПО и ВОГПУ Беларуси удавалось ежегодно обновлять средний и младший кадровый командный состав от одной четверти до одной пятой.

Последняя чистка десятилетия была проведена в 1929 г. и все с той же целью – выявить «классово чуждых и социально опасных элементов». На этот раз после увольнения из Белорусского погранокруга командиров привлекали к судебной ответственности. Из нескольких десятков человек одни были обвинены в шпионаже, другие – в связи с враждебными элементами, третьи – в сокрытии факта службы у белых. Но уже в июне 1930 г., после ряда антисоветских выступлений в приграничье, связанных с начавшейся высыльной кампанией, ЦК ВКП(б) отметил, что проверка органами ГПУ социальной благонадежности военнослужащих ГУПО и ВОГПУ велась не должным образом. В 1931 г. была проведена повторная проверка. На этот раз по указанию Г. Ягоды и тогдашнего руководства ОГПУ все бывшие офицеры царской армии были обвинены как участники так называемого контрреволюционного «заговора бывших офицеров». В Управлении начались увольнения и аресты, которые тут же сказались на профессиональной подготовке команд

ного состава пограничной охраны. Против необоснованных чисток высту-
пили несколько первых лиц погранвойск. Выказавшие недовольство были
переведены на хозяйственную работу. Среди них оказался и начальник Глав-
ного управления ПО и ВОГПУ Н. Воронцов. На его место в 1931 г. был
назначен профессиональный чекист-пограничник, герой Гражданской вой-
ны, организатор погранохраны на Украине Н. Быстрых. Новый начальник
был вынужден пойти на непопулярные меры и к началу 1932 г. приступить к
упразднению ряда командных должностей. Так, в комендатурах ликвиди-
ровались должности помощников коменданта по политчасти и строевой
части. За партийно-воспитательную работу и организацию хозяйственного
обеспечения застав стали отвечать коменданты комендатуры. За строе-
вую подготовку – старшина комендатуры. Реорганизация позволила выс-
вободить необходимое количество командиров, которого хватило бы для
почти полного замещения вакансий, существовавших до недавнего време-
ни в охране. Теперь начальников застав не перебрасывали с места на место
и они имели возможность по нескол: ку лет служить на своих командных
должностях, что позволяло четко освоить должностные обязанности, дос-
конально изучить местность и наладить взаимоотношения с жителями близ-
лежащих населенных пунктов. Это на какое-то время решило проблему
кадров. Но не помешало в 1933 г. снять Н. Быстрых с должности и перев-
сти в Среднюю Азию. На его место был назначен покладистый, преданный
и далекий от погранслужбы М. Фриновский, недавний председатель Азер-
байджанского ГПУ. Новый начальник затеял очередную смену кадров.
Убийство С. Кирова подлило масла в огонь.

В 1935 г. в войска НКВД был направлен специальный циркуляр сле-
дующего содержания: «В месячный срок, совершенно секретно, на ос-
новании имеющихся у вас материалов (автобиографий, аттестаций, ха-
рактеристик, письменных отзывов, постановлений политорганов, мате-
риалов спецпроверок, партчисток, постановлений органов НКВД и т. д.)
проверьте личный состав вашего управления. Задачи проверки – выяв-
ление среди сотрудников бывших троцкистов, зиновьевцев или сторон-
ников других антипартийных организаций и групп. На сотрудников, в от-
ношении которых будут выявлены компрометирующие данные, немед-
ленно представьте в отдел кадров НКВД персональный список с указа-
нием, где и когда установленные факты имели место и чем это подтвер-
ждается». И вновь все повторилось…

Осенью 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР для командного, начальствующего и политического состава Красной Армии были установлены персональные воинские звания, для сотрудников органов безопасности и милиции – персональные специальные звания. Это сразу и значительно подняло авторитет кадровых военнослужащих, приравненных к ним сотрудников органов госбезопасности. Пограничную охрану и войска ОГПУ словно забыли. Сразу заметно снизился социальный статус этих частей. Командование почувствовало определенную нестабильность и в прохождении службы, и в материальном обеспечении. В Управлении стали выказывать тихое недовольство наркомом НКВД Г. Ягодой, превратившим войска их уровня в низкопробные охранные части, которые в свою очередь продолжали выполнять непростые задачи.

Правда, молодежь, которая к 1936 г. преобладала на командных должностях в УПО и ВНКВД Белорусского округа, выросшая при советском строе и преданная ему беззаветно, мало обращала внимание на эти «персональные» изменения. Но «врагомания» продолжала точить войска изнутри. Чекисты секретно-оперативных частей на местах постоянно проводили работу. В их сети попадали в основном «болтуны» из рядового и младшего командного состава.

Рукас Василий Иванович, 1915 г. рожд.

Украина, Запорожский район, село Беленькое.

«В 36-ом нас призвали в 22-ую отдельную Ветринскую комендатуру, примерно 150 человек. Прошли курс молодого бойца. Нас 18 человек отправили к речке Березине для обучения на младшего комсостава. По окончании мы должны возвратиться в свою же часть. В Бегомле нас обучали на младших командиров. Арестовывали в первые месяцы среди нас. Зашел в шорную шутник, взял шило в руки и сказал шутя: «Вот бы Сталину в живот…» На утро суд – пять лет. А в Бегомле один из курсантов назвал другого «солдат» – на утро пять лет».

26 сентября 1936 г. на должность наркома внутренних дел был назначен Н. Ежов, сменивший на этом посту Г. Ягоду. Последний в ГУПО и ВНКВД продолжал пользоваться популярностью как один из организаторов ЧК. Но Ежов, сохранивший за собой посты секретаря ЦК и председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), был более

подходящей кандидатурой на эту должность. В первую очередь одним из трех заместителей был назначен начальник ГУПО и ВНКВД комкор М. Фриновский. Погранохрана была возвращена в ранг воинских частей с правом ношения армейской формы со знаками различия. Командирам-пограничникам были присвоены общекомандные персональные звания.

Новый статус не спас погранохрану от самой кровавой чистки. Весной 1937 г. в Смоленск по тревоге были вызваны все командиры пограничных частей погранохраны БССР. С докладом выступил нарком внутренних дел БССР Б.Берман и сообщил, что часть высшего командного состава РККА, в частности Тухачевский, Уборевич, Якир, Корк и Гамарник, изменила Родине. Далее он сообщил, что все военачальники арестованы, кроме Гамарника, успевшего покончить жизнь самоубийством. Совещание было специально проведено за несколько дней до официального сообщения во всех средствах массовой информации для того, чтобы, со слов наркома, пограничники успели закрыть границу и не допустить бегства в Польшу тех заговорщиков, которые еще не были выявлены и задержаны.

В этом выступлении чувствовалась прямая угроза в адрес старых командиров-пограничников, пришедших в погранохрану еще при Дзержинском. Фактически нарком давал понять, что никакие прежние заслуги, длительный партийный и чекистский стаж, ордена не спасут в случае «колебаний». Сидевшие в зале ветераны НКВД, конечно, понимали, что подобные факты мало похожи на истину, но у основной массы командного состава сообщение Бермана не вызвало ни малейших сомнений. Еще в 1935 г. на Пленуме ЦК упоминалось о том, что шпионами являются, в массе своей, члены братских компартий и политэмигранты. И это уже несколько лет мусолилось на всех политзанятиях. К тому же террор, развязанный на границе самими пограничниками, докатившись до столицы, возвращался в гипертрофированном виде. Поэтому арест поляка, литовца, эстонца и двух евреев был как бы подтверждением всего уже сказанного и проделанного.

Круг функциональных обязанностей погранохраны расширялся, но вместе с тем росло и недоверие к ее командованию, доходившее до уничижающих форм. Так, перед банкетом в Гомеле после крупных маневров войск Белорусского и частей Харьковского и Московского военных округов в конце лета 1937 г. начальник управления погранохраны

Емельянов лично обыскал своих подчиненных, командиров пограничных частей округа, изъял боевые патроны из табельного оружия, опасаясь совершения теракта против наркома обороны К. Ворошилова.

Все это было прелюдией к развязыванию настоящего террора. Так, 20 августа 1937 г. наркомом НКВД Н. Ежовым был издан приказ о начале операции по ликвидации так называемой «Польской организации войсковой». Теперь для проведения следственных мероприятий и вынесения обвинений в отношении служащих ГУПО и ВНКВД, родившихся за границей, а также имевших там родственников, или просто по анкетным данным поляков, немцев и представителей других национальностей, привлекались непосредственно сотрудники из Наркомата внутренних дел.

Рукас Василий Иванович, 1915 г. рожд.

Украина, Запорожский район, село Беленькое.

«Когда я приехал в свою ж часть (22-я отдельная Ветринская погранкомендатура (22-я ОВПК) располагалась в бывшем имении Бутьковщина. – **Авт.**) по вызову, меня тут же – в резервную заставу (кавалерия) осенью для усиления нарядов. В начале сентября 37-го мне дали наряд охранять в расположении нашей комендатуры повара у походной кухни. Он рубил кочерыжки и что-то варил. От этой кухни метров пятьдесят был сарай. С этого сарая водили группами в туалет. Женщины и мужчины от 14 лет и до 80. Примерно их было 100 человек. Они находились все вместе. Как-то вечером я спросил у политрука, что это за люди. Он приложил два пальца к губам своим и ничего не сказал. Значит – я понял – надо молчать. Через два дня, то есть 15-го сентября, ночью в два часа в казарму нашу вошел начальник особого отдела и наш начальник. Попросили на минутку в штаб в дежурную. Тыкнул мне бумажку под нос на арест. Срезали петлицы, пуговицы – и в подвал тут же. В этом же здании, это бывшее имение, очень красивый дом, лицом на запад. Очень надежные в нем подвалы, капитальные. Но в тюрьме города Полоцка, куда меня отправили в камеру, при царском режиме 12 прикованных коек, а нас в этой камере было 120 человек. День и ночь стоя. В марте 38-го была амнистия военнослужащих, и нас перевели в отдельную камеру: капитаны, старшие лейтенанты, политруки, учителя полковые – нас было 18 человек. Под амнистию – бытовые статьи до трех лет. Кто за анекдот, кто за восхваление формы офицера иностран-

ной армии, кто за что. Все сидели на 500 грамм и баланда и все получили по 10 лет и 5 поражения в правах».

Представители среднего и высшего командного звена УПО и ВНКВД Белорусского округа, хорошо осведомленные об августовском приказе, вынуждены были срочно подавать рапорты об увольнении из погранохраны СССР. Всех их отзывали в Москву, где они месяцами ждали приема у начальника Главного управления пограничных и внутренних войск комдива Н. Кручинкина. Ежедневно командирам приходилось звонить в Управление до тех пор, пока им не сообщали, что пропуск заказан и их ждут в приемной. В назначенный час те появлялись в приемной и часами ждали, пока их пригласит Кручинкин. Далее в краткой беседе комдив сообщал, что в услугах командира-пограничника не нуждаются и он увольняется в отставку с формулировкой «за невозможностью использования в пограничной и внутренней охране НКВД». Для оформления необходимых документов его направляют в Минск, в Окружное управление погранохраны. Здесь командира уже ждали. Иногда в арестах принимали участие сами начальники 3-го отдела НКВД БССР и «польского отдела», который подчинялся непосредственно Москве. Часто они лично участвовали в избиениях пограничников. Но прерогатива была за «бобиками» – крепкими добровольцами из партийного и комсомольского актива городских учреждений. Поводом для ареста могло послужить что угодно. Так, начальника 1-го отделения оперативного отдела Управления погранохраны БССР Красильникова взяли как польского шпиона. При отходе Красной Армии из-под Варшавы в 1920 г. он был ранен в ногу и попал в плен, где пробыл около трех месяцев. Значит, имелась возможность его завербовать. Командира арестовали и заставили во всем сознаться. Били пограничников жестоко и безо всякой жалости.

Морозов Павел Максимович, 1898 г. рожд.
пос. Пуховичи.
Член КПСС с 1918 г.

«К каким только методам не прибегали у нас минские энкаведисты, чтобы заставить говорить то, что было нужно (Минская городская тюрьма, февраль – июль 1938 г., перед арестом – фельдъегерь НКВД. – **Авт.**). Не брезговали даже провокациями. Помню генерала Кислицина, кажется, командующий войсками Белорусского пограничного округа. Ему несколько раз устраивали очную ставку. Все они были шаблонны. У них же времени на выдумку не хватало. Об одной такой очной ставке он нам рассказал: «Следователь ложит передо мной обвинительный протокол. Я его прочел, так у меня волосы дыбом встали: «Это же ложь!!!» – «Ты отрицаешь?» – «Да, категорически отрицаю». – «Хорошо, сейчас мы проведем очную ставку». Он открыл дверь и позвал кого-то. В следственный кабинет завели человека в гражданской одежде. Раньше я его никогда не видел. «Кислицин! Ты знаешь этого рабочего?» – «Впервые вижу». – «А ты знаешь этого человека?» – обратился к незнакомцу следователь. «Знаю. Это командующий войсками Белорусского округа Кислицин. После майской демонстрации он собрал нас на квартире и говорит: «Будьте готовы, а за пограничников не беспокойтесь, не подведут. Они по первому моему зову выступят против Советской власти». – «Какую он чушь несет! Вы что его слушаете! Он, видно, сумасшедший! Никогда я его не видел и никого не созывал на квартире. По какому первому зову, что вы говорите?» – «Ах ты сволочь, не хочешь сознаться?» И давай бить. Долго били. Я не выдержал: «Перестаньте бить! Ну пускай будет так, как он сказал!» Подписываю все их бумаги, а потом говорю: «Этого человека я не знаю, да и он, наверное, меня не знает. Могу с вами спорить, что этот человек невинен так, как и я». – «Молчать! Фашистская твоя морда! Ты уже подписал и можешь идти!» – «Подписать-то я подписал, но как же я подписал?!» Вот что за очная ставка была». Однажды после очередной очной ставки (это было днем) в камеру, шатаясь, выпивши, входит Кислицин: «Ну, контрики, сидите! Подписывайте, все равно заставят. А настанет время, и нас реабилитируют». Как будто он знал. «Быть не может, чтобы такое продолжалось долго. Я уверен, что кое-кого обманула иностранная контрразведка, и мы попали под незаконные репрессии. Но придет час, когда наша контрразведка разоблачит это, нас всех, кто останется в живых, освободят. А пока подписывайте. И пытать перестанут, и за яички не будут давить, да еще и рюмку водки дадут». – «Ну, Кислицин, — шутя говорит один из нас, — ты, наверно, завербован нашим следователем». – «Вы смеетесь?! Я под пытками за это время отдал им много невинных офицеров, своих подчиненных. Да еще предлагают: «Слушай, тебе за это полагается вознаграждение. Хочешь с женой поночевать? Привезем ее, най-

дем такое местечко, где бы ты смог с ней побыть». Я отказался. Мне и правда не до нее. Я хочу скорее умереть». Но ему, наверно, вышку не дали. Отделался сроком».

Кандратеня Василий Сергеевич, 1920 г. рожд.

Слуцкий (Краснослободской) район, дер. Старица.

«В Слуцке приносили допрашиваемых (тюрьма, лето 1938 г. – **Авт.**)... На шинели, вот так во и вкинут. Какой-то, рассказывают, Горохов, но я не был у этого следователя... Все на его казали: «Попадешь к Горохову – все!» Вот так. И с Тимковичского погранотряда начальник, их троих взяли по этому делу, с заставы самой. Это было в камере, у нас так 12 человек сидело в 16-й камере. Значит, они все, уже никто не подходит, некоторые такие кажут: «Той шпион, той шпион». Они тихенько все, принесут, пайку дадут – одну разделят на троих. Съедят, другую на обед, третью на ужин. А далее как взяли одного, младшего ихнего, к этому Горохову, и как дали ему. Принесли да кинули. На день вкинут его, а ночью забирают. «Подписал!» – кажет. «Что ж ты подписал?» Все, с ним никто и даже эти двое. «Да ты что?!» – кажут. Другого взяли и этого принесли, а тые не подходят уже к нему. Другие, третьи сутки, четвертые, пятые – и этот подписал. Этот уже с ним не иде. А далее, як взяли этого старшего ихнего, как взяли, как начали давать ему. Подержали семеро суток и тады принесли. Тады снова сошлись все вместе. Вот как было. Одны одному не верят. Разом робят и одны одному не верят. Я сам, камера такая узкая, тых в один бок, они на нарах, а мы уже под нарами были. Они уже начальство – на нарах, а мы под нарами... Уступаем, раз ты начальник, таки закон... Я знаю, что у одного была шпага, а у одного два кубаря, а у того, кажется, два трехугольника... Под 30 лет им было, такие».

Иные, чтобы избежать унизительных избиений, шли на прямые сделки. Так поступил Иван Петров, с 1935 г. бессменный комендант отдельной Ветринской погранкомендатуры (его настоящие имя и фамилия – Тойво Вяхя). Именно он в сентябре 1925 г. перенес на своих плечах через границу начальника европейского отдела английской секретной службы Сиднея Рейли. На обратном пути Рейли должен был опять проходить через «окно» Вяхя, который тогда был начальником заставы под

Сестрорецком, вблизи Ленинграда. На глазах у сопредельной стороны пограничники инсценировали короткий бой. Чтобы убедить противную сторону в правдивости ситуации, начальник заставы был арестован. Вяхя дали новые документы на имя Ивана Петрова и отправили служить на Черное море, а потом в Забайкалье. На Беларусь он попал в марте 1934 г. и был направлен в Заславский погранотряд. Будучи комендантом Ветринской комендатуры, в разное время Петров поощрялся именным оружием, шашкой, золотыми часами и патефоном. Арестовали его осенью 1937 г. Он прямо на первом допросе заявил начальникам 3-го и «польского» отделов, что готов подписать любое количество чистых листов протокола допроса. Но поставил два условия: чтобы ему не показывали этих документов и чтобы расстреляли его в течение десяти суток. Чекисты частично сдержали слово – на допросы Петрова больше не вызывали. До конца октября 1938 г. продержали в «американке». Доведенный до отчаяния, Петров дважды зимой 1938 г. объявлял голодовку. Одна длилась пять, вторая – десять суток. Первого мая он куском битого стекла разрезал вену на левой руке – таким образом хотел уйти из жизни. Но надзиратель обнаружил истекающего кровью Петрова и отвел к врачу.

Собранный на местах компрометирующий материал дал основание для арестов в аппарате Главного управления в Москве. В конце 1937 и за весь 1938 г. там было уволено, а затем арестовано 30 человек. В дальнейшем по отношению к ним были проведены следственные мероприятия, согласно которым органам НКВД удалось вскрыть в войсках «военно-фашистский заговор», который «возглавил» бывший начальник Главного управления пограничных и внутренних войск комдив Н. Кручинкин. Вместе с ним в «организацию» были включены бригадный интендант Иванов-Берглунд – начальник обозно-вещевого отдела ГУПВО, полковник А. Разоренов – начальник авиаотдела ГУПВО, полковник П. Баркан – заместитель начальника оперативного отдела ГУПВО, и ряд других. Кстати, П. Баркан показал следующее: «Аугул по заданию Кручинкина посылал в погранохрану Белорусской ССР комсостав, имеющий родственные связи в погранполосе».

После назначения в начале 1938 г. на должность нового наркома внутренних дел Наседкина аресты в пограничной охране Беларуси продолжились. В чистке командных кадров наркому помогали тогдашний на-

чальник УПВО Белорусского округа Масленников и начальник политотдела округа Васильев. После инспекционной проверки семи отрядов и двух контрольно-пропускных пунктов в 11, 13, 14, 16, 18, 31-ом отрядах и 22-ой ОВПК были отмечены всевозможные нарушения. В результате были сняты со своих должностей командиры 14-го отряда Гречкин, 11-го отряда Смирнов, новый комендант 22-ой ОВПК Зорин и ряд других. О несоответствии этих командиров занимаемым должностям была информирована Москва. Любая должностная оплошность могла послужить поводом для ареста. Например, увольнялись начальники застав, личный состав которых имел 70 и более процентов от штатного расписания административных наказаний за сны на посту, в секретах, за недисциплинированность и т. д. При этом во внимание не бралось, что служба проходила в сложных условиях и обойтись без наложения взысканий было очень трудно. Заносились в черные списки заставы 11, 12, 14, 16, 17-го отрядов и 22-ой ОВПК, которые не провели ни одного задержания. Никто при этом не учитывал, что местность на этих участках была непригодна для переходов. Больше всего подвергся чистке личный состав Краснознаменного 17-го Тимковичского отряда, так как там был «выявлен» начальник 18-ой заставы Поляков, сын зажиточного крестьянина, который, согласно докладным распискам, «не активен, а подразделение не имеет ни одного задержания». Начальник 14-ой заставы Разумов был обвинен в развале работы, в сокрытии информации о задержании прямо в общежитии перебежчика, который до этого никем не был остановлен. Надо отметить, что комбриг Масленников и Васильев пытались в некоторых случаях стать на защиту своих подчиненных. В основной массе своей нарушения не являлись преступной халатностью, а были результатом плохого знания своих участков. Ведь для досконального изучения прилегающих к заставам и комендатурам территорий командному составу необходимо было прослужить на одном месте два-три года. Но нарком ничего не хотел слышать.

Одновременно в Москве в середине августа 1938 г. на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР почти всему бывшему руководству ГУПВ и ВОГПУ были вынесены смертные приговоры. Военных обвинили в том, что охрана границ, важных промышленных объектов и железных дорог была недостаточной; тормозилось проведение режимных мероприятий в погранполосе; не было отработано взаимодействие погранвойск с полевыми частями РККА; подготовка командных кадров была неудовлетворительной; умышленно составлялись учебные планы, непригодные для обучения личного состава; вредительски сокращались штатные единицы; руководство самоустранилось от организации частей оперативного назначения; во вредительских целях проводилось постоянное расформирование и переформирование частей; войска засорялись враждебными элементами и т. п. После приведения приговоров в исполнение аресты УПВО Белоруссии постепенно прекратились. Не последнюю роль в этом сыграла смена руководства НКВД.

Новый нарком Л. Берия прекратил чистки в пограничных войсках. В октябре 1938 г. многие командиры были освобождены из-под стражи за недоказанностью обвинения. Всем получившим свободу выдавали денежное довольствие по должностному окладу за все время нахождения в заключении. Был освобожден и И. Петров (Т. Вяхя). В приказе НКВД об освобождении его фамилия значилась четырехсотой. Но пограничные войска от этой реабилитации ничего не выиграли. В основной своей массе освобожденные офицеры не попадали на границу, а направлялись в подразделения Красной Армии. В результате Белорусский пограничный округ, как и все войска, был лишен опытных кадров. На 1 января 1940 г. 60–80 процентов командиров звеньев имели стаж службы на занимаемых должностях не более одного года.

ГЛАВА 11

Граница укрепляется

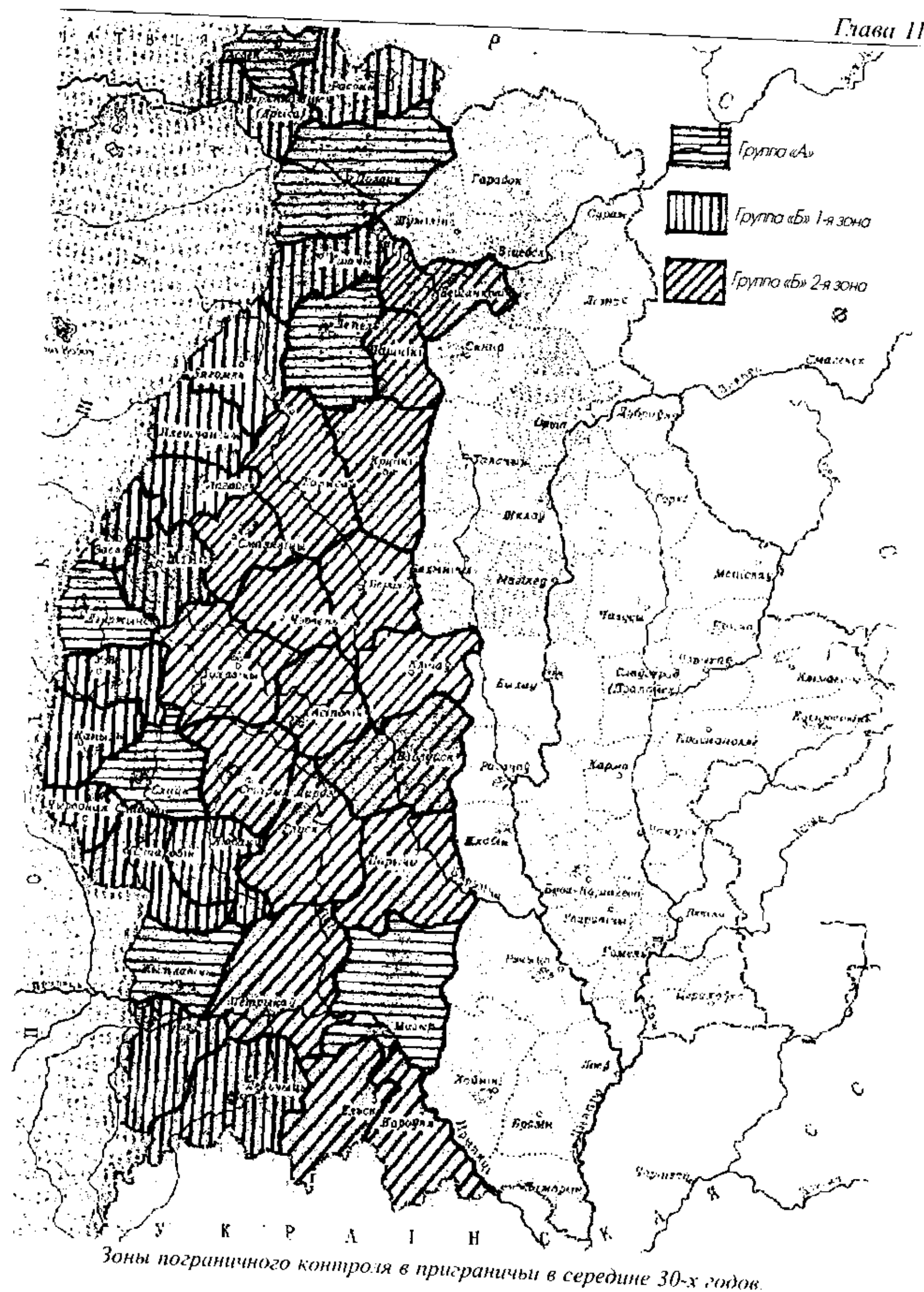
Новая волна выселения в 1935 г. опять подтолкнула крестьян уходить в Польшу и Латвию. Срочно был усилен пограничный режим на границе. На этот раз под усиленный контроль попали все 40 приграничных регионов, которые разбивались на две группы. В группу «А» входило 7 опорных пунктов (Освейский, Полоцкий, Лепельский, Дзержинский, Слуцкий, Житковичский, Мозырский). Группа «Б» подразделялась на две зоны: первая зона состояла из 15 районов (Освейский, Бегомльский, Ушачский, Заславский, Копыльский, Краснослободский, Минский, Плещеницкий, Логойский, Лельчицкий, Любанский, Старобинский, Россонский, Туровский, Узденский); вторая зона включала 18 районов (Сиротинский, Бешенковичский, Чашникский, Крупский, Борисовский, Смолевичский, Березинский, Червенский, Пуховичский, Кличевский, Осиповичский, Бобруйский, Стародорожский, Глуский, Паричский, Петриковский, Ельский, Наровлянский). На 1 января 1935 года население районов группы «А» состояло почти из 550 тыс., группы «Б» – более чем 1,5 млн. человек.

Не последняя роль в этом отводилась агитационной работе с молодежью. На все административные территории, где имелись укрепленные районы, распространялось положение о 7,5-километровой зоне, въезд в которую разрешался только по спецпропускам. Во всех населенных пунктах пограничной зоны был организован институт конных охранников. В каждом сельсовете, который прилегал к государственной границе, и в сельсоветах, где размещались «укрепрайоны», вводится в штат старший милиционер и пожарный, всего 146 человек по всей республике. Колхозников повсеместно стали привлекать не только к охране, но и к проведению всевозможных хозяйственных мероприятий на границе.

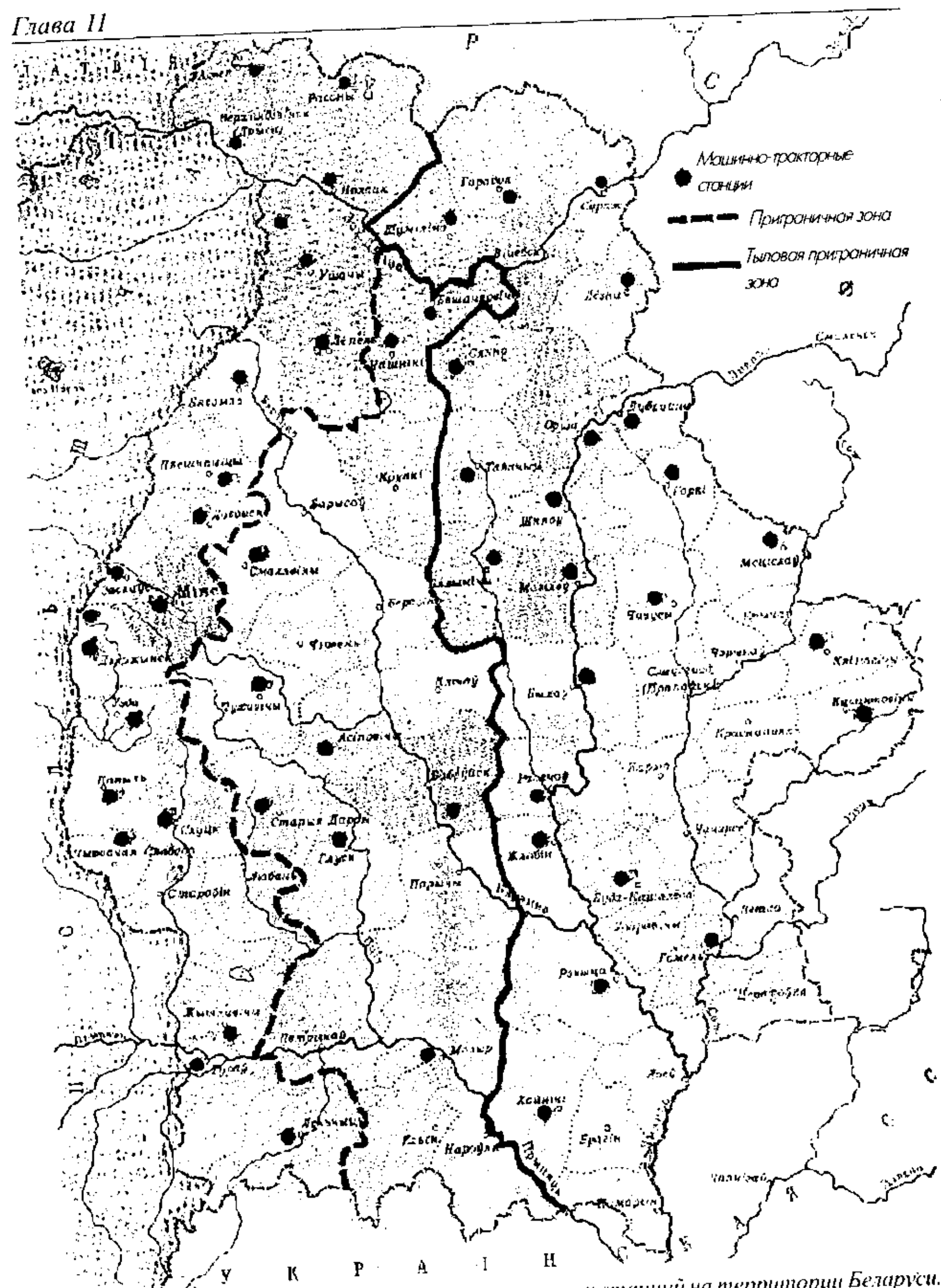
Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.

Копыльский район, Потейковский с/с, дер. Колосовщина.

«Вот я как раз был уже активистом и был бригадиром в деревне

Зоны пограничного контроля в приграничьи в середине 30-х годов.

Компактность расположения машинно-тракторных станций на территории Беларуси.

Колосовщина с 34-го года. Меня поставили бригадиром, и я был связан с заставой. Застава была в Остуле, в трех километрах от нас. Каждый день надо было ходить пропуск брать, чтобы около границы работать, и надо точно давать количество: допустим, 30 человек так 30, 40 – так 40. А если на один меньше или больше, то сразу прогоняли. И вот начальник заставы Сибринов агитировал, чтобы я пошел в партию. Я говорю: «Как я пойду, я ничего не понимаю, что я там буду делать?» Агитировал он меня с 35-го и пока не забрали (1937 г. – Авт.). Застава Оступ, а комендатура была в Нарутях за Кудиновичами, погранотряд – в Тимковичах. Это была государственная граница, каждый день бороновали полосу, чтоб даже птица походит, и после нее распылено было. Это все я делал, бригадиром был. Мне задания начальник заставы давал, и под контролем все. Это я все бороновал. Я был доверенным лицом, и потом мене арестовали. У меня был участок из-под моих Ткачев, из-под моста, до Колосовщины, я отвечал за этот участок. Если где перебежчик – я первый отвечаю».

Выселение самой трудолюбивой части населения приграничья сразу сказалось на местных колхозах. Они пришли в упадок. Хозяйства в большинстве своем по всем показателям не выполнили план. В некоторых колхозах просто некому было работать. В 1934 г. из Плещениц сообщали, что в некоторых колхозах не хватает людей, чтобы обрабатывать уже распаханное поле. Много дворов, где остались только дети и старики. В некоторых приграничных колхозах на двор выходило по 15–20 га пашни и по 10–15 га сенокоса. Не хватало лошадей. Повсеместно колхозы не выполняли поставок, не имели семян на озимый сев, отсутствовали корма для свиноферм. Часто семьи просто голодали.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.

Логойский район, Янушковичский (Калачевский) с/с, дер. Селище.

Кандидат в члены партии с 1935 г.

«Распадались колхозы. Они были слабыми. Уйдет он из колхоза – а его в ОГПУ. Брали и высылали. Притом вот странность: это такая организация, сволочи – дрянь оставляют, сукины сыны, которую только в

тюрьме и держать. А хорошего человека, трудящегося обязательно вышлют, сволочи».

Бычинский Владимир Тимофеевич, 1913 г. рожд.

Копыльский район, Слобода-Кучинский (Велешинский) с/с, дер. Кель.

«Взялся на учет в райком комсомола. Малюкевич, кажется, был секретарем райкома партии. Меня уже рекомендовали в партию. Меня посылали в колхоз «Победитель» в Василевщине председателем. Колхоз такой заслуженный. Там хат 8–10 было. Там все раскрадали, а на працадень ничего не получали. Пораскрадали, живут, как парабки. «Я чернильная душа, я писать умею, а не хозяйствовать, – говорю. – Не пойду председателем колхоза». Это райком комсомола меня направлял. Потом отправили в райком партии, так: «Хорошо, раз ты чернильная душа, дак дадим тебе работу». А я уже срок отгулял, как с армии пришел, так и ничего. «Поезжай, – говорит, – в деревню Лешню, председателем сельского совета будешь, согласный?» Вот я и поехал туда, в Лешню. Сельсовет как сельсовет. Приехал я туда, взял у тестя коня и на коне приехал. Это же за Тимковичами, там же погранотряд стоял. Там уже проверяли, польская граница проходила рядом. Я ехал на возе, мене забороняють. Я раз вылез доставать документы, у мене форма ж военная. Поехал в сельсовет. Председателя сельсовета не было, секретарь только. Я подал направление. Она говорит: «Подождите, он скоро должен приехать». Приезжает председатель сельсовета: «Показывайте, что у Вас?» Посмотрел. «Что ж, не справился. Принимайте, – говорит. – Я хоть сегодня. Но поздно уже. Утром все решим. Пошли ко мне». Пошли. Теперь эта Лешня была погоревшая. Там люди так плохо жили, что не дай Бог. Пригласил к себе. Як вошел в хату – Боже, что там делается! Детей полна хата, и голые, в одной сорочке бегают. В хате темно, черно, грязно. Я только поглядел, знаете, дико мне и шкода стало. Говорю: «Зачем вы снимаетеся? – председателю. – У вас же такая семья! Вас же не выгоняют, вы сами хотите». Он говорит: «Я с удовольствием рабил бы, но снимают. Что можно сделать? Вот, понимаете, невыполнение всего по сельсовету». Я говорю: «Ничего, посмотрим, что дальше будет». Думаю. Вечером пошли в клуб. Клуб хороший был. Танцы были, все – собрание. И кажу: «Вот новый председатель сельсовета». Определили и проголосовали. Говорю: «Спокойным будь. Будешь работать. Я тебя не сниму с работы. Будешь работать!» – «Как знаете, как Ваша совесть». Я говорю: «Будешь работать, не беспокойся». Поехал. Приезжаю в райком, говорю: «Колхоз, понимаешь, самый уже поганый. Нема где и квартиру найти». – «Квартиру найдем уже для Вас». Я говорю: «Дак я ж не один, у меня жена, да может скоро будет третий ребенок. Не, – говорю, – я туда не пойду». – «Ну, добра, тогда найдем еще кого-нибудь другого».

Граница во многих местах оголилась: земле не хватало рабочих рук, пограничникам – добровольных помощников. 14 сентября СНК БССР и ЦК КП(б)Б принимают постановление «О вербовке 2000 колхозников в погранрайоны». Согласно этому документу в 81 районе республики должна была пройти вербовка желающих для проживания в приграничной зоне. При этом особое внимание уделялось надежности вновоприбывших. Предполагалось, что из общего количества колхозников не менее 10 процентов должны были быть коммунистами, 10 процентов – комсомольцами, а остальные активисты – иметь стаж работы в колхозе не менее 3-х лет. В планы входило предоставить каждой семье дом с хозпостройками, выдать подъемные в размере 500 рублей, обеспечить за счет государственных средств перевозку людей и имущества. Колхозы обязаны были произвести расчет с будущими переселенцами, оплатив отработанные трудодни, и перевести паевой взнос в колхоз на новое место жительства.

Чтобы затраты были минимальными, власти убеждали колхозников, что все необходимое предоставят на местах. Для проведения агитационных мероприятий и вербовки переселенцев на местах создавались специальные комиссии, в которые входили председатель райисполкома, секретарь райкома КП(б)Б и начальник районного отделения НКВД. Детально разрабатывался механизм переселения и обустройства семей. К 20 января 1936 г. командование погранотрядов совместно с председателями райисполкомов и директорами МТС объехали и обследовали все оставленные после высылки раскулаченных дома. На месте определили пригодность их к заселению. Командиры отрядов совместно с председателями райисполкомов определили пограничные колхозы, где ощущался недостаток рабочей силы. Председатели исполкомов, согласно

предписанию, высчитывали количество необходимых рабочих рук. Далее на бюро райкома КП(б)Б проходило утверждение этих списков, и до конца января они лично председателем доставлялись в ЦК КП(б)Б и Наркомзем БССР.

В это время председатели глубинных районов составляли списки активистов, проявивших желание переехать на новое место жительства. Потом специальные уполномоченные из состава членов бюро или райкомов КП(б)Б приглашали завербованных на собеседование, где сообщали, в какой колхоз они поедут, разъясняли условия жизни, отвечали на вопросы переселенцев. Ответственными за это мероприятие ЦК назначил наркома земледелия К. Бенека и начальника спецотдела Наркомзема БССР А. Лубневского. Дополнительно в погранрайоны для контроля за проведением переселения были направлены 15 начальников спецотделов Белкоопсоюза, Госбанка, Белнефтесбыта, Белметаллтреста, Гидрометслужбы и других государственных учреждений. Проверку проводили и специальные уполномоченные ЦК КП(б)Б в количестве 30 человек.

Все было проведено четко, с явной поспешностью и советской бесшабашностью. Уже 23 марта 1936 г. А. Лубневский докладывал руководству республики об успешном переселении в пограничные зоны 1779 семей. Остальные 222 семьи предполагалось подготовить и направить до 1 апреля 1936 г.

Колхозники-переселенцы, рассчитывавшие на определенные льготы и материальные выгоды, в результате остались обманутыми. Вместо обещанных 500 было выделено только по 250 рублей. В ряде приграничных районов для приема новых жителей ничего не было сделано. Людей зимой селили в непригодные под жилье дома. Не хватало мебели, сельхозинвентаря, запасов картошки, зерна. Основная масса переселенцев направлялась в отстающие колхозы, где помочь им было нечем. Местное население встречало новичков в лучшем случае с опаской, старалось сторониться их. Родственники выселенных, в чьих домах были размещены поселенцы, вообще проявляли открытую враждебность к ним.

В секретно-оперативных частях производилось накопление подобных фактов, о них сообщалось в республиканское НКВД. В мае руководство НКВД доложило о нежелательных настроениях среди переселенцев непосредственно в ЦК КП(б)Б. Вместо укрепления границы пограничные

войска получили на выходе неоднородную крестьянскую массу, в которой отсутствовал всякий намек на сплоченность. Неопределенность заставляла переселенцев возвращаться в родные места. Уже в мае 1936 г. из Заславского района убежало 4 семьи, из Дрисенского – 2, из Дзержинского – 1 и т. д. Уходили в ночное время, как воры. Брали с собой самое необходимое. Летом побеги стали массовыми. В августе из Дзержинского района уехало 12 семей, из Узденского – 14, Плещеницкого – 22, Дрисенского – 24 семьи. У людей не было на руках разрешения исполнительных комитетов, погранвойск, справок из сельсоветов. Но их это остановить уже не могло. Поскольку переселение рассматривалось правительством как важнейшая политическая кампания, колхозников во что бы то ни стало заставляли оставаться на местах, но побеги продолжались. К ноябрю 1936 г. в Плещеницком районе из 120 семей переселенцев уехали 48. К середине 1937 г. из Ветринского района из 124 семей покинули место жительства 34, в Ушачском – из 97 – 27, в Бегомльском – из 87 – 17. Кампания по переселению в основной массе своей была провалена.

Пограничная охрана и войска ГПУ стали привлекаться к проведению армейских учений Белорусского военного округа. В 1934 г. впервые в республике были проведены крупные совместные маневры, которыми руководил непосредственно нарком обороны К. Ворошилов. При подведении итогов пограничники получили высшую оценку.

14 февраля 1936 г. ЦИК СССР, отмечая заслуги Главного управления, наградил орденом Красного Знамени ряд пограничных отрядов, в т. ч. и Тимковичский.

Белорусский пограничный округ находился под постоянным контролем Москвы. Раз в несколько месяцев или в полгода в управлении на совещание собирался весь командный состав округа. Это происходило при смене руководства, для постановки новых задач, для реорганизации охраны. Совещание длилось один-два дня. Выступали руководители оперативных служб, политического отдела, строевого и хозяйственного. За ними шли главный врач управления, ветеринар и особист. Заканчивалось совещание докладом начальника УПО и ВНКВД, в котором присутствовавшим излагалась директива полномочного представительства ГПУ по Беларуси. В ней, как правило, предупреждалось о вылазках польских спецслужб, об ужесточении режима и т. п. Это способствова-

ло тому, что все преобразования и нововведения в союзном Главном управлении начинались с Белорусского пограничного округа. Именно там началось формирование первых автомобильных и инженерных частей, подразделений средств связи. В Минске базировался сформированный в округе 6-й отдельный авиационный отряд, состоявший из трех звеньев.

Существенное увеличение личного состава также началось с УПО и ВНКВД Белорусского округа. Сказывалось постоянное нагнетание нервозной обстановки на границе и острая нехватка добровольных помощников. Учитывая полученный опыт, командование Управления погранохраны разместило на наиболее опасных участках два погранотряда: 11-й на Лепельском направлении; 35-й – на Полесском. 22-я отдельная комендатура была устроена на Ветринском направлении.

Для размещения отрядов (приравненных по армейским меркам к полкам) на голом месте приходилось проводить массу подготовительных работ, строить десятки домов, по-новому изучать прилегающую местность, организовывать быт и боевую подготовку личного состава. Строительство велось широкими темпами в 1935–1937 гг.

Роленок (Захаревич) Вера Александровна, 1918 г. рожд.
Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Березино.

«А ужо как построили у нас тут погранотряд. Вот как у нас тут на Докшицы едешь, направо был военный городок. От него ничего не осталось. Все разобрали, заросло. Я, кали могла, в грибы ходила. Приду, где той штаб был. А мой хозяин работал бухгалтером. Это як поженились... Погранотряд строили в 37-м году. Я як тольки уже замуж зашла. Ён работал в погранотряде, так тады ГПУ и начальство погранотряда – все там они у нас угощались: и пили, и дневали, и ночевали... Они набирали местных. Приезжие были только специалисты: прорабы, инженеры всякие. Як ён з ими познакомился, и ён туды перайшол работать, сельсовет кинул. Тады строили, мусить, гады два ти три (примерно 1934–1937 гг. – **Авт.**). Там и тюрьма была, там и столовая, и кинотеатр, и казармы, и жилые дома. Там военных полк нагнали. Военные строили. Так там было все обстрел. Люди разбирали в войну, а тады немцы все разрыли, разобрали. Был военный городок. Там было домов 30... Як кладбище минеть, так сразу на правый бок... Тут было, у нас, и дешево. Все было на границе. Магазин эты военный, там все на свете было. Магазин был тут, где жилые дома. В общем, як идешь, на краю».

Строительство начиналось со штаба и тюрьмы. Эта неотъемлемая атрибутика погранотряда функционировала уже в первые дни после окончания работ.

Роленок (Захаревич) Вера Александровна, 1918 г. рожд.
Докшицкий (Бегомльский) район, дер. Березино.

«Тюрьма была кирпичная в погранотряде. Там только придешь вот сюды, жилые дома стоят. А гэта все загорожено, охранялось. И вот брали людей в гэтом, в 37-м, в 35-м, в 36-м, все они тут сидели, пока рассылали их куды... Арестовывали из местных. Приедут удвоих ночью, заберут – и в погранотряд их».

К началу 1937 г. Белорусский пограничный округ уже состоял из десяти отрядов, одной отдельной комендатуры и двух контрольно-пропускных пунктов. Под непосредственный пограничный контроль подпадали 29 районов, которые являлись охранной зоной с особым режимом.

За многие годы работа в УПО и ВНКВД наладилась. После трудового дня все командиры покидали управление пограничного округа, на вахте оставались лишь дежурные и телефонисты. Они поддерживали круглосуточную связь с границей. Все напряжение, вызванное постоянно меняющейся обстановкой на заставах и КПП, к вечеру сходило. Здание округа замирало. Лишь для решения срочно возникших оперативных вопросов в дежурной комнате принимал звонки дежурный офицер. В вечерние часы вся информация стекалась к оперативному дежурному. Он принимал звонки с границы и отдавал распоряжения, которые, при необходимости, согласовывал с командованием различных служб, связываясь с ними по служебным или домашним телефонам. Утром начинался рабочий день.

С конца 20-х и до середины 30-х годов наиболее рапространенной формой враждебных действий по отношению к СССР являлся обстрел территории и пограничных нарядов польскими военнослужащими. С середины 30-х годов стали фиксироваться единичные случаи нарушения границы польскими самолетами. За 1937 г. таковых было уже 8, из них

на участке 15-го погранотряда – 5 случаев и 16-го погранотряда – 3 случая. Углублялись самолеты на советскую территорию на расстояние от 200 до 1000 метров. Все эти случаи опротестовывались комиссарами по пограничным делам. Польские власти фактов перелета границы не признавали, кроме одного случая. В 10 час. 35 мин. 18 июня на участке 16-го погранотряда неизвестный самолет нарушил границу, был обстрелян 11-й и 3-й резервными заставами, подбит, и ушел на восток. Приземлился в 500 метрах юго-восточнее дер. Конюхи, где летчики и самолет были задержаны.

Москва продолжала требовать проведения дополнительных мероприятий по укреплению границы. Перед командованием пограничного округа и наркомом внутренних дел Белоруссии специальным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК ставился ряд конкретных задач. Всю серьезность отношения к этому подчеркнул член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК партии А. Андреев в своем выступлении 18 июня 1938 г. на XVII съезде КП(б)Б: основное – это то, что Белоруссия является приграничной республикой, занимает особое место по своему политическому положению.

Учитывая все это, в течение нескольких лет предполагалось отвести специальную зону от 50 до 100 метров по всей линии границы, передать под охрану войск ее 500-метровую полосу. Планировалось дополнительно организовать 12 МТС. Для электрификации границы намечалось пустить в строй несколько специальных крупных электростанций, которые в конечном итоге было решено заменить 18 небольшими районными электростанциями, а также усилить пожарную безопасность; улучшить торговую сеть в пограничных районах с одновременным увеличением необходимого ассортимента; заменить соломенные крыши домов на черепичные. Всего для технического оснащения границы правительство республики должно было передать строительным организациям 2 тыс. тонн колючей проволоки, 1 тыс. километров телефонного кабеля, 2 тонны гвоздей.

Для ужесточения пограничного режима предполагалось запретить въезд в 22-километровую пограничную полосу всех лиц, за исключением жителей данной местности. Прибытие поездов на станцию ограничить только дневным временем суток.

Работа на границе закипела. При этом привлекались все имеющиеся у гражданской власти и военного командования средства.

Дудко Вера Николаевна, 1919 г. рожд.
г. Одесса.

«Граница пересекала прямо по болоту (деревня Масево, Семежевский с/с, Копыльский р-н. – **Авт.**). Нам не разрешали слова сказать – они, с того боку, говорили, а мы не имели права. Они зовут, каб с нами поговорить, а мы отворачиваемся, отходим от этого места. Я малая была, там стояла застава, вот где у нас разломанный дом. А мы жили за заставой, а граница у нас была за лесом. Вот разваленный, разбитый дом, сад, и стены еще есть. Еще и второй этаж троху, он уже там разломанный. Это была застава. С границы привозили в заставу. Мы ж не знали. Наш начальник заставы сам себя взорвал. У нас проводили еще нейтралку по лесу, я сама рабила на ней, на той нейтралке, нейтральную дорогу. Люди рабили, военные командовали, а люди рабили. Взрывали взрывчатку, они сами ставили, взрывали лес. Уже ж освобождали широкую дорогу и ставили заграждения там с обеих сторон, каб следы были заметны, як переходят. Это еще я дивчиной была, я в 39-м пошла замуж, это было, ну, может, в 38-м. В эти годы мы все рабили. Взрывали и мужчины, и бабы, все разрабатывали, где рвут дерево – в сторону его, и рабили чистую дорогу, а потом вспахивали конями. Кто вспахал – не знаю. Нас туды не пускали».

Бюджет республики и без того трещал по всем швам. Завышенные планы, текучесть кадров, связанная с постоянными арестами, добавляли неразбериху во взаимоотношения с УПО и ВВ НКВД. Поэтому к началу 1939 г. удалось сделать немногое из того, что было намечено. Была произведена сложная запашка 10-метровой полосы, вырублена в лесу возле границы 50-метровая просека, отремонтирован ряд дорог, переселены из запретных зон хуторские хозяйства, организован ряд завалов и иных дополнительных заграждений.

БУДЕМ ПОМНИТЬ ИХ ПОИМЕННО

Артюшевский Михаил Степанович, 1911 г. рожд.
*Дзержинский район, дер. Путчино**.
1949 г. – 6 лет вольного поселения.

Бабеня Надежда Нестеровна, 1918 г. рожд.
Копыльский район, дер. Задворье.
1930 г. – выслана.

Баран Александр Андреевич, 1912 г. рожд.
Копыльский район, дер. Мацкевичи.
1940 г. – 5 лет.

Бычинский Владимир Тимофеевич, 1913 г. рожд.
Копыльский район, дер. Андросовщина.
1938 г. – 10 лет.

Валаханович Камелия Леонидовна, 1906 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Клочки.
1935 г. – выслана.

Валуева Наталья Ивановна, 1914 г. рожд.
г. Слуцк.
1945 г. – арестована, в 1945 г. – освобождена.
1946 г. – арестована, 7 лет.

Василевич Иосиф Венедиктович, 1918 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Стенка.
1934 г. – 6 лет.

Васьковская Розалия Адамовна, 1914 г. рожд.
г. Минск.
1935 г. – выслана.

Веремовская Мария Иосифовна, 1912 г. рожд.
г. Минск.
1930 г. – выслана.

* В списке указывается место проживания героев книги на момент ее написания.

Вилькот Кирилл Григорьевич, 1914 г. рожд.
г. Речица.
1937 г. – 10 лет.

Войтехович Юзефа Никодимовна, 1914 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Зосино.
1935 г. – 10 лет.

Воловик Владимир Иосифович, 1914 г. рожд.
г. Логойск.
1937 г. – 5 лет.

Волович Степан Степанович, 1914 г. рожд.
г. Столбцы.
1939 г. – 10 лет.

Вольский Викентий Викентьевич, 1913 г. рожд.
Минский район, дер. Воловщина.
1932 г. – выслан.

Врублевская Стефанида Игнатьевна, 1915 г. рожд.
Минский район, дер. Цнянка.
1930 г. – выслана.

Гайдученя Антон Викентьевич, 1921 г. рожд.
г. Минск.
1937 г. – 5 лет.

Гаманович Михаил Севастьянович, 1923 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Шалаши.
1938 г. – 3 года.

Гарбуз Мария Степановна, 1906 г. рожд.
Копыльский район, дер. Домениково.
1935 г. – выслана.

Гиравка Василий Макарович, 1923 г. рожд.
Ушачский район, дер. Плино.
1952 г. – 25 лет.

Голубко Николай Николаевич, 1918 г. рожд.
Несвижский район, дер. Осмолово.
1937 г. – 10 лет.

Горбенко Мария Васильевна, 1906 г. рожд.
г. Копыль.
1933 г. – выслана.

Горошко Надежда Николаевна, 1922 г. рожд.
Минский район, дер. Ратомка.
1935 г. – выслана.

Демидович Ольга Николаевна, 1913 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Осово.
1951 г. – выслана.

Десюкевич Иосиф Семенович, 1913 г. рожд.
Узденский район, дер. Могильное.
1935 г. – 5 лет.

Довнар Станислава Иосифовна, 1912 г. рожд.
г. Крупки.
1937 г. – 10 лет.

Дубаневич Иосиф Михайлович, 1901 г. рожд.
г. Минск.
1930 г. – 10 лет.

Дудко Вера Николаевна, 1919 г. рожд.
г. Молодечно.
1952 г. – выслана.

Езерская Анна Степановна, 1913 г. рожд.
г. Копыль.
1933 г. – выслана.

Жданович Василий Иванович, 1917 г. рожд.
г. Копыль.
1935 г. – выслан.
1937 г. – 10 лет.

Жидович Нина Иосифовна, 1913 г. рожд.
Копыльский район, дер. Вошкаты.
1930 г. – выслана.

Ивановский Наполеон Иосифович, 1910 г. рожд.
г. Молодечно.
1930 г. – выслан.

Игнатович Александра Адамовна, 1909 г. рожд.
Минский район, дер. Селец.
1937 г. – арестована.
1939 г. – освобождена.

Изотова Юлия Ивановна, 1916 г. рожд.
г. Слуцк.
1932 г. – выслана.

Искрицкий Иосиф Игнатьевич, 1910 г. рожд.
Солигорский район, дер. Тычина.
1939 г. – 8 лет.

Каминский Иван Владимирович, 1923 г. рожд.
Докшицкий район, г/п Бегомль.
1935 г. – выслан.

Кандратеня Василий Сергеевич, 1920 г. рожд.
Копыльский район, дер. Смоличи.
1939 г. – 25 лет.

Караневская Ольга Антоновна, 1908 г. рожд.
г. Борисов.
1930 г. – выслана.

Карпович Анатолий Владимирович, 1910 г. рожд.
г. Слуцк.
1945 г. – 3 года.

Касперович Иван Петрович, 1916 г. рожд.
г. Слуцк.
1935 г. – выслан.

Клепацкий Иван Миронович, 1903 г. рожд.
г. Лепель.
1938 г. – 10 лет.

Козлов Степан Кондратьевич, 1902 г. рожд.
г. Минск.

Коляго Нина Кузьминична, 1910 г. рожд.
г. Минск.
1937 г. – 5 лет.

Кондратьев Петр Сергеевич, 1903 г. рожд.
Минский район, г/п Ждановичи, Республиканский интернат для ветеранов войны и труда.
1937 г. – арестован и в 1937 г. освобожден.

Король Анастасия Павловна, 1906 г. рожд.
Узденский район, дер. Подъельники.
1930 г. – выслана.

Краснодемская Юлия Григорьевна, 1913 г. рожд.
г. Борисов.
1933 г. – выслана.

Красовский Петр Иванович, 1918 г. рожд.
г. Плещеницы.
1937 г. – 10 лет.

Кривонос Антон Иосифович, 1899 г. рожд.
Минский район, дер. Ароновская Слобода.
1930 г. – 5 лет.

Кротович Сергей Иванович, 1910 г. рожд.
г. Минск.
1930 г. – 3 года.
1933 г. – 3 года.
1937 г. – 10 лет.
1950 г. – 8 лет.

Круц Мария Геркульяновна, 1914 г. рожд.
Смолевичский район, г. Жодино.
1931 г. – выслана.

Крючек Александр Антонович, 1917 г. рожд.
г. Столбцы.
1948 г. – 8 лет.

Кудерко Исак Лукьянович, 1914 г. рожд.
Лепельский район, дер. Рожно.
1938 г. – 5 лет.

Кудинович Анна Петровна, 1918 г. рожд.
Минский район, дер. Новинки.
1930 г. – выслана.

Кулеш Самуил Степанович, 1909 г. рожд.
г. Несвиж.
1939 г. – 10 лет.

Кулеш Сергей Степанович, 1913 г. рожд.
Клецкий район, дер. Синявка.
1940 г. – выслан.

Кунцевич Вячеслав Константинович, 1915 г. рожд.
Копыльский район, дер. Черногубово.
1937 г. – 8 лет.

Лейчинский Дмитрий Петрович, 1914 г. рожд.
г. Докшицы.
1930 г. – выслан.

Лойко Виктор Степанович, 1908 г. рожд.
г. Дзержинск.
1938 г. – 5 лет.

Луковский Владимир Федорович, 1924 г. рожд.
г. Мозырь.
1944 г. – 8 лет.

Майский Петр Семенович, 1904 г. рожд.
г. Минск.
1937 г. – 5 лет.

Малашонок Надежда Алексеевна, 1912 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Крулевщина.
1937 г. – 10 лет.

Малиновский Франц Устинович, 1920 г. рожд.
Логойский район, дер. Струя.
1938 г. – арестован и в 1938 г. освобожден.

Мамонтова Мария Иосифовна, 1916 г. рожд.
г. Полоцк.
1930 г. – выслана.

Миланович Виктор Петрович, 1916 г. рожд.
г. Минск.
1937 г. – 5 лет.

Морозевич Лука Лукич, 1913 г. рожд.
г. Могилев.
1936 г. – 10 лет.

Морозов Павел Максимович, 1898 г. рожд.
Минский район, г/п Ждановичи, Республиканский интернат для ветеранов войны и труда.
1938 г. – 8 лет.

Мычко Иван Петрович, 1912 г. рожд.
Воложинский район, г/п Ивенец.
1940 г. – 3 года.

Невгень Устин Васильевич, 1910 г. рожд.
Гродненский район, пос. Скидель.
1936 г. – 5 лет.

Никифорова Татьяна Павловна, 1918 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Дягилево.
1935 г. – выслана.

Новик Василий Иванович, 1918 г. рожд.
г. Могилев.
1939 г. – 8 лет.

Павлюченко Мария Фабиановна, 1910 г. рожд.
г. Слуцк.
1930 г. – выслана.

Петкевич Бронислав Антонович, 1918 г. рожд.
Полоцкий район, дер. Углы-2.
1937 г. – 10 лет.

Петровский Антон Доминикович, 1916 г. рожд.
г. Минск.
1929 г. – выслан.

Пигорева Мария Ивановна, 1911 г. рожд.
Минский район, дер. Пятевщина.
1930 г. – выслана.

Пономаренко Елизавета Моисеевна, 1920 г. рожд.
Солигорский район, дер. Краснодворцы.
1930 г. – выслана.

Протасеня Адам Федорович, 1909 г. рожд.
Солигорский район, дер. Тесово.
1933 г. – 10 лет.

Радкевич Иван Антонович, 1911 г. рожд.
г. Плещеницы.
1940 г. – выслан.
1941 г. – 10 лет.

Роговенко Александра Алексеевна, 1918 г. рожд.
г. Могилев.
1930 г. – выслана.

Рожков Федор Васильевич, 1908 г. рожд.
Солигорский район, дер. Чижевичи.
1933 г. – выслан.

Роленок Вера Александровна, 1918 г. рожд.
Докшицкий район, дер. Березино.
1933 г. – выслана.

Романенко Анна Иосифовна, 1915 г. рожд.
Смолевичский район, г. Жодино.
1930 г. – выслана.

Рудак Антон Иосифович, 1914 г. рожд.
г. Минск.
1944 г. – 10 лет.

Рукас Василий Иванович, 1915 г. рожд.
Украина, Запорожский район, село Беленькое.
1937 г. – 10 лет.

Русак Иван Михайлович, 1916 г. рожд.
Дзержинский район, дер. Путчино.
1935 г. – 3 года.

Русецкий Александр Леонтьевич, 1916 г. рожд.
г. Борисов.
1930 г. – выслан.

Рымашевская Валентина Владимировна, 1912 г. рожд.
г. Копыль.
1935 г. – выслана.

Рымашевский Вячеслав Брониславович, 1911 г. рожд.
г. Копыль.
1935 г. – выслан.

Савицкий Леопольд Иванович, 1918 г. рожд.
г. Новополоцк.
1933 г. – выслан.

Сазанович Павел Алексеевич, 1912 г. рожд.
г. Минск.
1936 г. – 5 лет.

Самохвал Иван Петрович, 1919 г. рожд.
Столбцовский район, дер. Засулье.
1939 г. – 15 лет.

Самохвал Лидия Поликарповна, 1920 г. рожд.
Клецкий район, дер. Загорное.
1952 г. – выслана.

Сачук Никодим Лукич, 1917 г. рожд.
г. Минск.
1936 г. – 3 года.

Сивицкий Яков Иванович, 1911 г. рожд.
г. Минск.
1930 г. – выслан.

Солодухо Иван Андреевич, 1911 г. рожд.
Копыльский район, дер. Сунаи.
1940 г. – 5 лет.

Сосновский Михаил Куприянович, 1913 г. рожд.
г. Могилев.
1933 г. – выслан.

Стринкевич Ядвига Игнатьевна, 1914 г. рожд.
г. Смолевичи.
1930 г. – выслана.

Стульба Франц Адамович, 1909 г. рожд.
Смолевичский район, г. Жодино.
1938 г. – арестован.
1939 г. – освобожден.

Судник Иосиф Францевич, 1918 г. рожд.
Копыльский район, дер. Язвины.
1948 г. – 3 года.

Уласевич Регина Доминиковна, 1916 г. рожд.
г. Минск.
1930 г. – выслана.

Филиппович Ядвига Александровна, 1907 г. рожд.
г. Минск.
1935 г. – выслана.

Фомина Елена Леонтьевна, 1916 г. рожд.
Копыльский район, дер. Великая Раевка.
1935 г. – выслана.

Чиж Елена Карловна, 1914 г. рожд.
г. Слуцк.
1935 г. – выслана.

Шергина Нина Антоновна, 1918 г. рожд.
г. Кличев.
1933 г. – выслана.

Шингирей Николай Филиппович, 1912 г. рожд.
Копыльский район, дер. Великая Раевка.
1940 г. – 5 лет.

Экман Абрам Ицкович, 1916 г. рожд.
Логойский район, г/п Плещеницы.
1937 г. – 10 лет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие биографии и послужные списки руководящих работников ГУПО и войск ОГПУ (НКВД) СССР; ГУПО и войск ОГПУ (НКВД) БССР

БЫСТРЫХ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

(**26.01.1893,** Пермская губ. – **22.02.1939**). Родился в семье рабочего. Русский. В КП с **10.17**.

Рядовой 194-го Троицко-Сергиевского, 107-го запасн., 3-го Саратовского пулеметного полков; член полкового комитета **1917 – 05.17**.

Токарь на Мотовилихинском з-де **06.07 – 10.17**; нач. пулеметной команды Мотовилихинского красногвард. отряда **10.17 – 1917**; сотр. отд. контрразведки **1918**.

Член Оханской уезд. ЧК **05.18**; пред. Оханской уезд. ЧК **05.18 – 09.18**; организатор Пермской губ. ЧК **1918**; член коллегии Вятской губ. ЧК **1918 – 1919**; нач. ОО 4-й стр. дивизии, 30-й стр. дивизии **04.19 – 05.05.1919**; нач. активной части ОО 3-й армии **05.05.1919 – 1919**; член коллегии Вятской губ. ЧК **1919 – 11.19**; нач. агентуры ОО 3-й армии **11.19 – 20.02.20**; нач. активной части ОО 1-й армии труда **20.02.20 – 05.20**; нач. ОО Екатеринбургской губ. ЧК **03.04.20 – 05.20**; зам. нач. ОО 16-й армии **29.05.20 – 19.06.20**; нач. ОО 16-й армии **19.06.20 – 09.20**; нач. ОО 6-й армии **26.10.20 – 12.20**; нач. ОО Крымской ЧК **11.20 – 12.20**; нач. ОО Харьковского ВО **16.05.21 – 05.22**; зам. нач. СОЧ ГПУ УССР **19.05.22 – 1923**; зам. нач. ГПУ УССР **1922 – 21.02.23**; нач. ОО ГПУ УССР **21.02.23 – 30.07.31**; нач. ОО Украинского ВО **21.02.23 – ?**; нач. ЧПО ГПУ УССР **10.23 – 09.01.24**; ст. инспектор войск ОГПУ Украинского округа **09.01.24 – 11.26**; нач. УПО и войск ГПУ УССР **11.26 – 30.07.31**; пом. нач. милиции и УГРО ОГПУ СССР **12.06.31 – 18.08.31**; зам. пред. ГПУ УССР **1931 – 30.07.31**; <u>нач. ГУПО и войск ОГПУ СССР **30.07.31 – 08.04.33**</u>; нач. ГИМ ОГПУ СССР **18.08.31 – 03.06.32**; зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии **08.04.33 – 10.07.34**; нач. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии **08.04.33-**

10.07.34; нач. УПВО УНКВД по Средней Азии **13.07.34 – 26.11.34**; зам. нач. УНКВД по Средней Азии **31.07.34 – 26.11.34**; <u>гл. инспектор погран., внутр. войск и милиции при наркоме внутр. дел. СССР **26.11.34 – 01.12.36**</u>; зам. нач. ГУРКМ НКВД СССР **01.12.36 – 1938**.

Арестован **10.38**; приговорен ВКВС СССР **22.02.39** к ВМН. Расстрелян.

Определением ВКВС СССР **22.09.56** приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

Звание: комиссар ГБ 3-го ранга **11.12.35**.

ДУХОВИЧ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(**1903,** Витебск – **1970,** Москва). Родился в семье рабочего-пильщика. Русский. В КП с **03.37.**

Ст. агент УГРО, Витебск **06.20 – 07.21;** не работал по болезни **07.21 – 05.22.**

Сотр. для особых поручений ОДТО ГПУ, станц. Витебск **05.22 – 09.22;** не работал по болезни **09.22 – 05.23;** <u>пом. уполн. погран. отряда ОГПУ, станц. Бигосово, БССР **05.23 – 07.29;** пом. уполн., пом. коменданта погран. отряда ОГПУ, мест. Плещеницы, БССР **07.29 – 10.31;**</u> уполн. ПП ОГПУ по БВО, Минск **10.31 – 01.33;** нач. ОО Мозырского окр. отд. ГПУ **01.33 – 07.34;** нач. ОО УГБ Мозырского окр. отд. НКВД **07.34 – 09.37;** пом. нач. Мозырского окр. отд. НКВД **09.37 – 06.38;** зам. нач. УНКВД Полесской обл. **06.38 – 02.11.39;** нач. УНКВД Пинской обл. **02.11.39 – 13.05.40;** зам. наркома внутр. дел БССР **13.05.40 – 15.03.41;** зам. наркома ГБ БССР **14.04.41 – 06.08.41;** зам. наркома внутр. дел БССР **06.08.41 – 08.41;** нач. ОО НКВД 54-й армии **08.41 – 03.43;** зам. нач. УКР СМЕРШ Наркомата ВМФ СССР **03.06.43 – 25.02.46;** зам. нач. УМГБ Горьковской обл. **01.47 – 03.49;** нач. УМГБ Брянской обл. **03.49 – 12.51;** зам. нач. УМГБ Вильнюсской обл. **12.51 – 03.53;** зам. нач. УМВД Вильнюсской обл. **03.53 – 10.53.**

Пенсионер МВД с **10.53.**

Звания: лейтенант ГБ **23.03.36;** капитан ГБ **02.11.39** (произведен из лейтенанта ГБ); майор ГБ **15.05.40;** полковник ГБ **14.02.43;** генерал-майор береговой службы **24.07.43.**

КАЦНЕЛЬСОН ЗИНОВИЙ БОРИСОВИЧ

(24.11.1892, Бобруйск – **10.03.1938,** Москва). Родился в семье ремесленника (мелкого комиссионера). Еврей. Член РСДРП(и) **03.17 – 09.17.** В КП с **09.17.**

Рядовой 251-го запасн. пех. полка, Москва **11.16 – 03.17;** рядовой 1-го учебного батальона, Нижний Новгород **03.17 – 05.17;** комиссар для поручений штаба МВО и Московского окр. военкомата **10.17 – 06.18.**

Следователь воен. отд. ВЧК **17.06.18 – 01.19;** ст. следователь ОО ВЧК **01.19;** член коллегии ОО 3-й армии **01.19 – 11.19;** врид нач. ОО 3-й армии **10.19 – 11.19;** зам. пред. ОО Юго-Западного фронта **11.19 – 01.20;** нач. ОО 12-й армии **01.20 – 11.20;** пом. нач. АОУ ВЧК **12.20 – 22.01.21;** пред. Архангельской губ. ЧК **01.21 – 02.22;** полпред ВЧК по Северному краю **01.21 – 03.22;** нач. ОО северной границы **01.21 – 03.22;** врид нач. ЭКУ ГПУ, Москва **07.22 – 04.09.22;** нач. ЭКУ ГПУ – ОГПУ СССР **04.09.22 – 28.04.25;** нач. адм.-фин. упр. ВСНХ СССР **1923 – 04.25;** полпред ОГПУ по ЗСФСР – пред. Закавказской ЧК **09.05.25 – 15.12.25;** нач. ОПО и Гл. инспектор войск ОГПУ СССР **15.12.25 – 08.26;** нач. Высшей погран. школы ОГПУ СССР **28.04.26 – 27.04.29;** нач. ГУПВО и войск ОГПУ СССР **08.26 – 27.04.29;** нач. СОУ и зам. полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **24.05.29 – 02.30;** член правления Госбанка СССР **02.30 – 31.12.30;** зам. полпреда ОГПУ по Московской обл. **31.12.30 – 03.03.33;** нач. Харьковского обл. отд. ГПУ **03.03.33 – 15.01.34;** зам. полпреда ОГПУ по УССР – зам. пред. ГПУ Украины **15.01.34 – 10.07.34;** зам. наркома внутр. дел УССР **31.07.34 – 07.04.37;** зам. нач. ГУЛАГ НКВД СССР **29.04.37 – 17.07.37;** зам. нач. строительства канала Волга – Москва, нач. Дмитровского ИТЛ НКВД **29.04.37 – 17.07.37.**

Арестован **17.07.37;** приговорен ВКВС СССР **10.03.38** к ВМН. Расстрелян.

Определением ВКВС СССР **09.07.57** приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

Звание: комиссар ГБ 2-го ранга **26.11.35.**

КОВАЛЕВ АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ

(1899, г. Чериков Могилевской губ. – **08.04.1942,** Москва). Родился

в семье крестьянина (позже отец стал рабочим). Белорус. В КП с **09.18.** Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва.

Делопроизводитель Чериковского уезд. училищного совета, отд. нар. образования земской управы **1915 – 03.17;** пред. Чериковского уезд. и гор. СПС **10.17 – 1918;** зав. отд. Чериковского УИК **1918 – 06.19.**

Пом. ком. роты, ком. роты на Западном фронте и под Петроградом **1919 – 12.19;** участник боев с Юденичем, был тяжело ранен. Член Чериковского уезд. комитета РКП(б) **01.20 – 1920;** пред. Чериковского уезд. комитета РКП(б) **1920 – 10.20;** отв. секретарь Чериковского уезд. комитета РКП(б) **10.20 – 12.20.**

Пом. зав. СОЧ Гомельской губ. ЧК **01.21 – 1921;** член коллегии Гомельской губ. ЧК **01.21 – 1921;** нач. ОАЧ Гомельской губ. ЧК **1921;** зам. пред. Гомельской губ. ЧК **1921 – 03.22;** зам. нач. Гомельского губ. отд. ГПУ **03.22 – 12.22;** нач. Житковичского погран. особого отд-я БССР **12.22 – 08.23;** нач. Заславльского погран. особого отд-я БССР **08.23 – 11.24;** врид нач. 12-го погран. отряда ОГПУ БССР **11.24 – 12.24;** пом. нач. ЧПО ПП ОГПУ по Западному краю по опер.-развед. части **12.24 – 01.25;** врид нач. и зам. нач. ЧПО ПП ОГПУ по Западному краю **01.25 – 02.26;** нач. 37-го Батумского погран. отряда ОГПУ **02.26 – 05.27;** нач. 44-го Ленкоранского погран. отряда ОГПУ **05.27 – 05.29;** пом. нач. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Казахстану по опер. части **05.29 – 07.30;** пом. нач. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии по опер. части **07.30 – 17.06.32;** нач. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Казахстану **17.06.32 – 10.07.34;** нач. УПВО УНКВД Казахской АССР **13.07.34 – 26.11.34;** нач. 2-го отд. ГУПВО НКВД СССР **26.11.34 – 04.01.35;** нач. 4-го отд. ГУПВО НКВД СССР **26.11.34 – 04.01.35;** нач. УПВО УНКВД Ленинградской обл. **04.01.35 – 05.01.38;** нач. погран. и внутр. войск НКВД Ленинградского окр. **05.01.38 – 29.01.38;** нач. ГУПВО НКВД СССР **29.01.38 – 03.02.39.**

Уволен в запас **13.05.39** с направлением в распоряжение упр. кадров ЦК ВКП(б); в запасе РККА по МВО **01.41 – 04.42.** Покончил с собой.

Звания: комбриг **23.12.35;** комдив **14.01.38.**

КРУЧИНКИН НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ (КОЗЬМИЧ)

(22.01.1897, Петербург – **19.08.1938).** Родился в семье служащего Акцизного ведомства. Русский. В КП с **07.29.**

Рядовой 2-го учебного батальона, Царицын **08.16 – 09.16;** прапорщик 44-го пех. запасн. полка **12.16 – 05.17;** подпоручик, ком. роты, нач. саперной команды 223-го пех. полка, Юго-Западный фронт **05.17 – 01.18.**

Делопроизводитель 32-го эвакопункта и Гжатского уезд. военкомата **02.18 – 08.18;** комбат, пом. ком. 23-го стр. полка, ком. 23-го стр. полка 3-й дивизии **08.18 – 09.19;** нач. штаба 178-й стр. бригады, ком. 180-й стр. бригады 60-й стр. дивизии **05.20 – 12.20.**

Пом. нач. строевого отд. войск ВЧК **26.05.21 – 10.06.21;** нач. орг. отд-я войск ВЧК **10.06.21 – 01.11.21;** пом. нач. строевого отд-я войск ВЧК **01.11.21 – 25.09.22;** зам. нач. штаба войск ГПУ, Москва **09.22 – 1923;** пом. нач. ОПО ОГПУ СССР **1923 – 08.26;** пом. инспектора войск ОГПУ СССР **1923 – 08.26;** пом. нач. ГУПО и войск ОГПУ СССР **08.26 – 31.07.31;** нач. мобилизационного отд. ОГПУ СССР **01.03.30 – 32;** зам. нач. ГУПО и войск ОГПУ СССР **31.07.31 – 10.07.34;** нач. 1-го отд. ГУПО и войск ОГПУ СССР (упом. **05.32**); зам. нач. ГУПВО НКВД СССР **10.07.34 – 15.04.37;** нач. ГУПВО НКВД СССР **15.04.37 – 29.01.38;** зам. пред. Центр. совета «Динамо» **27.08.37 – 29.01.38;** нач. погран. и внутр. войск НКВД УССР **29.01.38 – 29.03.38;** в резерве отд. кадров НКВД СССР **29.03.38 – 20.04.38.**

Арестован **04.38;** приговорен ВКВС СССР **19.08.38** к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

Звание: комдив **17.12.35.**

ЛОЦМАНОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

(1903, мест. Деречин Слонимского уезда Гродненской губ. – **26.01.1940).** Родился в семье унтер-офицера (позже отец был прапорщиком, поручиком). Русский. В КП с **1924** (член ВЛКСМ **1920 – 1926).** Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Чернорабочий, работал на выгрузке дров, Рогачев **05.17 – 06.19;** упаковщик газет, экспедитор, библиотекарь, зав. библиотекой Политпросвета при военкомате Рогачевского уезда **06.19 – 05.21.**

Регистратор политбюро ЧК Рогачевского уезда **05.21 – 1922;** секретарь уполн. Гомельского губ. отд. ГПУ по Рогачевскому уезду **1922;** пом. уполн. Гомельского губ. отд. ГПУ по Рогачевскому уезду **1922 – 09.22;** пом. уполн. и уполн. Гомельского губ. отд. ГПУ **09.22 – 10.23;** уполн. по ББ погран. отд-я 18-го погран. отряда, уполн. 18-го погран. отряда ОГПУ, мест. Житковичи **10.23 – 04.26;** уполн. 13-го погран. отряда ОГПУ, Полоцк **04.26 – 08.26;** врид пом. нач. 12-го Бигосовского погран. отряда ОГПУ по опер. части **09.08.26 – 01.02.28;** пом. нач. 12-го Бигосовского погран. отряда ОГПУ по полит. части **01.02.28 – 18.11.30;** пом. нач. 12-го Бигосовского погран. отряда ОГПУ по СОЧ **18.11.30 – 12.30;** нач. экон. отд-я УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по БССР **12.30 – 15.03.32;** нач. 17-го Тимковичского погран. отряда ОГПУ – НКВД **15.03.32 – 11.01.37;** нач. опер. отд. УПВО НКВД КазССР **11.01.37 – 23.07.37;** нарком внутр. дел КиргССР **16.08.37 – 01.39.**

Арестован **1939;** приговорен ВКВС СССР **25.01.40** к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Звание: полковник **25.02.36.**

МАСЛЕННИКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

(1900, пос. станц. Чалыкла Саратовской губ. – **16.04.1954,** Москва). Родился в семье рабочего. Русский. В КП с **08.24.** Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (18–19 съезд). Депутат Верховного Совета СССР 1–3-го созывов. Герой Советского Союза.

Телеграфист, станц.Чебышево Урало-Илецкой ж. д. **1915 – 1917;** телеграфист, станц.Уральск Рязано-Уральской ж. д. **1917;** телеграфист, станц. Красный Кут Рязано-Уральской ж. д. **1917;** ком. Краснокутского красногвард. отряда **1917;** нач. команды связи красногвард. отряда, Астрахань, Красный Кут **1917 – 1918.**

Нач. команды связи 1-й Украинской стр. дивизии **03.18 – 1919;** нач. связи 199-го стр. полка **03.19 – 06.19;** нач. команды конных разведчиков, ком. конной сотни 199-го стр. полка **06.19 – 1920;** ком. конной группы, пом. ком. 67-го стр. полка **03.20 – 06.20;** ком. 126-го кав. полка **06.20 – 08.20;** врид комбрига 12-й кав. дивизии, ком. 3-й кав. бригады **08.20 – 1921;** пом. ком. эскадрона 79-го кав. полка **1922;** ком. эскадрона 79-го кав. полка, ком. Отдельного кав. эскадрона **1922 – 1925;** ком.-военком Отдельного кав. эскадрона 37-й стр. дивизии **1926 – 1927.**

Нач. маневренных групп 47-го и 48-го погран. отрядов ОГПУ **1928 – 1929;** инструктор строевой подготовки 48-го погран. отряда ОГПУ **1929 – 1930;** пом. нач. 48-го погран. отряда ОГПУ по строевой части **1930 –**

1931; ком. полка-военком 11-го Хорезмского кав. полка ОГПУ – НКВД **1932 – 27.01.36;** пом. нач. отд. боевой подготовки УПВО НКВД ЗСФСР **27.01.36 – 01.37;** нач. отд. боевой подготовки УПВО НКВД АзербССР **01.37 – 11.09.37;** зам. нач. УПВО НКВД АзербССР **11.09.37 – 20.12.37;** нач. УПВО НКВД БССР **20.12.37 – 1938;** нач. погран. войск НКВД БССР **1938 – 28.02.39;** 1-й зам. наркома внутр. дел БССР **21.01.39 – 28.02.39;** зам. наркома внутр. дел СССР по войскам **28.02.39 – 03.07.43;** командующий 29-й армией **07.41 – 12.41**; командующий 39-й армией **12.41 – 07.42;** командующий Северной группой войск Северо-Кавказского фронта **08.08.42 – 24.01.43.**

Командующий Северо-Кавказским фронтом **24.01.43 – 13.05.43;** зам. командующего Волховским фронтом **05.43 – 08.43;** зам. командующего Юго-Западным фронтом **08.43 – 10.43;** зам. командующего 3-м Украинским фронтом **10.43 – 12.43;** командующий 8-й гвард. армией **12.43;** командующий 42-й армией **12.43 – 03.44;** зам. командующего Ленинградским фронтом **03.44 – 04.44;** командующий 3-м Прибалтийским фронтом **04.44 – 10.44;** зам. Главкома сов. войск на Дальнем Востоке **08.45 – 09.45;** командующий Бакинским ВО **09.45 – 05.46;** командующий Закавказским ВО **05.46 – 12.46.**

Зам. министра внутр. дел СССР по войскам **10.06.48 – 12.03.53;** член коллегии МВД СССР **05.01.52 – 12.03.53;** зам. министра внутр. дел СССР **12.03.53 – 16.04.54.**

Покончил жизнь самоубийством.

Звания: полковник **20.07.36;** комбриг **03.12.37;** комдив **09.03.39;** комкор **14.03.40;** генерал-лейтенант **04.06.40;** генерал-полковник **30.01.43;** генерал армии **28.07.44.**

СОКОЛОВ ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(19.06.1904, пос. Мытищи Московской губ. – **18.04.1973,** Москва). Родился в семье маляра. Русский. В КП с **07.38.**

Рядовой 251-го стр. полка 28-й стр. дивизии, г. Шуша **05.20 – 05.21.**

Пом. ком. взвода 14-го батальона 2-й погран. дивизии **09.22 – 01.23;** ком. взвода 9-го батальона, 5-го батальона, 21-го батальона ГПУ **01.23 – 04.24;** нач. заставы Каменец – Подольского погран. отряда ОГПУ **04.24 – 04.25;** нач. заставы, пом. коменданта погран. участка 47-го Узбекского погран. отряда ОГПУ, г. Керки **04.25 – 10.26;** пом. коменданта погран. участка 47-го Керкинского погран. отряда ОГПУ по строевой части **10.27 – 04.29;** нач. маневренной группы Ошской Отдельной погран. комендатуры ОГПУ **04.29 – 02.30;** ком. дивизиона 10-го кав. полка ОГПУ, Ташкент **02.30 – 09.30;** ст. уполн. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии **09.30 – 10.31;** инспектор отд. боевой подготовки ГУПО и войск ОГПУ СССР **13.10.31 – 25.01.33**; преподаватель Высшей погран. школы ОГПУ – НКВД СССР **25.01.33 – 16.05.35;** нач. 1-го отд-я опер. отд. УПВО УНКВД Ленинградской обл. **16.05.35 – 02.03.37;** нач. опер. отд. УПВО УНКВД Ленинградской обл. **02.03.37 – 05.01.38;** нач. штаба погран. и внутр. войск НКВД Ленинградского окр. **05.01.38 – 17.04.38;** пом. нач. погран. и внутр. войск НКВД СССР **17.04.38 – 03.02.39;** и.о. нач. погран. и внутр. войск НКВД СССР **03.02.39 – 08.03.39;** нач. ГУПВ и погран. войск НКВД СССР **08.03.39 – 26.08.41**; нач. войск НКВД охраны тыла Западного фронта **06.41 – 08.41**; нач. штаба Центр. фронта **08.41 – 09.41**; зам. нач. Генштаба РККА **09.41 – 10.41;** нач. штаба 26-й армии **10.41;** командующий 26-й армией **10.41 – 12.41;** командующий 2-й Ударной армией **12.41 – 01.42;** в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандующего **01.42 – 03.42;** зам. ком. войсками Московской зоны обороны **03.42 – 11.43;** в распоряжении Гл. упр. кадров НКО СССР **11.43 – 06.44;** нач. Упр. воен.-учебных заведений войск НКВД – МВД СССР **12.06.44 – 30.10.48**; ком. 235-й дивизии войск МВД **19.01.49 – 10.11.51;** в распоряжении МГБ СССР **11.51 – 12.51;** нач. Упр. милицейской службы ГУМ МГБ СССР **19.12.51 – 03.53**; нач. отд. службы ГУМ МВД СССР **12.05.53 – 16.06.56;** зам. нач. погран. войск Юго-Западного окр. **28.07.56 – ?**

Звания: полковник **03.04.36**; комбриг **20.04.38**; комдив **09.03.39**; генерал-лейтенант **04.06.40.**

СОЛОДОВ ФЕДОР МАКСИМОВИЧ

(1898, д. Вонтеево Коломенского уезда Московской губ. – **06.1972,** Москва). Родился в семье портного. Русский. В КП с **10.19.**

Рядовой 2-го Замоскворецкого красногвард. отряда **02.18 – 04.18;** в боях с немецкими войсками был контужен; рядовой-пулеметчик 4-го Рабочего полка **04.18 – 09.18;** рядовой-пулеметчик 121-го стр. полка

14-й дивизии **09.18 – 09.19;** был ранен в бою, лечился в госпитале, Москва **09.19 – 04.20;** ком. взвода Особого Амурского полка, ком. отряда ОСНАЗ НРА **09.21 – 02.22;** ком. взвода 1-го стр. полка 2-й Приамурской дивизии **03.22 – 08.22;** ком. взвода, пом. нач. пулеметной команды, нач. пулеметной команды 6-го Хабаровского стр. полка **08.22 – 10.24.**

Инструктор химслужбы, секретарь партбюро 2-го кав. полка ОГПУ, отв. секретарь окр. совета Осоавиахима, Хабаровск **09.25 – 10.27;** инструктор, пом. нач. ВОХР Уссурийской ж. д. по полит. части **10.27 – 04.30;** пом. нач. ВОХР Донецкой ж. д. по полит. части **04.30 – 01.31;** инспектор по полит. части Центр. упр. ВОХР НКПС СССР **01.31 – 12.31;** инспектор по полит. части ГУПО и войск ОГПУ СССР **12.31 – 03.33;** отв. секретарь партбюро Высшей погран. школы ОГПУ – НКВД СССР **03.33 – 05.35;** отв. секретарь парткомиссий УПВО НКВД БССР **05.35 – 09.37;** и. о. секретаря парткомиссии Школы усовершенствования комсостава НКВД **09.37 – 12.38;** и.о. зам. нач. ОАГС НКВД СССР **25.12.38 – 31.12.38;** и.о. нач. ОАГС НКВД СССР **31.12.38 – 13.07.39;** нач. ОАГС НКВД СССР **13.07.39 – 31.12.40;** нач. Центр. ОАГС НКВД СССР **31.12.40 – 24.06.41;** нач. ОАГС Гл. упр. милиции НКВД СССР **24.06.41 – 07.12.42;** нач. опер. отд. Гл. упр. милиции НКВД СССР **07.12.42 – 09.01.43;** зам. наркома внутр. дел Бурят-Монгольской АССР по милиции, нач. Упр. милиции **09.01.43 – 28.11.45;** нач. лагерного отд. ГУШОСДОР НКВД – МВД СССР **28.11.45 – 05.46;** и. о. секретаря партбюро ГУВС МВД СССР **10.05.46 – 1946;** секретарь партбюро ГУВС МВД СССР **1946 – 13.05.48.**

Пенсионер с **05.48.** Москва.

Звания: батальонный комиссар **19.08.36;** полковой комиссар **04.10.37;** майор ГБ **22.04.40;** полковник **24.06.46.**

УЛЬМЕР ВОЛЬДЕМАР АВГУСТОВИЧ

(1896, Ревель – **28.03.1945,** Красноярский край). Родился в семье монтера. Швед. В КП с **1914.**

Инструктор пехоты по Всевобучу на Александровской ж. д. **02.06.18 – 28.10.18;** комбат 48-го резервного полка **28.10.18 – 21.01.19;** комендант штаба 8-й армии **21.01.19 – 09.03.19;** комендант слободы Кантемиров **09.03.19 – 01.04.19;** адъютант Правобережного отряда Богучаровской группы **01.04.19 – 12.04.19;** адъютант 1-го Богучаровского экспедиционного полка **12.04.19 – 12.05.19;** адъютант 106-го Богучаровского стр. полка **12.05.19 – 24.06.19;** адъютант 356-го Богучаровского стр. полка **24.06.19 – 18.04.20;** пом. ком. 4-го Богучаровского кав. полка **18.04.20 – 27.06.20;** нач. штаба 3-й бригады Богучаровской дивизии **27.06.20 – 19.10.20;** адъютант 3-го сводного стр. полка **19.10.20 – 01.04.21;** нач. штаба 2-го Богучаровской стр. бригады **01.04.21 – 12.07.22;** адъютант 6-го Отдельного Богучаровского полка **12.07.22 – 04.09.22;** комбат 6-го Отдельного Богучаровского полка **04.09.22 – 14.10.22;** пом. ком. полка 6-го Отдельного Богучаровского полка **14.10.22 – 28.11.22;** нач. школы 6-го Отдельного Богучаровского полка **28.11.22 – 12.02.23.**

Пом. ком. полка 2-го Киевского конвойного полка ГПУ **12.02.23 – 04.04.24;** нач. Одесской губ. погран. школы **04.04.24 – 03.11.24;** инструктор погран. надзора Очаковского погран. отряда ГПУ **03.11.24 – 03.12.24;** пом. ком. Одесского учебного полка войск ГПУ **03.12.24 – 16.03.25;** ком. дивизиона 4-го Украинского полка ГПУ **16.03.25 – 12.09.25;** ст. руководитель по воен. предметам Высшей погран. школы ОГПУ **06.05.28 – 01.04.30;** пом. нач. учебно-строевого отд. Высшей погран. школы ОГПУ **01.04.30 – 15.06.30;** пом. нач. 3-го отд-я ГУПО и войск ОГПУ **15.06.30 – 20.09.30;** нач. 3-го отд-я ГУПО и войск ОГПУ **20.09.30 – ?;** пом. нач. 2-го отд. ОО ОГПУ **15.09.30 – 05.03.31;** пом. нач. 2-го отд-я ОО ОГПУ **05.03.31 – 05.09.31;** пом. нач. 3-го отд-я ОО ОГПУ **05.09.31 – 25.01.34;** зам. нач. опер. отд. ГУПО и войск ОГПУ **25.01.34 – 14.02.34;** врид нач. опер. отд. ГУПО и войск ОГПУ **14.02.34 – 10.07.34;** нач. опер. отд. ГУПВО НКВД **10.07.34 – 26.11.34;** нач. 1-го отд. ГУПВО НКВД **26.11.34 – 16.04.37;** опер. секретарь ГУГБ НКВД **16.04.37 – 08.09.38;** нач. секретариата 1-го зам. наркома внутр. дел СССР **08.09.38 – 02.10.38;** врид зам. нач. Гл. упр. погран. и внутр. войск НКВД **02.10.38 – 01.02.39.**

С **01.02.39** в резерве.

Арестован **20.04.39;** приговорен ВКВС СССР **16.02.40** по ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы. Умер в местах заключения. Определением ВКВС СССР от **26.11.55** приговор отменен

и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

Звание: комбриг **23.12.35.**

ФРИНОВСКИЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

(14.01.1898, г. Наровчат Пензенской губ. – **08.02.1940**). Родился в семье учителя гор. училища. Русский. В КП с **05.18.** Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Вольноопределяющийся, унтер-офицер 13-го конного полка, Приморского драгунского полка **01.16 – 08.16,** дезертировал.

Был связан с анархистами, участвовал в убийстве бригадного генерала Бема, преследовался властями **1917;** счетовод-бухгалтер 1882-го восн. госпиталя, Москва **03.17 – 10.17;** участник июльского восстания в Москве **1917;** ком. группы красногвардейцев Хамовнического р-на **10.17;** лечился после ранения в Лефортовском госпитале **10.17 – 02.18;** пом. смотрителя Ходынской больницы, Москва **03.18 – 07.18;** работал в ячейке РКП(б) и месткоме Ходынской больницы; ком. эскадрона Московского Пролетарского полка **07.18 – 01.19;** член президиума правления Московского губ. отд. Союза «Всемедикосантруд» **01.19 – 05.19.**

Пом. нач. активной части МЧК **08.19 – 12.19;** нач. ОО Белгородской уезд. ЧК **12.19 – 02.20;** нач. ОО Киевской губ. ЧК **02.20 – 03.20;** нач. ОО Галицийской армии **03.20 – 04.20;** нач. АОЧ ОО Юго-Западного фронта **04.20 – 05.20;** нач. активной части ОО Юго-Западного фронта **25.05.20 – 11.20;** пом. нач. ОО 1-й Конной армии **10.11.20 – 1921;** зам. нач. ОО ЦУПРЧРЕЗКОМ **12.20 – 01.21;** пом. нач. секретного отд-я ОО ЦУПРЧРЕЗКОМ **01.21 – 05.21;** зам. нач. опер. отд. СОЧ ВУЧК **05.21 – 1921;** нач. опер. отд. СОЧ ВУЧК **1921 – 05.22;** нач. ОАЧ, секретарь ПП ГПУ УССР на Правобережной Украине **16.06.22 – 25.11.22;** нач. ОАЧ, секретарь Киевского губ. отд. ГПУ **25.11.22 – 01.06.23;** нач. ОАЧ, секретарь ПП ОГПУ по Юго-Востоку **23.06.23 – 27.10.23;** ст. инспектор Инспекции войск ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **12.11.23 – 1924;** нач. ЧПО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **01.01.24 – 01.26;** нач. ОО ОГПУ СКВО **1924 – 30.09.26;** зам. полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **03.24 – 13.01.26;** нач. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **01.26 – 30.09.26;** 1-й зам. полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю **13.01.26 – 30.09.26;** пом. нач. ОО ОГПУ МВО **08.07.27 – 28.11.28;** ст. инспектор войск ОГПУ МВО **14.04.29 – 01.09.30;** комдив-военком ОСНАЗ при коллегии ОГПУ СССР **28.11.28 – 01.09.30;** пред. ГПУ АзербССР **01.09.30 – 08.04.33;** нач. ГУПО и войск ОГПУ СССР **08.04.33 – 10.07.34;** нач. ГУПВО НКВД СССР **11.07.34 – 15.04.37;** зам. наркома внутр. дел СССР **16.10.36 – 15.04.37;** 1-й зам. наркома внутр. дел СССР **15.04.37 – 08.09.38;** нач. ГУГБ НКВД СССР **15.04.37 – 28.03.38;** нач. 1-го упр. НКВД СССР **28.03.38 – 08.09.38.**

Нарком Воен.-Мор. Флота СССР **08.09.38 – 06.04.39.**

Арестован **06.04.39;** приговорен ВКВС СССР **04.02.40** к ВМН. Расстрелян.

Не реабилитирован.

Звания: комкор **29.11.35**; командарм 1-го ранга **14.09.38.**

ХРЯПЕНКОВ МИХАИЛ ЕЛИСЕЕВИЧ

(1897, д. Стогово Духовищинского уезда Смоленской губ. – **1939**). Родился в семье крестьянина. Русский. В КП с **08.18.**

Ком. взвода (прапорщик) Белевского пех. полка **07.16 – 09.16;** ком. взвода Проскуровского погран. полка **10.16 – 07.17;** инструктор учета Смоленского губ. земельного отд. **07.17 – 02.18.**

Нач. участка охраны Рязано-Уральской ж. д., ком. батальона охраны ж. д., станц. Строгань **03.18 – 02.19;** пом. ком. 25-го полка, ком. 314-го стр. полка **03.19 – 08.19;** комендант ОО Западного фронта **09.19 – 01.20;** военком Упр. воен.-учебных заведений Западного фронта, военком запасн. кав. войск Западного фронта **02.20 – 12.20;** пом. инспектора кавалерии, военком инспекции кавалерии штаба МВО **01.21 – 05.22;** нач. штаба полка, нач. штаба 7-й кав. дивизии **09.25 – 08.26.**

Пом. нач. учебно-строевого отд. Высшей погран. школы ОГПУ СССР **10.26 – 1927;** нач. учебно-строевого отд. Высшей погран. школы ОГПУ СССР **1927 – 02.28;** пом. нач. по строевой части УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии **03.28 – 01.30;** нач. инспекции по начсоставу АО АОУ ОГПУ СССР **01.30 – 1930;** нач. 1-го отд-я АО АОУ ОГПУ СССР **02.30 – 18.08.31;** пом. нач. АО АОУ ОГПУ СССР **02.30 – 18.08.31;** пом. нач. отд. кадров ОГПУ СССР, нач. 2-го отд-я **18.08.31 –**

25.09.31; нач. отд. военизированной пожарной охраны ОГПУ СССР **25.09.32 – 10.07.34**; пом. нач. ГУПО и войск ОГПУ СССР **25.09.32 – 10.07.34**; врид нач. Гл. упр. пожарной охраны НКВД СССР **11.07.34 – 15.08.34**; нач. Гл. упр. пожарной охраны НКВД СССР **15.08.34 – 21.09.38**.

Арестован **21.09.38**; приговорен ВКВС СССР **04.05.39** по ст. 58-1 «а», 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян.

Определением ВКВС СССР **30.01.58** приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

Звание: комбриг **08.04.36**.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

адм. – административный
АзербССР — Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
АО – административный отдел
АОУ – административно-организационное управление
ББ – борьба с бандитизмом
БВО – Белорусский военный округ
ВКВС – Военная коллегия Верховного суда
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
ВМФ – Военно-Морской Флот
внутр. – внутренний
ВО – военный округ
ВОХР – военизированная охрана
врид – временно исполняющий должность
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
вуз – высшее учебное заведение
ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГБ – государственная безопастность
ГИМ – Главная инспекция милиции
гл. – главный
ГПУ – Государственное политическое управление
губ. – губерния, губернский
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУМ – Главное управление милиции
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГУПО – Главное управление пограничной охраны

ГУРКМ – Главное управление рабоче-крестьянской милиции
ГУШОСДОР – Главное управление шоссейных дорог
ж. д. – железная дорога
зам. – заместитель
запасн. – запасной
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
кав. – кавалерийский
ком. – командир
КП – Коммунистическая партия
МВД – Министерство внутренних дел
МВО – Московский военный округ
МГБ – Министерство государственной безопасности
мест. – местечко
нач. – начальник
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОАГС – отдел актов гражданского состояния
ОАЧ – общеадминистративная часть
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОДТО – отделение дорожно-транспортного отдела
окр. – округ, окружной
ОО – особый отдел
опер. – оперативный
ОПО – отдел пограничной охраны
ОСНАЗ – особого назначения
отд. – отдел
пех. – пехотный
пом. – помощник
ПП – полномочное представительство
пред. – председатель
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия: (б) большевиков, (и) –интернационалистов. (м) – меньшевиков
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМЕРШ – военная контрразведка «смерть шпионам»

сотр. – сотрудник
СОЧ – секретно-оперативная часть
спец. – специальный
ст. – старший
станц. – станция
СТО – Совет труда и обороны
стр. – стрелковый
УГРО – уголовный розыск
уезд. – уездный
УзбССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика
УИК – уездный исполнительный комитет
УКР – управление контрразведки
УМВД – управление Министерства внутренних дел
УМГБ – управление Министерства государственной безопасности
УНКВД – управление Народного комиссариата внутренних дел
УПВО –управление пограничной охраны
уполн. – уполномоченный
упом. – упоминается
упр. – управление
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
фин. – финансовый
ЦУПЧРЕЗКОМ – Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины
ЧК – чрезвычайная комиссия
ЧПО – часть пограничной охраны
ЭКУ – экономическое управление

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

Заерко А.Л.

Кровавая граница

Подписано в печать с диапозитивов заказчика 10.08.2002 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cyr. Усл. печ. л. 16,85.
Тираж 800 экз. Зак. 777.

Издательство «Камерон-Д».
220004, г. Минск, ул. Колекторная, 20а
Лицензия ЛВ № 362 от 17.09.1998 г.

Типография УП «Ходр» ОО «БелТИЗ».
20004, г. Минск, ул. Освобождения, 9
Лицензия ЛП № 91 от 15.08.2000 г.

*Артюшевский
Михаил Степанович*

*Бабеня
Надежда Нестеровна*

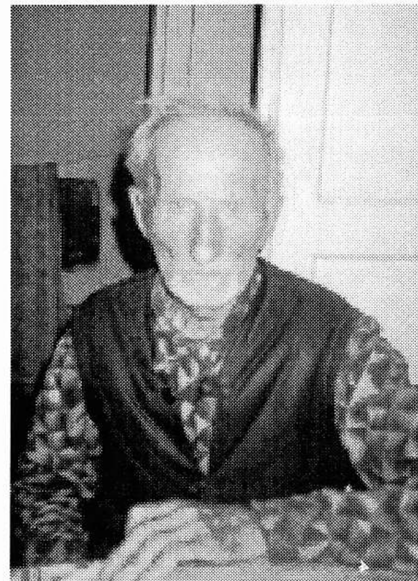
*Гарманович
Михаил Севостьянович*

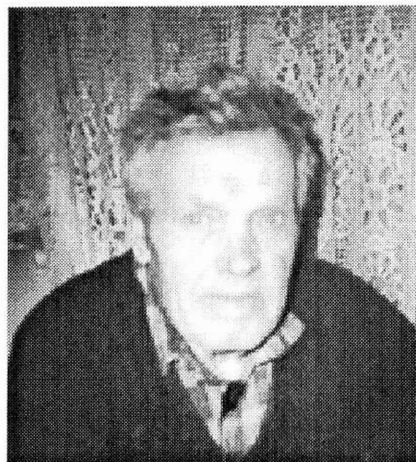
*Русецкий
Александр Леонтьевич*

Фомина
Елена Леонтьевна

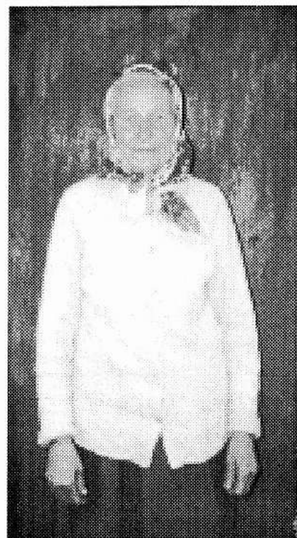

Десюкевич
Иосиф Семенович

Бычинский
Владимир Тимофеевич

Дудко
Вера
Николаевна

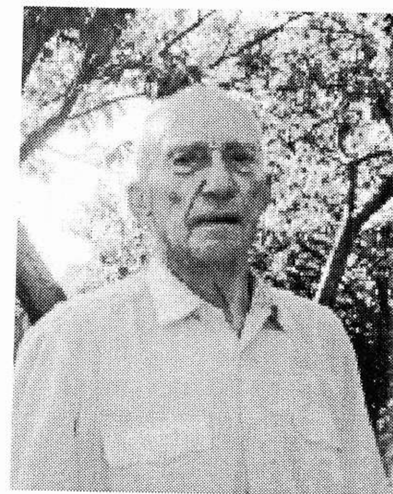

Жидович
Нина Иосифовна

Клепацкий
Иван Миронович

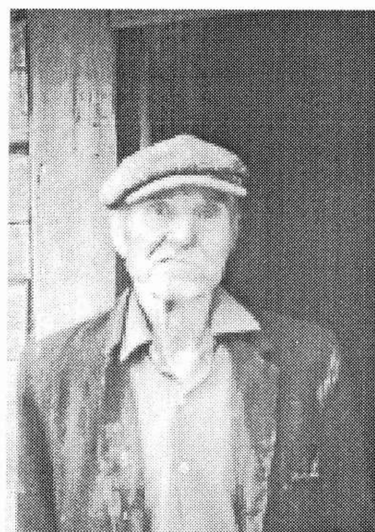

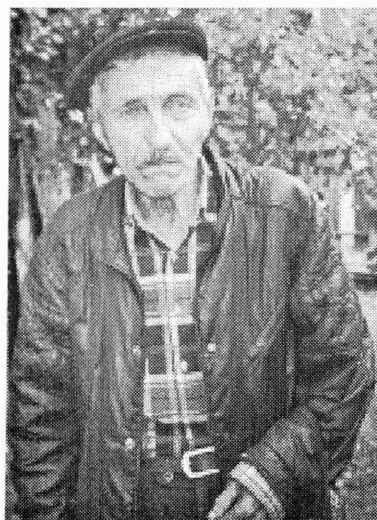
Кудерко
Дмитрий Фомич

Жданович
Василий Иванович

Горбенко
Мария Васильевна

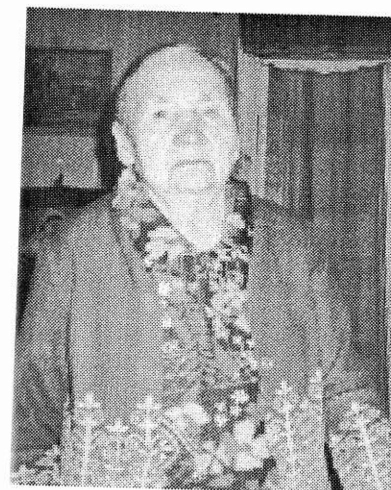

Купцевич
Вячеслав Константинович

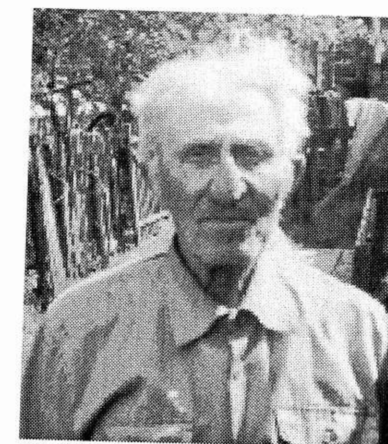

Каминский
Иван Владимирович

Горошко
Надежда Николаевна

Малашенок
Надежда Алексеевна

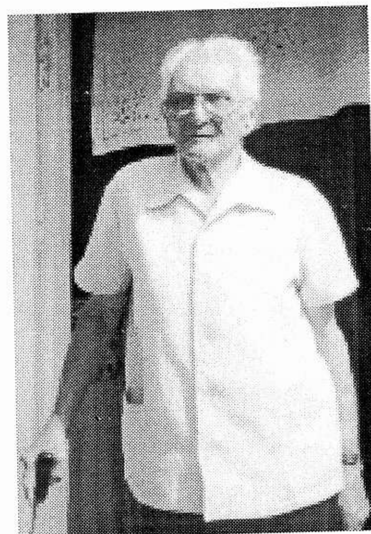

Король
Анастасия Павловна

Мамонтова
Мария Иосифовна

Малиновский
Франц Устинович

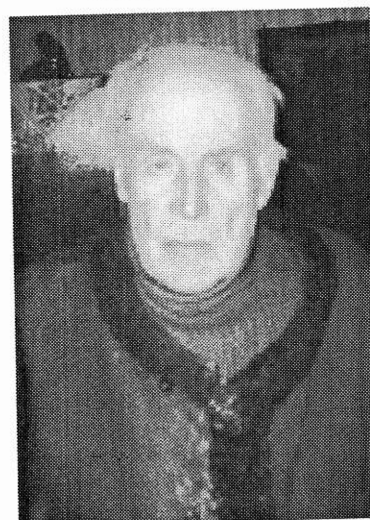
Новик
Василий Иванович

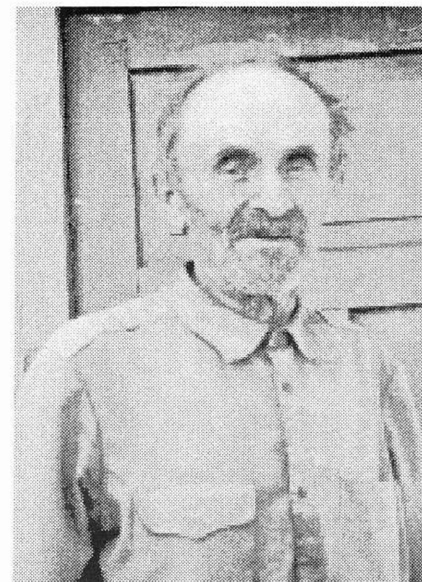
Мычко
Иван Павлович

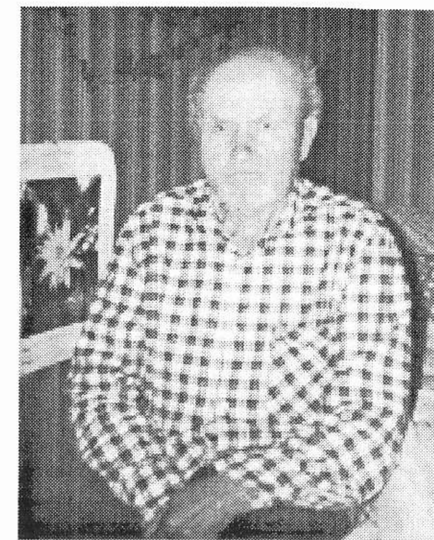
Кулеш
Самуил Степанович

Радкевич
Иван Антонович

Самохвал
Иван Петрович

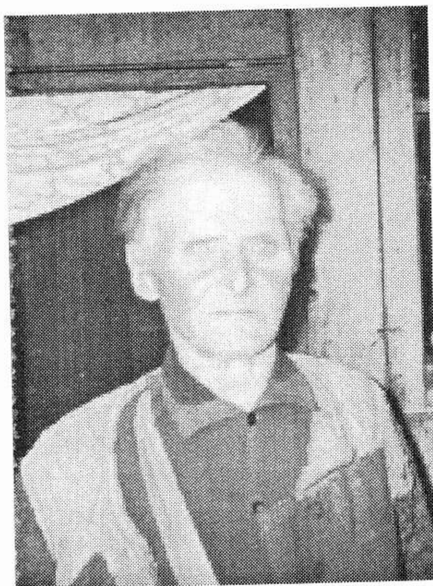
Рымашевский
Вячеслав Брониславович

Русак
Иван Михайлович

Самохвал
Лидия Поликарповна

Судник
Иосиф Францевич

Шергина
Нина Антоновна

Рымашевская Валентина Владимировна

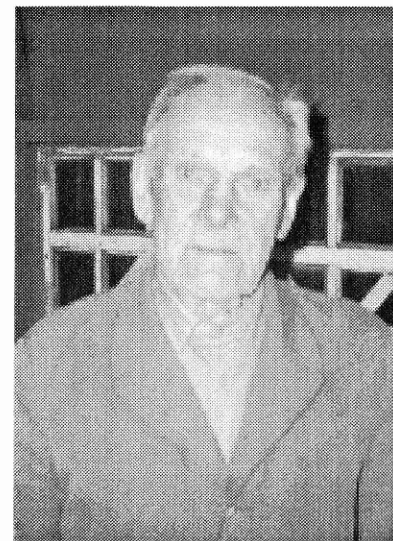
Василевич
Иосиф Венидиктович
(фото 1957 г.)

Воловик
Владимир Иосифович

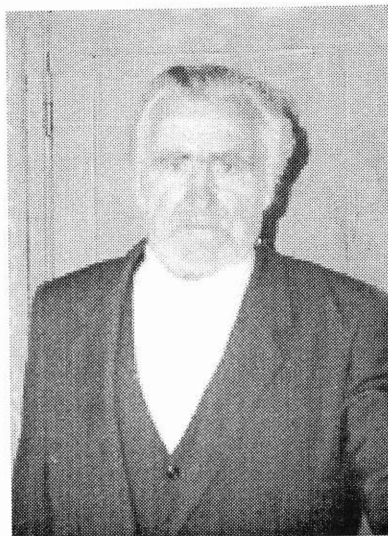
Уласевич
Регина Доминиковна

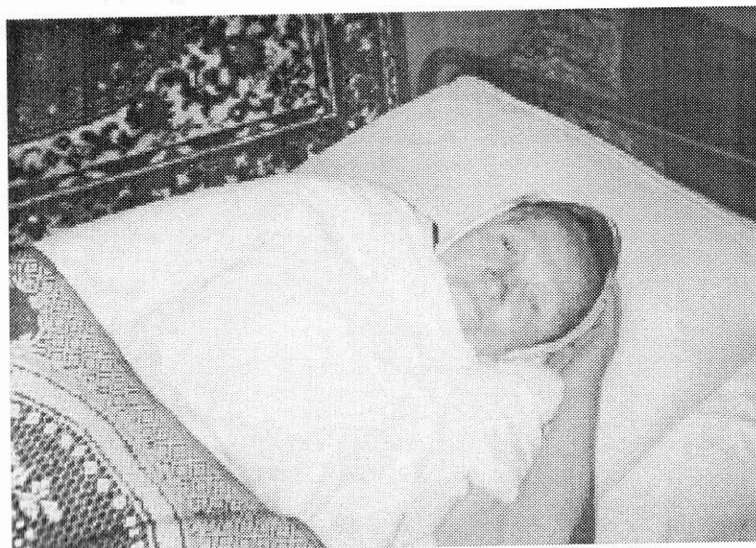
Протасеня
Адам Федорович

Лепчинский Дмитрий Петрович

Вольский Викентий Викентьевич

Чиж Елена Карловна

Пограничник Тимковичского погранотряда, депутат Верховного Совета БССР, младший лейтенант Г. Н. Усатенко

Бывшие кабинеты Тимковичского погранотряда

В этом здании располагалось Управление Тимковичского погранотряда

Здание одной из застав на западной границе (20-е годы)

Командный и рядовой состав пограничной камендатуры 17-го Тимковичского пагранотряда

Один из первых памятников В. Ленину в Беларуси сооруженный пограничниками Житковичского погранотряда в 1924 г.

На этом месте располагался Березинский погран отряд

Внутренние помещения на заставе в дер. Маево

Максим Горкий на пограничной станции Негорелое. 1931 г.

Застава (бывшее помещицкое имение) в дер. Маево, Семежского с/с, Копыльского р-на

К О П И Я.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Б С С Р

О награждении Погранохраны войск ОГПУ БССР орденом Трудового Красного Знамени БССР

За героическую преданность войск Погранохраны делу революции, большие заслуги по охране советских границ, а также и большую работу по укреплению хозяйственно-политического состояния пограничных районов, Президиум ЦИК БССР п о с т а н о в л я е т наградить Пограничные войска ОГПУ БССР орденом Трудового Красного Знамени БССР.

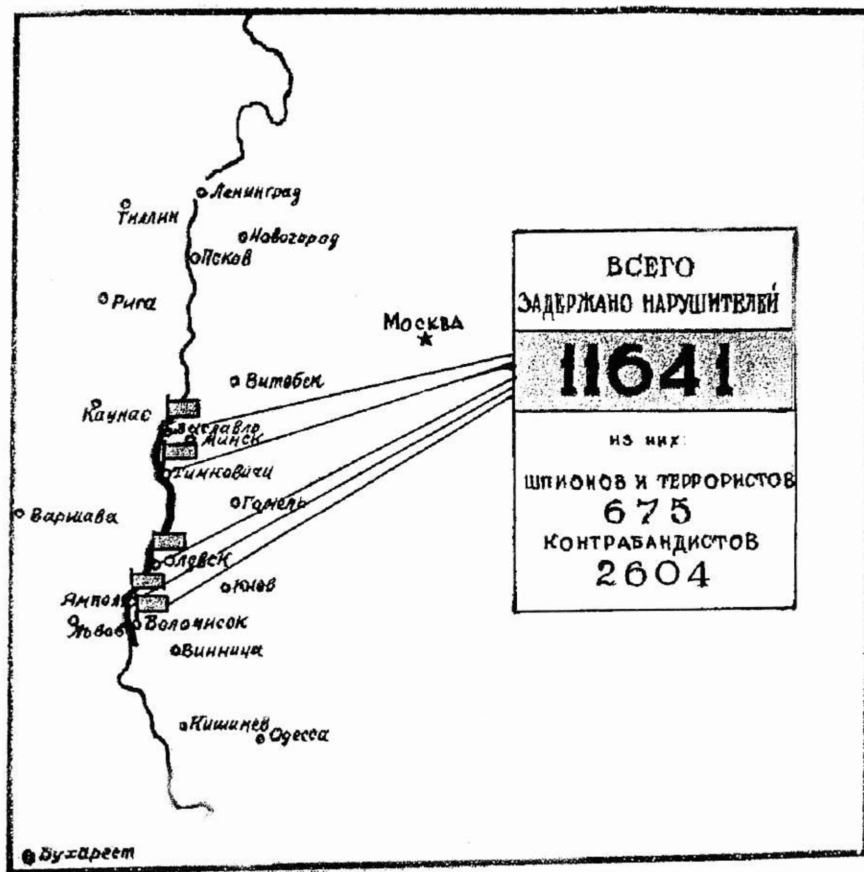
Председатель Центрального Исполнительного Комитета БССР

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета БССР

15 января 1932 года
гор. Минск.

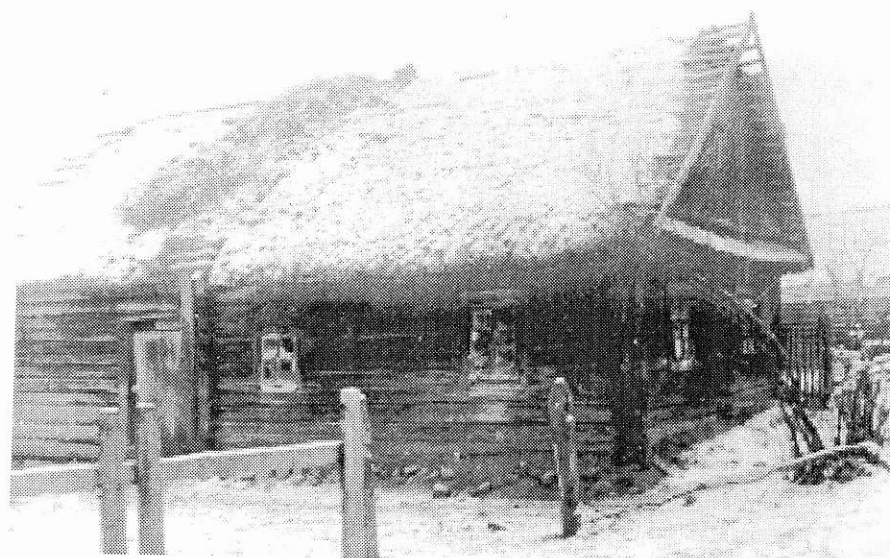
(Сборник законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики №18 от 5 апреля 1932 года статья 347.

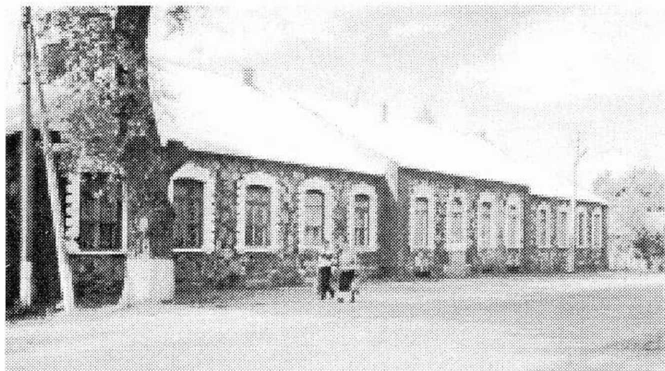
Задержания шпионов, террористов и контрабандистов на западной границе в 1922–1925 гг. (по данным пяти пограничных отрядов)

Раскулаченная крестьянская семья в дер. Боровое Минского района в приграничной советской зоне. Справка 30-ых гг.

Дом каморника-красноармейца в дер. Полоневичи одноименного сельсовета Минского района (колхоз «Красный Октябрь»). Середина 30-ых гг.

Здание учебной роты Плещеницкого погранотряда в г. Бегомеле

Группа участников демонстрации во время празднования 5-летия октябрьского переворота на приграничной станции Колосова на советско-польской границе.